

14 июня 1941 года

В это утро, пятницу 14 июня 1941 года, я проснулась, как обычно в хорошем настроении. Будильник звонил, было время вставать, т.к. нужно было идти на работу.

Я разбудила мужа: „Лоло, вставай! Уже поздно, надо спешить!” – На улице была весна. Солнышко светило приветливо в комнату. Я открыла настежь окно – теплый, свежий воздух подул мне в лицо. Это были первые жаркие дни.

Из соседней комнаты раздавался веселый детский голосок нашей трехлетней доченьки, Габиньки. Она играла со своей няней и заливалась звонким смехом. Наша собака Лорд смотрела на нас своими верными глазами, следила за нашими движениями, ожидая ласки. Высунув язычок, она подбегала то к Лоло, то ко мне.

За завтраком Лордик тоже ожидал свой „лакомый кусок”. Габи ему бросала колбасу, которую он моментально, облизываясь, уплетал.

Лоло любил обычно шутить за столом. Мы много смеялись. Счастливая была наша маленькая семья.

Глядя на отца с дочкой, я подумала о том, что скоро нас станет четверо!... И мечтала я ко дню рождения подарить моей доченьке братика!...

Наступило время уходить на работу.

Целуя меня, Габи просила: „Мама, не уходи на лаботу!”

Папа подошел тоже с дочкой прощаться. Он её всегда поднимал высоко-высоко, подбрасывал её в воздухе, что её всегда приводило в восторг.

– Еще, еще папочка!” – просила она отца.

Мы еле вырвались из объятий Габи, оставляя её с няней, которую она очень любила.

Лорд провожал нас до калитки сада, виляя хвостом.

Весело болтая, Лоло и я направились к остановке автобуса. По дороге Лоло очень озабоченно спросил о моем самочувствии, т.к. накануне, ввиду семимесячной беременности, мне было нехорошо. Я его успокоила. Сказала со счастливой улыбкой, что всё прошло.

Я напомнила мужу, что мы после работы должны встретиться, чтобы идти на день рождения сыночка нашего друга Бенно. Марику исполняется сегодня три годика! – добавила я, показав на коробку, завернутую в красивую бумагу с бантом. Там был большой Мишка, подарок мальчику.

В автобусе сидя, мы выглянули в окошко. Вдруг мы увидели необыкновенную картину: перед многими домами стояли грузовые машины. В них сидели люди, Многие из них размахивали руками, что-то говорили... некоторые плакали. На их лицах был страх... отчаяние...

Там находились мужчины, женщины, дети, старики. Возле них стояли солдаты с винтовками.

Чемоданы, вещи были разбросаны – часть на улице, часть в машине. Дальше по дороге к городу, мы наблюдали за грузовыми машинами, которые были полны людей. Они шли одна за другой. Солдаты ехали вместе с этими несчастными людьми.

Все пассажиры автобуса смотрели с испуганными лицами на это страшное зрелище. Они переглядывались в недоумении, ничего не понимая, что могло случиться??

Я посмотрела в лицо Леопольда. Оно обычно было спокойное, приветливое, улыбающееся. Но тут я увидела и его волнение – лицо было бледное, как полотно...

Он старался меня успокоить: „Не волнуйся, дорогая, думай о нашем сыночке!!” Когда мы доехали до центра, то и там, на улицах заметно было, что случилось что-то особенное, на лицах людей были видны испуг... горе... паника...

Некоторые бежали тяжело дыша. Другие стояли по два-три человека, оглядываясь осторожно в обе стороны, они тихо шептались... многие плакали, даже громко рыдали, забывая, что находятся на улице. У женщин были красные, опухшие от слез глаза.

Настал момент расставания с Леопольдом. Каждый из нас направился на свою работу.

Я работала в одном большом магазине заведующей отделением. Он находился на центральной улице. Там обычно бывало много покупателей. В это утро было пусто.

Из продавцов никто не работал. Они стояли группами, лица у них были взволнованные. Они обсуждали и рассказывали, что каждый из них видел и пережил за эту ночь. У кого увезли родных,... у кого друзей... у кого соседей... А что случилось, никто из них не понимал.

Вдруг раздался голос одного старого продавца магазина, он сказал:

– „Что же может быть?? Наша Прибалтика стала Советской! Теперь и у нас начались ссылки, аресты, чистки... – как в России! Русский народ пугают с начала Советской Власти, видимо настала наша очередь... Что от них хорошего ожидать? Только слез, горести, разъединения семей!...” –

Как раз в эту минуту, будто в подтверждение его словам, я увидела как зашла няня сына Ирины – сестры Лоло, в магазин. Она подошла ко мне вся в слезах. Её тело дрожало от волнения. Она была не в силах промолвить слово.

Успокоившись чуточку, она сообщила мне ужасную новость: Сегодня ночью забрали Ирину, её мужа и 3^{ex}-летнего сыночка Толю. Им дали один час времени, чтоб собрать вещи. Толик спал. Его пришлось разбудить, он капризничал и плакал. Ирина с мужем совсем растерялись. Ничего из вещей они от испуга уложить не смогли. Ирина упала в обморок.

Их увезли почти без вещей, продуктов и т.п. – сказала рыдая няня. Она только и думала о ребенке, которого она обожала.

Выслушав эту добрую, несчастную женщину, я сразу же подумала о родителях Лоло. Надо же их известить о судьбе дочери. Отец еще поправлялся от недавно перенесённого инфаркта. Мать тоже была не совсем здорова.

– „Как они только этот удар перенесут?” – с болью в сердце я набрала телефонный номер Лоло на работе. Лоло был у телефона. Когда я ему

рассказала о случившемся, он ответил, что сразу за мною зайдет и мы вместе пойдем предупредить бедных родителей.

Я не в силах описать горе отца и матери. Мать сразу осунулась. За полчаса постарела на десять лет... Отец, по профессии зубной врач, честнейший, всеми уважаемый человек никак ничего понять не мог...

Он только твердил: „За что? За что?“–

(„За что? За что?“ Этот вопрос можно задавать Советской Власти во все годы её существования... А у нас в Прибалтике начиная с лета 1940 года – по сегодняшний день! Тогда, когда Советский Союз „осчастливил“ наш народ своим присоединением! Тогда и Эстония стала „братской республикой“!! Когда невинных людей сажают в тюрьмы, высылают в Сибирь, отправляют в трудовые лагеря для заключенных... Тысячи и тысячи невинных людей, находясь за решёткой, колючей проволокой, задают себе всё один и тот же вопрос: „За что? За что?“).

Слов утешения мы не находили... – все слова были слишком бедны... а горе слишком велико!...

Прощаясь с отцом и матерью, у каждого из нас была одна и та же мысль:

– Увидимся ли мы еще в жизни??...*

Вернувшись обратно в магазин, я остановилась у кассы и спросила нашу молодую, очаровательную кассиршу:

– „Эрика! Скажите, может быть и за мною пришли?“– эти слова я сказала полушутя, сама не веря своему вопросу. Но посмотрев на обычно веселую и улыбающуюся Эрику, на её смущенное лицо, опущенные глаза, я всё поняла раньше, чем еще услышала ответ:

– „Да, Рени! Вас ждут здесь в магазине четверо мужчин. Они пришли сразу же после Вашего ухода с мужем“.

Я почувствовала как у меня сердце замерло... Острую боль в животе... Ребенок во мне стучал во всю, будто волновался вместе со мною... Голова закружилась... я чуть не упала... Меня удержал какой-то чужой мужчина, один из тех, которые меня ждали. Мужчины подошли ко мне, они были одеты в штатское. Один из них, наверно самый главный, сказал, чтоб я пошла с ними.

– „Ввиду того, что Вашу квартиру забирает одно государственное учреждение, Вам надо будет освободить её. Мы покажем Вам Вашу новую квартиру. Она будет хорошая, лучше старой!“– Он просил, чтоб я без всякой паники покинула бы с ними вместе магазин.

Я сразу поняла из его слов, что он мне рассказывает небылицу. Я выглянула в окно и увидела перед входом в магазин грузовую машину...– перед ней шагали взад и вперед два солдата с винтовками.

Всё было ясно!

– „Значит эти мужчины нашли „дипломатический подход“ чтоб меня спокойно, без всякого шума выпроводить из магазина. Тем более, что в это время уже стали приходиться покупатели!“– сообразила я. Мой милый директор, с которым я

* Мы не ошиблись. Мы родителей Ирины и Лоло больше не увидели. Во время немецкой оккупации фашисты отправили их в лагерь смерти Клоога. Они должны были сами себе копать ямы, в них ложиться... их обливали керосином и живыми сожгли... Они умерли, как все евреи в Эстонии, самой страшной смертью – страшнее представить себе невозможно. Эта трагедия папы и мамы. Она остается на всю мою жизнь незабытой!!!

* Я молюсь им каждый вечер до сна, и все равно у меня спокойного чувства нет! Я папу и маму очень любила, они были чудесные люди

имела прекрасное отношение, хотел мне помочь. Он сказал, что не может в рабочее время разрешить мне уйти.

Но они показали ему свои документы и добрый директор был вынужден замолчать. Он бросил только на меня грустный, понимающий взгляд, развел руками и вытер пот со лба.

Я попросила у этих мужчин разрешения позвонить мужу и тут же категорически заявила, что я без моего мужа ни шагу не сделаю. Они разрешили мне позвонить, но следили за моим разговором. (На мою просьбу позвонить моей маме и брату, они отказали строгим тоном.).

Леопольд был опять у телефона. Когда я ему рассказала в чем дело, он ответил: – „Я этого ожидал! Сейчас приду!”

Леопольд пришел очень быстро. Видно было, что он всю дорогу бежал, т.к. тяжело дышал. Он подошел близко ко мне, погладил меня по щеке и шепнул: – „Держись! Мы ведь с тобою будем вместе – а это ведь самое главное!”

Мои коллеги стояли вокруг нас. Они молчали... только их глаза говорили...

У многих были на глазах слезы..., мужчины громко сморкались... Некоторые подходили нам руку жать... Когда я их на прощание обняла – я почувствовала их тревогу за нас... за нашу судьбу... Сквозь слезы я старалась им улыбнуться и тихо промолвила:

– „Спасибо!! Не забывайте нас!”

Леопольд опомнился первым. Он обнял меня за плечо – другой рукой взял мою руку... Так мы вместе вышли на улицу.

Машина и солдаты ждали нас. Мужчины сопровождали нас до грузовика. Двое ушли, выполнив свои „государственные задания”. Двое остались с нами. Один из них „главный” с большим пузом.

Лоло попросил его, чтоб меня ввиду беременности, посадили бы вперед к шоферу. Он „гуманно” не разрешил. Сел вперед „пузатый-главный” – ведь у него тоже был большой животик... Нас везли стоя между двумя вооруженными солдатами – как настоящих преступников.

Мы с Леопольдом держались всю дорогу за руку... Он старался меня успокоить, боясь за нашего будущего ребеночка – за нашего „Мг. Х”... (так „его” в шутку он называл!)

Я взглянула в лицо Лоло – оно было очень бледное, красные пятна были на щеках. Вдруг мы оба вскрикнули. Мы с радостью заметили на улице нашего друга Бенно, к которому собирались на день рождения его сына Марика. Он шел спокойно, не спеша, погруженный видимо в свои мысли. Нас он не заметил. Мы оба в один голос крикнули ему: „Бенно! Бенно! Бенно!...”

Он остановился. Увидев нас стоящими в грузовой машине, между двумя солдатами, он схватился за голову...

Мы ему еще раз проезжая мимо громко крикнули:

– „Бенно! Нас увозят! Скажи маме и брату. Сейчас нас везут домой. Ты нас понял? Бенно, торопись, пожалуйста!”

А солдат справа стукнул нас сердито в спину и заорал,

– „Не разговаривать!!”

Мы еще успели заметить, как Бенно побежал быстро в сторону своей работы. А работал он вместе с Виктором, моим братом, в одном учреждении.

– „Значит, скоро мама и Виктор узнают о нас!” – подумали мы. Эта мысль меня очень успокоила!

Машина ехала всё дальше и дальше...

В руке у меня остался пакетик – большой, чудесный Мишка... подарок для сына Бенно, но который он никогда не получил...

До нашего дома было полчаса езды. Грузовая машина тряслась очень. Мне было трудно стоять. Лоло поддерживал меня. Я чувствовала тошноту и боли в животе, но я не хотела тревожить мужа, он и так страшно беспокоился из-за меня и нашего будущего ребеночка.

По дороге мне многое рассказал Лоло. Из его учреждения увезли ночью и под утро массу сотрудников. На работе никто не работал, все были в панике. Когда Лоло возвращался от родителей и отправлялся обратно на работу, он случайно встретил своего старшего брата Эдуарда, которому он сумел сообщить о несчастной судьбе Ирины и её семьи. Он обещал сразу зайти к родителям. Когда братья обнялись на прощание, они также подумали „о возможной разлуке” – может быть навсегда...?

У Лоло был еще один брат, Альфред, средний. Тот был для него не только братом, но также другом. Эдуарда он больше всех любил. Он позвонил с работы ему, но, к сожалению, не застал.*

Наконец мы подъехали к нашему дому. Дом был красивый, двухэтажный особняк на две семьи. Он стоял в большом саду.

Грузовик остановился у ворот. Нам велели выйти из машины. В саду вдоль дорожки к дому росли кусты роскошной сирени. Сирень как раз расцвела. Мимоходом я машинально сорвала веточку. Чудесный свежий запах его будто немного успокоил мое нервное состояние.

Нам велели войти в дом. Мы вошли в нашу красивую, уютную квартиру. Всё было как обычно. На столе в вазах цветы. Вещи, мебель – всё стояло на месте... Ничего не вызывало подозрения, что это всё в один миг разрушится...

Наш Лордик, увидев нас, бросился с радостным лаем нам навстречу. Он прыгал, облизывал руки, лицо от большой любви...

Габи спала в своей детской кроватке сладким послеобеденным сном. Она была такая хорошенькая, чистенькая, выглядела как ангелочек... Няня стирала детское белье. Она, увидев нас с целой „свитой” чужих мужчин, перестала заниматься стиркой, Она недоверчиво посмотрела на них – чуя что-то неладное, быстро перекрестилась.

Тут самый „главный-пузатый” велел нам сесть и выслушать его. Он сообщил, что нам дается один час времени, чтоб собрать вещи на дорогу. Отправляют Вас в другой край Советского Союза, на новое место жительство.

Я спросила: „Скажите нам только одно и, пожалуйста, только правду, будем ли мы с мужем и ребенком вместе!! Как нам уложить вещи, одежду – вместе или отдельно?? Как долго мы будем в пути??”

На эти вопросы мы услышали следующий ответ:

–„Знайте, что советские законы самые гуманные во всём мире! Они семьи не разлучают. Можете все ваши вещи укладывать вместе. А как долго вы в дороге будете, не могу Вам на это ответить! Не знаю!”

Всё было сказано ясно и четко. Самое главное, узнали, что будем вместе, нас не будут рассоединять! Что Советская Власть семей не разлучает. И это нас успокоило. Теперь надо было торопиться быстро начать укладывать вещи.

–„Но, что взять с собою, если руки трясутся!!... Когда голова ничего не соображает!!...” –

Няня, наша милая, добрая разбирала и паковала вещи Габи. При этом она громко плакала, сморкалась и проклинала всю Советскую Власть с её законами!!

Леопольд принес в комнату несколько пустых чемоданов. Я как раз собиралась в них укладывать одежду и случайно посмотрела при этом в окно... Я чуть от

* Обоих братьев Леопольду больше не суждено было увидеть: Эдуард был зверски убит в Таллинне фашистами. Альфред погиб на войне в 1943 году.

радости не вскрикнула... Я увидела, что к нашему дому подходят: мама, брат Виктор и тетя Паула, папина сестра... Но когда они собрались войти в квартиру, их „пузатый” не пропустил. Он приказал им оставаться в саду. Мама, Виктор и тетя Паула вернулись в сад обратно. Они встали за окном этой комнаты, где мы укладывали в чемоданы вещи. Окно нам запретили открыть, чтоб мы не могли бы переговариваться. Но мы хоть виделись через это окно, махали друг другу руками... и старались объясниться знаками, т.е. жестами... Моя бедная мама горько плакала... Брат старался её успокоить, а у самого на глазах слезы... он еще удерживал их...

Я что-то машинально вынимала из шкафа, клала в открытый чемодан... кое-что клала обратно в шкаф... Я сама была как в трансе, не соображала, что я делаю... Мои мысли были заняты тем, что за этим окном стоят мои дорогие... Я только смотрела на них и старалась угадывать, что они жестами хотят мне сказать....

Лоло помогал мне паковать вещи. Но когда он видел, что я из шкафа вынимала дорогую шубу, меховую шапку из норки, элегантные платья и пальто, он их вынимал обратно из чемодана, вешал в шкаф со словами:

– „Что ты делаешь? Ты ведь едешь в Советский Союз, – а не в санаторий!” – Наш телефон звонил без конца. Но нам подходить запрещали. Каждый звонок давал боль в сердце... Я гадала кто звонит? Наверно родители моего мужа, братья? Или Бенно, или мои две сестры! Мысли крутились..., меня тошнило... К тому же еще мой „Мг. Х” был очень беспокойный – наверно он возмущался, что с его мамой делают...?

Час прошел быстро. Наши вещи были кое-как в спешке собраны. Чемоданы закрыты. Настала тяжелая минута... надо было навсегда покинуть нашу милую квартиру... гнёздышко, в котором мы жили 4½ года счастливой семейной жизнью... Мы попросили разрешения еще присесть в последний раз на одну минутку. Нам „пузатый” это разрешил. Лоло, Габи, няня и я сидели молча... Лорд положил свою голову на мои колени – чувствовал тоже какое-то волнение, и беспокойство, т.к. прижимался то к Лоло, то ко мне...

Наша „свита” стояла с суровыми лицами возле парадной двери. Видимо, у них уже кончилось терпение.

Мы все, как по команде, поднялись сразу все вместе. Когда мы уже подходили к двери, вдруг Габи еще захотелось „по маленькому”. Когда эта процедура была окончена, она внезапно вспомнила про свою любимую куклу Дэзи. Побежала обратно в детскую комнату и не могла сразу её найти. Она заставила опять „свиту” ждать. Тут терпение у „главного” лопнуло. Он сердитым, хриплым голосом заорал на ребенка:

– „Ну-ка! Хватит! Плохая, капризная девчонка! Ступай уже!!”

На этот неожиданный резкий голос „сердитого дяди” Габи испугалась и горько заплакала... И под звуки этой „музыки” мы вышли навсегда из нашего дома... Навсегда!!!... Навсегда!... Навсегда!...

Описать следующие минуты невозможно... – без слёз я не могу о них думать... В саду нас ожидали мои дорогие. Виктор, мой хороший братик, подошел ко мне. Он обнял меня крепко и сунул мне незаметно для других, деньги в руки. При этом он мне шептал какие-то наставления на ухо, которые я не понимала... Я смотрела на мою бедную мамочку... она ещё держалась на ногах... Я подбежала к ней быстро, обняла её и прижалась к ней... Слезы не давали нам выговорить ни единого слова... Мама меня обняла и только несколько раз подряд повторяла мое имя: Рени! Рени! Рени, моя деточка!!...

Тетя Паула, сама еле живая, поддерживала мою несчастную маму. Няня, наша добрая душа, держала еще в последний раз свою маленькую любимицу на руках... Она Габиньку нам никак отдавать не хотела. Рыдая, она девочку передала отцу... А сама сердито замахала кулаком в сторону „пузатого”...

Лордик прыгал и лаял вокруг нас. С ним, нашим верным другом, было тоже безумно трудно прощаться...
Тут „свита” стала уже торопить нас. Приказывала нам, наконец, уже подняться на грузовую машину.
Еще последние поцелуи... объятия... обещания...
Всё остальное происходило „как в тумане” – глаза больше ничего не видели...
Нас посадили в грузовик на чемоданы. Габи села на колени папы. Я сидела возле них. Мотор зашумел... машина тронулась тяжело с места... Всё дальше и дальше от дома... всё дальше и дальше оставались наши дороги – мама... Виктор... тётя... няня... и собака Лорд... Вдруг внезапно машина завернула на право и мы всех потеряли из виду...

Два поезда

Мы ехали очень долго. Город оставался позади. Маленькая Габи заснула на коленях отца. Он её гладил по головке и тихо напевал песенку...
Я сидела на твёрдом чемодане совершенно разбитая, в полуобморочном состоянии. Все чувства были атрофированы. Только ребенок во мне давал о себе знать, он дрыгал во всю. Хорошо, что „он” хоть не знал, что с нами происходит. По дороге мы увидели ту же картину, что и утром, загруженные людьми грузовые машины. Только разница была в том, что тогда мы наблюдали, что кругом творилось – а теперь мы сидели в таком же грузовике... с вещами... с солдатами... с винтовками...
Наша грузовая машина остановилась на одном пригородном вокзале. Нам велели вылезти из машины и последовать за „свитой”. Мы очутились на перроне. Там стояли два длинных поезда. На перроне была масса людей, много милиции, вооруженных солдат. Этим людям торопили. Они таскали на себе тяжелые чемоданы и всякий прочий груз. Даже детей, подростков загружали всякими сумками, пакетами и пр. Кругом были слышны крики... плач... ругань... Людей сажали в поезд.
У нас было пять чемоданов и сумка с продуктами. Леопольд тащил два чемодана закрепленные ремнём через плечо, два чемодана в руках, Ему, бедному, было тяжело. Я несла один чемодан, сумку, набитую продуктами, и самое главное, горшочек для Габиньки, который был спрятан в марлевую пелёнку. Габинька несла в руках огромного Мишку, подарок предназначенный сыну Бенно, и свою любимую куклу Дэзи. Мы шагали по длинному, многолюдному перрону. Внезапно „пузатый” остановил нас со словами: –„Вам придётся теперь распрощаться! Будете ехать в разных вагонах. В этом поезде находятся мужские и женские вагоны. Дорога будет дальняя, вы будете много дней в пути. Поэтому надо соблюдать приличия, не полагается, чтоб мужчины и женщины ехали бы и спали в одном вагоне. Приедете на место назначения, там встретитесь снова! Делите теперь чемоданы, какие кто берет с собою! Еще раз повторяю – разлука будет только во время поездки!”
Лоло и я, мы испугались его словам. Мы посмотрели в недоумении друг на друга и хотели „главному” задать вопрос: „Что это всё обозначает!?” – Но голос „главного” не дал нам даже промолвить слово. Он приказал строго моему мужу: –„Вы прощайтесь теперь с женой и дочкой! Следуйте за мной!”
Главный стал торопить Лоло. Он успел еле-еле попрощаться, поцеловать Габи и меня. Поставив два чемодана на перрон, ему велели следовать за „пузатым-главным” и двумя солдатами. У Лоло остались эти два чемодана на плечах. Он ещё два раза оглянулся, помахал рукой... Я увидела его печальные глаза... он плакал... – затем он потерялся в толпе...
Всё это происшествие произошло так неожиданно и быстро... Я осталась стоять на перроне растерянная – ничего не соображая... На вопрос Габиньки: „Почему

папа ушел!” – я ничего ответить не могла. Комок стоял у меня в горле – мне хотелось плакать... кричать... кричать... кричать...

Меня охватил страх: „Неужели они нас навсегда разлучили?” – я столько ужасов про Советскую Власть слышала, что уже ни во что не верила. Затем старалась успокоить себя. Вспомнила слова, сказанные „главным”. Он то должен знать! Он ведь утверждал, что советские законы „самые гуманные в мире”, они не разлучают семьи!

Второй мужчина из „свиты”, который остался со мною, подозвал двух вооруженных солдат и обратился ко мне:

– А Вы с дочкой идите с нами!”

Два солдата взяли мои чемоданы и сумку с продуктами. Габи и меня подвели к одному вагону, нам велели туда войти. Солдаты поставили чемоданы и сумку в вагон. Затем все наши „ангелы-хранители” ушли... Их „гуманная миссия” была закончена...

Немного придя в себя, я стала оглядывать вагон, где Габи и я очутились.

Первое, что я с ужасом заметила, было то, что кроме женщин находились и мужчины! Им было примерно столько же лет, как и моему мужу. (Лоло было 27 лет, мне 29. Я была на полтора года старше моего мужа).

Я подумала с большим огорчением: „Почему эти взрослые мужчины могут ехать в „женском вагоне”, а Лоло не разрешено? Какой же это „женский вагон”, если едут и мужчины тоже?? Слово „приличие”, о котором твердил „пузатый”? Всё кажется очень странным??”

От людей в моем вагоне я узнала, что их тоже разлучили с их мужьями и отцами. Они сообщили мне свои предположения: считают, что сажают в другой вагон „главу семьи”, а остальных членов семьи, пусть это будут матери с взрослыми сыновьями, отправляют в так называемый „мужской вагон”! В эти вагоны сажают также женщин, если они являются „главой семьи”! Они утверждали, что всё это действие очень подозрительное, были уверены, что всё сделано умышленно и главное, чтоб разъединить семьи.

– „Мы думаем, что поедем ещё в разные стороны, что мы наших мужей, отцов, братьев никогда больше не увидим!” – говорили они мне и добавили: „Доверять Советам нельзя! Законы нечеловечески жестокие с их ссылками, тюрьмами, враньем...”

Все их прогнозы были настолько пессимистичными, что, слушая их, у меня на душе становилось всё тяжелее и тяжелее...

Я старалась им не верить. Внушая себе, что всё будет еще хорошо... Только мне с дочкой выдержать поездку, – а „там” нас будет ожидать наш папочка! ...

Но, увы!!! К сожалению, потом оказалось, что люди в моем вагоне были правы – это я была не права и слишком наивно-доверчива!!...

Через некоторое время я стала смотреть кругом. И я пришла в ужас!

– „Что это за поезд? Что за вагоны??” – подумала я.

Это был „телячий вагон”, в котором обычно транспортируют скот. Большой тёмный, вонючий вагон. На досках пола были следы навоза, валялись остатки сена, соломы по всем углам. По обе стороны вагона размещались нары, в три этажа. Дверь была раздвижная с железной перекладиной с наружной стороны. Высоко прямо под потолком были по обе стороны маленькие окошечки с решётками. Они еле пропускали дневной свет. Для „человеческих нужд” была сделана дыра в досках пола, т.ч. любой из нас мог видеть другого при возможных и невозможных обстоятельствах... В одном углу стояли два ведра – одно для чистой воды, другое для помоев. Ещё ящичек для мусора и метелка. Я посчитала, что нас в вагоне было 28 человек. Из них четверо взрослых мужчин и двое детей: Габинька и одна восьмилетняя девочка по имени Эви. У

Эви была мать, Эрна, и два брата. Одного звали Алекс, ему было 27 лет. Другого по имени Паул, ему было 25 лет. Их отец находился тоже в „мужском вагоне”. Это была очень славная семья.

Эрна устроила Габи возле своей дочки, чтоб девочкам было бы вместе веселее. Она сообщила мне сразу, что у неё есть из дома взятый примус, бутылка керосина, несколько кастрюль и пр. хозяйственные принадлежности, также продукты. Она объявила мне, что сварит девочкам манную кашу.

–„И спать могут дети вместе, чтоб они могли бы вытянуть ножки. Самое главное, чтоб им было бы хорошо! А нам, взрослым, придется уж кое-как туда ехать! Чтоб лечь – нет места!” – заявила она. Я была бесконечно благодарна этой доброй женщине.

Габи сразу же подсела к Эви. Они быстро подружились. Вообще у нас в вагоне оказались очень милые люди. Они сразу полюбили мою доченьку. А после того еще, когда они узнали, что вскоре я ожидаю ребенка, они стали с особенным вниманием и заботой относиться ко мне.

Когда детки покушали, я собралась Габи укладывать спать. В вагоне было сыро и прохладно. Я сняла свое пальто и покрыла им дочку. А она никак заснуть не могла, задавала мне по несколько раз один и тот же вопрос: „А завтра мы будем дома? У папы? У няни? У Лорда?”- Возбужденная, после такого необычного дня, она никак глаза закрывать не хотела.

Я ей стала тихо рассказывать сказки. Пела ей песенки – ничего не помогало! Тогда Габи сама стала мне рассказывать сказку про „Красную Шапочку”. Рассказывала страшно смешно, по-своему, перепутывая всех сказочных персонажей...

И когда она, увлекаясь, уверяла, что: „Шапочка съела Серого Волка, а бабушка Шапочку”, весь вагон дружно засмеялся.

Наконец моя доченька уснула. Она держала обеими ручонками крепко мою руку, наверно боялась, что я уйду и оставлю её одну, с чужими людьми...

Мне уступили самое хорошее место, на верхней полке, возле окна. Это мне устроили Эвины братья, Алекс и Паул. Они поместились рядом со мною. Алекс заметил, что мне холодно, т.к. свое пальто я отдала Габи, покрыл меня заботливо своим пальто. А Паул не хотел быть менее внимательным чем брат, он снял свою куртку, завернул её и положил мне её вместо подушки под голову. Хорошие они были парни!!

Мы стали по очереди поглядывать через наше крошечное окошко. На перроне мы увидели душераздирающие сцены... всё то, что сами только что пережили. Мужей разлучали с женами... матерей с сыновьями... с дочерьми... Перед нашей дверью дежурила охрана – солдат с винтовкой. Когда настало темно, солдат внезапно задвинул вплотную нашу железную дверь. С наружной стороны закрыл её перекладиной. Это было страшное чувство... будто мы скот, который везут на бойню... Меня знобило. Голова была тяжелая и болела... Стало душно и трудно дышать... Я себя чувствовала как в „звериной клетке”... Об этом напоминала скотская вонь... Меня тошнило... я хотела вырывать... Изю всех сил я боролась с тошнотой, т.к. не хотела людей тревожить и при них „коцевать” (блевать!!!) К счастью я тошноту преодолела и была благодарна моему „Mr. X”у.

Губы у меня начали сохнуть, а воды в ведре больше не было. На 28 человек было одно только ведро питьевой воды – мы её уже истратили! Капельку молока, которая осталась в бутылочке, я хотела на другой день оставить. Большею частью никто из нас не спал. Кто с соседом разговаривал... кто тихо плакал... а кто просто молча сидел и в одну точку глядел... У всех были мысли тяжелые... грустные... тревожные...

Я подумала о Лоло. Где он сейчас, милый, бедный мой? Наверно он голоден. Ведь сумка с продуктами осталась у меня! Мы хоть покушали, а он??... Эта

мысль мне не давала покоя, мучила меня всю ночь... Также я вспомнила о маме... о Викторе... о моих сестрах... родителей Лоло... Всё кружилось в голове... Хотя я не была верующей – в эту ночь я молилась Богу!!!

Под утро я, наверное, всё же заснула. Проснулась я оттого, что вдруг раздвинули двери. В наш вагон посадили новых „пассажиров”. Это были две очаровательные молодые девушки, сестрички 17 и 19 лет. Старшая, Маргот, была блондинка с огромными темными глазами. У неё прелестное лицо и стройная фигура. Младшая сестричка, Марика, не уступала красоте старшей. Она была её противоположностью, брюнетка, с синими глазами. Очень худенькая и изящная. Девушки зашли в наш вагон запуганные и заплаканные. Немного успокоившись, они рассказали об их участии. Родителей забрали, когда дочерей не было дома, утром в пятницу 14го июня. Одна была в гимназии, другая в институте. Когда сестры вернулись на обед домой – они нашли пустую квартиру... всё было вверх дном... Родителей не было!! От соседей они узнали, что родителей утром рано посадили в грузовую машину и под охраной солдат отправили куда-то... А ночью, когда девушки спали, пришли за ними! Таким образом, они очутились в нашем вагоне. Нас стало 31 человек! Сестры мне сразу очень понравились. Особенно привязалась я к старшей. Она была умная, энергичная не по годам девушка. Опекала она свою младшую сестрицу трогательно.

Была у нас в вагоне еще одна очень славная семья, по фамилии Авиксоо. Мать с сыном и дочерью. Сына звали Арно. Ему было 26 лет. Он был очень красив, выглядел как киноартист. Чудесно сложен, кудрявый темноволосый парень. Изумительные были его белые зубы и улыбка... Похож он был на Тайрона Повера, артиста кино, который был в то время очень популярным. Его сестра, Лидия, была на три года младше брата. Через два дня должна была состояться её свадьба. Вся семья готовилась к этому торжеству. Она была счастливой невестой, т.к. была очень влюблена в своего будущего мужа. И он её обожал! И вот эту бедную невесту увезли с родителями и братом ночью. А жених остался. Она ему даже ничего сообщить не смогла, т.к. не разрешили звонить по телефону. Отца, как главу семьи, отправили, конечно, в „мужской вагон”. Лидия была такая же красивая, как её брат Арно. Она сидела в вагоне тихая, молчаливая, погруженная в свои мысли... В наших разговорах она участия не принимала. Она не плакала. Почти ничего не ела. Старалась всё время книжку читать. Но я ни разу не заметила, чтоб она перелистала бы страницу... И на этом прекрасном, молодом лице был уже отпечаток скорби – разочарования жизни...

Я Лидию очень ценила и любила. Она была честным, положительным человеком, большим другом.

Еще была одна семья: мать, сын по имени Рихард, ему было 26 лет, и две дочки. Причем одна была родная, другая приемная. Их звали Сильвия и Нора. Тоже хорошенькие девушки. Нора была красивее и сразу понравилась Арнольду. Всем нашим мужчинам было между 25-27 лет. С горечью думала я о Лоло... Где же справедливость!!...

Была у нас еще одна старушечка по имени Марта Роос. Ей было 75 лет. Когда её посадили в наш вагон, у неё было много багажа. Она была довольна. Но когда она, вдруг проверяя свои чемоданы, обнаружила, что у неё оказались все только вещи мужа (а у него значит её одежда!), то с ней сделалась истерика. Она кричала, плакала, топала ногами... рвала на себе волосы. Один раз она хотела даже выпрыгнуть из двери вагона... Мы её еле удержали. Дежурный солдат накричал на неё и пригрозил винтовкой. Позже она всё ходила в мужской одежде. А сама она была маленькая ростом, худенькая, муж видимо богатырь... Она „тонула” в его одежде...

Двум нашим парням разрешили несколько раз в день из вагона с ведрами и мусорным ящиком выходить. Конечно только в сопровождении двух солдат. Мы были всегда счастливы, когда они возвращались со свежей водой. Нам сообщили, что в поезде находится „вагон-ларек”, где можно продукты прикупать. В сопровождении охраны могли только два человека из одного вагона в этот ларек ходить. Таким образом, они должны были для всех присутствующих в вагоне закупать. Мы страшно обрадовались этой новости. Составили список, что каждый желает, дали деньги и на разведку пошли в первый раз Арно и Алекс, в роли наших „уполномоченных”. Когда парни вышли, наш дежурный солдат не задвинул двери. Я подошла поближе к двери, дышала свежим воздухом и прямо ожила... Как это было хорошо!... Погода была теплая. Солнышко светило приветливо. Я высунула свою голову так далеко как смогла и мне был виден перрон с обеих сторон.

Людей всё еще водили... сажали в вагоны... Но были и „арестованные”, которые отправлялись с дежурными солдатами в „вагон-ларек”.

Вдруг я вижу – и не верю своим глазам! Идут двое мужчин по перрону, с обеих сторон их охраняют солдаты... а один из них – мой Лоло!!!... Они собирались уже пройти мимо моего вагона, но я изо всех сил позвала громко: „Лоло! Лоло!” Мой муж услышал и узнал мой голос. Он остановился и увидел меня... Мы безумно обрадовались этой встрече... Наш молодой солдат около двери был видимо не из плохих, черствых людей. Он что-то сказал солдатам, которые сопровождали Лоло. Они кивнули в ответ головой.

Тут мой солдатик молодой мне тихо, еле слышно шепнул, что меня выпустить к мужу не имеет права. Но моей маленькой дочурке он разрешит обнять отца. Он сам поднял Габи и бережно передал её папе... Лоло был счастлив держать своего ребенка на руках... Они друг друга целовали,... обнимали... Габи крепко прижималась к папочке и ему что-то всё шептала на ушко... Я со слезами на глазах наблюдала за этой трогательной сценой... Пока отец с дочкой болтали и обнимались, я быстро собрала кое-что из продуктов, также немного денег. Всё это мне удалось отдать Лоло. Это счастливое свидание длилось недолго – всего несколько минут. Наш добрый солдат был вынужден прекратить нашу встречу, т.к. наверно сам боялся начальства. Но он шепнул Лоло тихо, что на обратном пути он разрешит ему нас повидать, чтоб попрощаться.

Сразу после этих счастливых минут зашли в наш вагон один начальник (почему они всегда бывают пузатые??) и два милиционера. Они осмотрели со всех сторон наш вагон, сколько у нас вещей, как устроились? Проверяли по списку наши фамилии. Когда они окончили свое „задание” и спрыгнули с вагона, то начальник велел крепче задвинуть двери: „Пусть будет только маленькая щель для воздуха! Это им хватит!” – сказал он категорически.

Я так огорчилась, что чуть не заплакала. Мне был теперь виден лишь крошечный кусочек перрона... только впереди себя... и стала волноваться – увижу ли снова Лоло? Меня неожиданно выручил солдатик. Он раздвинул шире дверь. И, сам увидя моего мужа, подозвал его.

Лоло подошел близко к двери... Я ему высунула мои обе руки – он их взял в свои... Я ему быстро шепнула: „Лоло, дорогой! Я была четыре года очень, очень счастлива с тобой... Что дальше с нами не случилось бы – знай одно, что я тебя люблю и буду ждать тебя...” Он мне твердил такие же счастливые слова... Затем я его спросила: „Как ты думаешь, любимый, будем ли мы еще вместе??”

– „Конечно, будем, дорогая... Иначе и быть не может! Ты ведь у меня слишком маленькая, чтоб одной оставаться...!”

После этих слов мой солдатик велел нам прощаться. Мы поцеловались через щель двери. Маргот подняла нашу доченьку, чтоб и она тоже смогла бы поцеловать своего папочку...

– „Папа... папочка...!!” – говорила она и гладила ему лицо своей детской рученькой...

Последние слова Лоло были: – „Береги себя и Габи, и „Mr X”! Я вас люблю...” – Солдат мой раздвинул еще побольше дверь и я смогла смотреть моему мужу вслед...

Он шел тяжелым, тяжелым шагом... держа в одной руке сетку с продуктами, которую я ему дала... Один раз он еще раз обернулся, искал нас глазами... но нас не увидел...

Сердце у меня сжалось от боли... – ведь я то с моей доченькой вместе... – а он, бедный, совсем один...*

Неожиданные встречи

В конце того же дня нам привели нового „пассажира”. Это был молодой парень по имени Петер. Ему было 16 лет. На нарах и так уже места не было. Мы сидели как „кильки” один возле другого. Пришлось еще больше сдвинуться, чтоб Петеру хоть выкроить крайчик. А он был толстяк, дай Боже! Он мог бы занять таких два места! У Петера умер недавно отец. Он жил с матерью, у которой был свой магазин детских игрушек.

Мать, как главу семьи, посадили в „мужской вагон”, а его направили в наш „женский вагон”. Петер был весельчак – с большим юмором и смысленный не по годам парень.

Двери после его прихода остались раздвинутыми, что являлось для нас всегда большим счастьем. Мы подходили по очереди к двери, чтоб дышать воздухом и поглядывали на перрон, который был с обеих сторон виден.

Вдруг мы услышали из соседнего вагона страшные крики. Заметили бегущих людей, направляющихся в этот вагон. Они что-то взволнованно говорили и суетились. Затем подбежали к этому же вагону люди в белых халатах, видимо скорая помощь! Они несли носилки. Долго, долго из соседнего вагона никто не появлялся. Но крики всё продолжались. Через некоторое время вынесли носилки, они поставили их на перрон и мы могли разглядеть, что на них лежала женщина с очень бледным лицом, с синими губами... Она стонала... Её увезли в закрытое помещение станции. Но всё равно крики и плачь из вагона продолжались... страшно было их слушать... Вдруг настала тишина... Мы заметили, что их вагонные двери задвинули вплотную, наверно чтоб не был бы слышен шум и плачь другим. Позже мы узнали, что в следующем вагоне находилась беременная женщина, которая вот-вот должна была уже родить. Мужа её, как „главу семьи” посадили в „мужской вагон”. А её с двумя детьми и больной старой матерью в наш соседний вагон. У этой беременной начались схватки и пока медицинская помощь пришла – она уже в вагоне родила. Её вынесли на носилках вместе с новорожденным ребенком. А бабушку с внуками оставили. Это бабушка и дети так кричали и плакали...

Вообще, мы видели столько страшных сцен... столько человеческих страданий... столько слёз... – про эти трагедии можно было бы писать... и писать... без конца писать...

День тянулся. Заботы о неизвестном будущем не давали покоя. К счастью моя маленькая Габи была хорошим, послушным ребенком. Это наверно благодаря нашей милой, доброй няне дома...? Девочка отвлекала нас немного от грустных дум. Весь вагон любил её. С Эви она очень подружилась и они весь день играли или рассказывали друг другу сказки. Да и взрослые занимались охотно с

* После этого счастливого свидания мы не виделись 5 лет... Лоло попал в Сибирь, в лагерь для заключенных, как и все эстонцы из „мужского вагона”, который находился вообще в другом поезде.

девочками. Иногда дети вызывали смех, т.к. они были очень забавные. Под вечер я опять была рада большой щели в двери и выглянула снова на перрон. Людей возили всё еще и сажали в поезд. Внезапно у меня от испуга будто сердце остановилось... закружилась голова... т.к. я увидела, что ведут мою младшую сестру Раю с её мужем... Я стала их поджидать пока они приблизятся к моему вагону. Тогда я крикнула громко: „Рая! Герман!“ Они меня увидели стоящую в вагоне и замедлили шаг.

–„Рая, попросись в мой вагон!“ – умоляла я сестру.

А она в ответ покачала отрицательно головой и ответила:

–„Нет, Рени! Я хочу остаться с Германом вместе!!“

От этих слов я пришла в отчаяние и крикнула ей вслед:

–„Рая, послушайся меня! Тебя с Германом вместе не оставят. Вас рассоединят. Я тоже нахожусь здесь в вагоне без Лоло“.

Но я не знала, услышала ли Рая мои слова? Их торопили... они шли всё дальше по перрону и вскоре они совсем исчезли среди других людей. Я стала переживать за мою сестричку. Мне её было бесконечно жаль. Мыслями я её провожала... представляла себе как её сейчас разлучат с мужем... посадят её в один из вагонов, к чужим людям... Рая была также беременна, ожидала осенью своего первого ребенка.

На следующее утро, после второй ночи, проведенной в поезде на вокзале, всё тело болело... Сидели же мы за неимением места на нарах, почти не двигаясь... Так хотелось лечь... выпрямить ноги...

Каждый из нас стал рассказывать, как он дома спал... Мы описывали наши кровати в спальне, диваны... – всё это были для нас теперь одни воспоминания. Нас кормили два раза в день. Утром приносили ведро каши, безвкусной, сваренной на воде, хлеб и соль. Вечером селёдку, хлеба, ведро кипятка. К счастью был этот вагон-ларёк в поезде, который нас очень выручал. Запасов делать мы, конечно, не могли, т.к. закупали только двое из нас и они много нести не могли. И так они, бедные, возвращались нагруженные как ослы. Нас ведь стало теперь 31 человек. В это утро просилась я в ларёк, надеясь в поезде увидеть Раю или Ирину, сестру Лоло. Но мои люди отговорили меня. Они опасались, что в моем состоянии нехорошо нести тяжести. Мне пришлось согласиться с ними. Пошли Маргот и Петер. Они тоже надеялись увидеть в одном из вагонов своих матерей. Но вернулись они разочарованными – их мам они не нашли.

С мытьём была проблема, но потом приспособились. Два человека держали большое махровое полотенце с двух сторон – а за ним кто-то из нас мылся. Беда была с другими „человеческими нуждами“. В начале мы вообще сдерживались. Затем начали ходить только „по маленькому делу“. Мы употребляли тот же способ, что и при мытье. Махровое полотенце выручало нас и в этом. Помаленьку стали мы все буквально от запоров страдать. Животы вздувались... желудки заболели... (Даже в тюрьмах выводят заключенных по утрам в уборную. В камерах находятся для этой цели большие „параша“ (вроде бочки!) И не сидят же в одной камере мужчины и женщины вместе... А мы должны были – при всех!!...)

В обеденное время вдруг случилось несчастье с нашей старушкой Мартой Роос. Она внезапно застонала от болей в желудке. Её крики были настолько громкие, что дежурный солдат их услышал и спросил, в чем дело! Мы его попросили вызвать немедленно врача. После долгих ожиданий зашли в вагон врач-женщина и медсестра. Осмотрев и ощупав Марту, которая уже корчилась от схваток, они заявили, что ей необходимо поставить клизму.

Мы, остальные, тоже жаловались на запоры, врач обещала нам с медсестрой послать слабительные таблетки. Когда врач с медсестрой покинули наш вагон,

Роос была в отчаянии. Она орала, размахивала руками и кричала, что не даст себе поставить клизму. Спустя некоторое время в вагон зашли медсестра с молодым, красивым фельдшером. Увидев его, она ещё пуще заорала. Но сколько она не умоляла не делать ей при всех клизму, её протесты не помогли. Фельдшер сам поднял ей платье, спустил штаны, повернул её на живот – и пустил ей клизму „куда надо”!...

Конечно, мы жалели бедную Марту. Но всё же потом смеха было много. Особенно забавлялись этим происшествием наши четыре парня. (Они и в дальнейшем вспоминали эту „сцену с клизмой”, всегда шутили и смеялись... Было, правда грустно, но и смешно...).

Нам же всем дали слабительные таблетки. Мы, конечно, волновались – как это осуществить!!... Но как-то всё обошлось благополучно! Благодаря махровому банному полотенцу... Все успокоились... – стало как-то легче на душе...

Мы всегда радовались, когда „наш” солдатик дежурил. Он всегда оставлял большую щель в двери. Видно было по всему, что он нас жалел. Ко мне он особенно хорошо относился. Иногда мне даже чуть, незаметно для других, улыбался... Один раз он даже сунул Габи конфеточку в рот.

Он наверно был добрым парнем, выполнял своё задание по военной службе. „Побольше бы таких людей как он!”

Я стояла как-то опять у двери. Думала и мечтала о Лоло... „Хоть прошел бы опять мимо моего вагона в ларёк!...” Вспомнила нашу счастливую брачную жизнь... Эти четыре с половиной года после свадьбы – прошли как чудный сон! Как мы любили друг друга... нашу маленькую доченьку... Как мы радовались, узнав, что родится второй ребенок... Лоло был уверен, что будет определенно мальчик!! Он уже придумал для сыночка всякие имена... Но ни одно не находил достаточно красивым. Пока что он „его” называл „Mr X”...

Я ушла в мыслях совсем далеко от действительности... от этого вагона вонючего... от людей... И вдруг я услышала с перрона своё имя... Кто-то его звал – „Рени!... Рени!...”

Люди из моего вагона тоже слышали этот зов и спросили меня: „Не зовут ли Вас!!”

Я высунула свою голову так далеко, как только могла – и вдруг увидела: по перрону ходит мой брат Виктор.

– „Виктор! Виктор! – крикнула я обрадовавшись. Виктор подошел к моему вагону со счастливой улыбкой: – Рени! Как хорошо, что я тебя нашел!!” – сказал он.

С Виктором находились на перроне его два друга. Они отстранились, чтоб я могла бы лучше с братом поговорить. Виктор мне рассказал, что искал Раю и меня по всему поезду. (Он про Раю и Германа узнал в тот же день, когда их увезли из дому. Соседи осведомили маму!). Раю он нашел раньше, чем меня. „Она находится в самом начале поезда – второй вагон от паровоза – сообщил он мне – Конечно, теперь Рая очень жалеет, что не послушалась тебя, Рени. Твой совет был правильным. Её сразу после вашей встречи рассоединили с Германом. Она потом просилась в твой вагон, но её никто из начальства и выслушать не хотел. Я смог Рае передать деньги, продукты и кое-что из одежды. Она была этому очень рада!”

Видел Виктор в одном из вагонов Ирину. Она всё время только плакала, её нервы совсем сдали. Её сын, Толя, будто очень капризный и беспокойный, просится домой. Ей с ним очень трудно. Он сумел и Ирине кое-что из продуктов и деньги передать. Мне мой братик сунул тоже деньги в руки со словами: – „Бери, пригодятся тебе и Габи!”

Затем Виктор обратился к своим друзьям, чтоб они пошли бы за вещами, которые были предназначены мне. Они находились в машине. Сам же мой братик хороший остался дальше со мною разговаривать. Он рассказал мне, что

мама и он испугались дома после нашего отъезда, увидев, как мало вещей мы взяли с собою на дорогу. Для новорожденного у меня из детских вещей вообще ничего не было. Мама и он пошли в детский магазин и купили полное приданное для „Mr X”.

От знакомых, которые имели „связи”, они узнали, что наш поезд еще не ушел, что он стоит на пригородном вокзале Копли. Они решили оба идти Раю и меня в поезде искать. Тут я Виктора спросила: „А где же мама? Почему она не с тобою? Где она??”

Виктор на этот вопрос грустно опустил глаза и, колеблясь, ответил на мой вопрос:

–„Рени, дорогая! С нашей мамочкой случилось несчастье!... Но не пугайся – она жива! Только она попала в больницу!”

Я обомлела... умоляла брата мне быстро рассказать, что с мамой произошло. Оказывается мама и Виктор были уже несколько часов тому назад на этом вокзале, на перроне, где наш поезд стоял. Мама искала нас по одной стороне поезда – Виктор по другой. Мама заглядывала во все вагоны, громко звала наши имена!

–„Рени! Рая! Рени! Рая!” – но нас не находила. Из всех этих страшных „телячьих вагонов” выглядывали чужие ей незнакомые лица. Окошки в вагонах были так высоки, что она этих людей различать не могла, она видела только головы... только головы... Бедная мамочка, в отчаянии, что она своих „девочек” не находит, продолжала по перрону бежать – туда и обратно... туда и обратно...! Не переставая кричать наши имена „Рени! Рая!”... Вдруг она споткнулась и упала, больше встать не смогла. Была вызвана „скорая помощь” и её отвезли в больницу. Там врачи определили, что у неё перелом ноги. Ногу положили в гипс.

Оставив маму, Виктор с друзьями вернулся на вокзал, чтоб еще раз искать своих „заключенных сестер”. И в этот раз посчастливилось – он нашел нас!

Я пришла в ужас от этой ужасной вести. Наверно мама и Виктор были здесь на перроне, когда Марте Роос ставили клизму. Я помню, что тогда задвинули нашу дверь вплотную, чтоб не видно было бы с перрона, что у нас в вагоне творилось...

Я представила себе маму, её состояние, когда она упала и пришлось её увезти в больницу... её горе... её боль в ноге... – ведь она понимала, что своих дочек больше не увидит...

Я горько заплакала. Виктор старался меня успокоить. Он сказал, что отсюда сразу отправится к маме в больницу. Он ей расскажет, что видел Раю и меня, она обрадуется хоть этой хорошей вести.

–„Мама наша – героиня, Рени! Она держится молодцом! Она спокойно выдержала удар судьбы, не плакала и не кричала. С неё надо брать пример, дорогая! Будь и ты стойкая и молодцом. Разлука будет не долгая – мы увидимся!” – старался мой братик меня утешить.

* Мою маму ни Рая, ни я больше в жизни не увидели. Она была эвакуирована в первые дни войны с моей старшей сестрой в тыл Советского Союза, где они пережили всю войну. Когда в мае 1945 года война была закончена, Эстония освобождена от фашистских захватчиков, они вернулись в родной город Таллинн. Но там её ожидало большое горе, её брат с семьей, сестра с мужем, детьми и внуками, все родственники, оставшиеся во время оккупации немцев в Таллинне, были зверски убиты фашистами. Человек 50 только из её семьи и родных. А сколько ещё друзей... знакомых...?? Она ходила мимо их домов – будто мимо кладбища...

Мама с моей сестрой вернулись в конце мая 1945 года домой. В июле врачи обнаружили рак желудка и сильную анемию. Она скончалась в больнице 20 августа 1945 года. Мой брат и сестра похоронили её.

Рая и я были в ссылке. Мы получили телеграмму, заверенную врачами, о том что она умерла. Мы разрешения не получили, чтоб на похороны поехать.

Тем временем вернулись его два друга с вещами для меня. Я прямо ахнула, т.к. там были: детская кроватка для Габи, чемодан с бельем и одеждой, одеяло, подушки, детская коляска, где находились вещи для новорожденного. Получила ещё продукты и туалетные принадлежности.

И к нашим сестричкам, Маргот и Марики, пришли дядя с сыном, тоже с продуктами и вещами. У нас посторонних людей вдруг стало много. Радость была велика. Все болтали, обнимались...

Внезапно прервал нас голос Петера, он обратился ко всем нам:

– „Когда все посетители покинут наш вагон, я вылезу вместе с ними, притворюсь будто я также один из них. Это мой единственный „шанс“ удрать. Будьте милостивы, не выдавайте меня! Если удастся вырваться на свободу, я вам буду благодарен всю мою жизнь! Кто против моего плана бегства??!” – спросил он нас под конец.

Мы были за его план. Все были одного мнения – пусть парень рискует! Если ему посчастливится освободиться, – то желаем ему счастья... удачи...

Петер так и сделал.

Когда мы стали прощаться с нашими дорогими, Петер вместе с ними сошел спокойно (без вещей!) с вагона... постоял ещё немного... затем помахал рукой нам на прощание и исчез в толпе... Больше мы о нем не слышали. Надеялись, что парню удалось спастись!

Виктор задержался ещё недолго. Прощаясь с ним, я его крепко обняла и поблагодарила за всё... всё!!! Когда Виктора больше не видно стало – я почувствовала, что у меня больше сил нет... Вся моя душа рвалась к маме... Я себе представляла, что она, искавшая по всему поезду своих дочек, возможно даже стояла тут – перед моим вагоном... и наверно звала меня...?? А я её слышать не могла – мамин голос заглушал крик и стоны Марты... – голос Марты я слышала, а не голос моей матери... Если бы не клизма, дверь была бы открыта и мы наверное увидели бы друг друга... И нога моей бедной мамы не была бы сломанной... Всё в жизни судьба – до чего она бывает иногда суровой...

Вечером я ничего не ела. Меня тошнило. Мне всё казалось, что я не достаточно вопросов Виктору задавала насчет мамы и эта мысль меня мучила...

Моего доброго солдата сменил другой солдат. Тот сразу задвинул дверь вплотную. Я его чуть не плача умоляла оставить хоть маленькую щель... я стучала кулаками... говорила ему, что беременная... просила немного свежего воздуха – он оставался глухим. Эта ночь была особенно ужасная.

Кончилась питьевая вода. Жажда мучила нас всех... Кормили ведь, как назло, каждый вечер этой соленой, вонючей селедкой, она была мягкая от жары и пахла...

– „Пить... пить... пить...” – твердил каждый из нас пересохшим горлом. Да, вода в вагоне была „на вес золота”...!!

В путь

Вечером, укладывая Габи спать, вдруг я почувствовала толчок... Наш поезд тронулся с места. В нашем вагоне наступила полная тишина... все замолчали... У всех на лицах было заметно: волнение, страх, горе... Вдруг все заплакали... – никто больше не сдерживался... Даже наши молодые парни плакали, – не стесняясь слез... Марта Роос чуть не упала в обморок. Вместо таблеток „Валидола” она проглотила таблетку слабительного.

Мама умерла, держа в руках фотографии Раи и меня... и наших дочек... и часы на руке. Бедная моя мамочка! Мне её ужасно жаль!!!

Я взяла мою доченьку на колени, прижала её крепко к себе... и она обняла меня.

Увидев, что я плачу, она заботливо спросила:

– „Мама! Почему ты плачешь? Ты меня любишь?...”

– „Очень, очень, доченька, люблю!”

– „А папочку?”

– „Тоже очень, очень люблю!”

И вдруг я почувствовала такую большую ответственность за это маленькое, тёпленькое существо... и за „того”, который был во мне... Mr X-са!!!

С этого момента я стала взрослой – очень, очень взрослой... И откуда-то появились у меня новые силы, чтоб бороться с предстоящей, тяжелой жизнью...

Наш поезд шёл медленно, он часто останавливался на разных маленьких станциях. Всю ночь лил дождь. Началась страшная гроза, прямо над нами. Этот проливной дождик, гром и молния, влиял на наше уже и так отчаянное состояние ещё больше. У меня было ощущение, будто нам аккомпанирует „грозная музыка”... Голова болела, я никак уснуть не могла. Мечтала о том – хоть на минутку вытянуть ноги... Ведь эта была уже третья ночь, что мы сидели, не двигаясь на наших нарах.

Алекс и Паул видели мои мучения. Они пожалели меня. Братья уступили свои места. Они покрыли меня одеялом и сказали:

– „Спи, принцесса!!!”

Сами же они легли на пол, устроились на чемоданах. Наконец я легла „почеловечески”, хотя совсем выпрямить ноги не удавалось. На нарах сидели еще два человека (но уже больше не пять!).

Я уснула – как убитая... Во сне я была дома... Видела маму... Лоло, его родителей, брата моего и сестер... А папа сидел возле меня на нарах и гладил меня... Он шепнул мне тихо, что должен теперь прятаться от Советской Власти – а сам он был в тюремной одежде...

Тут я хочу немного рассказать о моем отце.

Мой папа был одним из самых богатых людей не только в Эстонии, но во всей Прибалтике. Он был владельцем крупных фабрик в Эстонии, был акционером фабрик в Латвии г. Риге, Литве г. Каунас, в Финляндии г. Хельсинки. Его имя было всюду известно. Он имел торговые и личные связи с Эстонским Правительством. Был хорошо знаком с главой государства Пятсом. Министры ходили к нам в дом. За границей, в Швеции, и главное с Германией он имел торговые связи. В Берлине он основал фирму „Немецко-Скандинавское Торговое общество”, приобрел большой мебельный магазин стильной античной мебели. Он находился большую часть года в Берлине. Там он был владельцем многих домов тоже, т.е. дел было достаточно. Мы его дети: сын и три дочери уехали в раннем детстве в Швейцарию, г. Лозанну, где мы получили свое образование и воспитание. Мы жили там, в особняке с мамой, воспитательницей, кухаркой и горничной. Папа приезжал нас проведать или мама ехала к нему в Таллинн на некоторое время, оставляя нас на попечение гувернантки.

В 1926 году папа купил чудесную большую виллу (особняк) в лучшем районе города Берлина, и вся наша семья переехала жить в столицу Германии, Берлин, на Bellenstedtn Str. № 2. В те годы Берлин был культурным центром Европы. Жизнь прямо кипела. Театра, концерты, балы были на высоте. Все знаменитые исполнители приезжали, давали концерты, играли на сцене. В опере выступали лучшие певцы мира. У нас были абонементы почти на все мероприятия, мы редко сидели по вечерам дома. Город был изумительно красив. Люди элегантны, любили сидеть в кафе, в ресторанах, барах и т.д. Было неопишимо интересно. Мой брат был студентом в Берлинском университете Humboldt Hochschule. Старшая сестра изучала языки. Рая посещала школу Hohenzollern

Oberlyzeum. Я же ходила в художественную школу Kunstschule Reimann. Все мы учились музыке, играть на рояле. Рая была самая талантливая из нас. Она играла хорошо на рояле. В 1930 году моя старшая сестра, Этел, вышла замуж в Берлине.

Настал 1933 год

Гитлер стал 30 января Рейхсканцлером. С этого дня вся беззаботная, хорошая жизнь изменилась. Перед нашими глазами произошла перемена. Началась кампания против евреев. Мы видели 1 апреля шествие национал-социалистов и „Hitler-Jugend” в своих коричневых униформах, они шли по Kurfürskendam с факелами и кричали „Juda verteeke!” Мы пережили Christall-Nacht (когда сжигали неарийские книги!), Reichstagsbrand (когда горел Рейхстаг!) и т.д. Мы два раза бежали из Берлина. Находились в Швейцарии, потом в Париже. В промежутке возвращались опять в Берлин.

В 1936 году наша семья окончательно удрала из Германии, чтоб спасти нашу жизнь, т.к. мы были евреями. Мы поехали в Эстонию, Таллинн, жить. (Тогда Прибалтийские страны: Литва, Латвия и Эстония были свободные, самостоятельные республики).

Там был у нас родительский дом. Мы стали опять жить нормальной жизнью. В том же 1936 году Рая и я вышли замуж. Через год я родила свою дочь, Габи. У моей сестры была тоже дочка, годом старше моей. Папа обожал своих внушек, гордился ими.

У меня была прекрасная 4-комнатная квартира, которую папа шикарно обставил. Имела няню для Габи, прислугу, которая убирала и готовила, хорошего мужа – я жила как „принцесса”! Так же были устроены мои обе замужние сестры. Папа нас баловал, дарил нам дорогие вещи и пр. Мы имели „золотого папу” и добрейшую маму. Нашему счастью ничто не мешало.

Папа был очень гуманным человеком. Большим благодетелем. Он любил помогать бедным, нуждающимся людям. Он мог, например, когда нищий приходил просить подачку, открыть свой шкаф, отдать ему пальто, костюм или прочее из одежды, давая ему и деньги. Он получал уйму писем от людей, которые его просили о помощи. Я не знаю случая, что бы он им отказал. Рабочие его фабрик нередко обращались к нему, жалуясь на многодетную семью, болезни жены или т.п., просили прибавить зарплату. Т.к. большей частью заводы были акционерного общества, он не имел права самостоятельно повысить заработок рабочего. Но он записывал себе в специальную книжку фамилию просителя и доплачивал ему ежемесячно из своего кармана деньги к его зарплате.

Друзьям, родственникам он „одалживал” суммы денег. А многих близких родственников он вообще содержал. Например: его тетя, которая жила в Латвии, овдовела. Она имела пятерых малолетних дочерей. Папа устроил им переезд в Таллинн. Снял им большую квартиру. Дети ходили в школу, брали частные уроки музыки, английского, французского языка. Тетя держала прислугу. Все за папин счет. Чтoб тетя работала бы, об этом и речи не было! Когда девочки выросли, он двоих отправил, по их желанию, в Америку, третью в Париж учиться. Посылал им туда деньги. Двоих сестер он выдал замуж в Таллинне, устроил свадьбу, дарил приданое и пр. Папа имел две сестры. Старшая имела мужа пьяницу. Она была глубоко несчастна с ним. У них был 10-летний сын. Из-за сына она терпела вечно нетрезвого мужа, который бывало даже бил её. По настоянию папы она развелась с ним. Папа заботился о ней и её сыне. Через много лет тетя познакомилась с одним вдовцом из Риги, который имел малолетнюю дочку. Он ей сделал предложение выйти за него замуж. Папа

устроил им свадьбу. А сын остался в нашей семье. Он жил с нами некоторое время в Берлине, затем мои родители устроили его в один интернат в Германии. Когда парень окончил гимназию, папа дал ему возможность учиться в Вене, в университете. Потом из-за „Anschluss”-а в Австрии папа послал племянника в Африку, потому что он хотел попытаться там свое счастье! Но т.к. он там счастья не нашел, он попросил дядю отправить его в Америку. На что папа согласился. На этого племянника папа потратил больше денег, чем на собственного сына! Вторую сестру, Паулу, папа тоже материально поддерживал. Она имела неудачника мужа, который любил кутить и тратить деньги на рестораны и „дамочек”... Он был коммивояжером, ездил часто в провинцию. Нередко он велел посылать счет ресторана на адрес и фамилию моего отца. Он хвастался, что этот „богач” его родственник – тот мол за него счет заплатит... Тетя Паула имела двух дочерей. Старшая была умная, развитая девочка, а младшая была больная. У неё был Poliomyelitis с рождения, т.е. паралич и она не развивалась дальше. Папа Паулу очень любил и жалел. Он ей давал деньги на хозяйство, платил за квартиру, за прислугу и за гувернантку для больной дочери. Папа помогал всем всегда охотно и нам твердил: –„Легче давать, чем брать!!! Слава Богу, я могу давать!!” Вот таким, вкратце, был мой папа – добрый... сердечный... и очень человечный...

Настал 1940 год

В июле 1940 произошло присоединение Балтийских стран: Литвы, Латвии, Эстонии с Советским Союзом!! Они стали братской республикой – великого „брата” России... Наша Эстония стала называться: Эстонская Советская Социалистическая Республика. Наш глава Государства Эстонии, президент Пятс, был сразу свергнут. Его арестовали и отправили в тыл России. Началась кампания „раскулачивания” крестьян в деревнях. В тюрьмы сажали: государственных, политических деятелей, капиталистов (как они называли богатых людей!), эстонских писателей, многих артистов, владельцев домов, магазинов. Всех тех людей, которые имели связи или родственников за границей и пр. Одним словом людей, которых Советская Власть считала „врагами народа” и к которым она доверия не имела. Конечно, и мой отец очутился у них в „черном списке”! Сначала у отца отняли всё имущество, национализировали заводы, дома и пр. Родителям пришлось покинуть дом, где жили – их большую, чудесную квартиру на Narva maantee 44- Они поселились у одного портного, в общей квартире, который имел, по советским законам, слишком большую жилплощадь. От него забрали две смежные комнаты. Одну получили папа с мамой, а вторую должны были получить Рая с мужем, т.к. они были вынуждены покинуть квартиру, где жили. Мы, сестры, брат, наши мужья помогали ликвидировать огромную родительскую 8-комнатную квартиру. Помню как стояли в каждой комнате большущие деревянные ящики. Папа велел их нумеровать. Вкладывая в них вещи, хозяйственные принадлежности, книги и пр. мы должны были записывать в тетрадях содержание каждого ящика. Когда их стали выносить из дому, у меня было ощущение будто выносят гробы... гробы... гробы... Их увезли в сарай, которые находились во дворе нашего дома. Никто из нас не увидел больше „эти гробы” в жизни... Роскошную мебель поставили так же в сарай. Всё было выброшено „на ветер”!

В ноябре 1940 года арестовали папу. Он был отправлен в Таллиннскую тюрьму на Патарей. Он пострадал, потому что был богатым человеком, бывал всюду за

границей, имел там торговые связи и сам жил с семьей в Германии, в Берлине. (Побывал с мамой в Америке в 1925 году и продолжал и там иметь связи). Такие люди, как мой папа, не подходили Советскому Государству – их надо было уничтожить! „Предлогов” можно было в то время легко найти! Делая ночью у моих родителей дома обыск, нашли у папы иностранную валюту, которая у него оставалась от поездок в разные страны. (Нигде не было поставлено властями в известность, что гражданам Эстонии запрещается иметь такие деньги, т.е. валюту!)

–„Если б я это знал бы, я первым отдал бы деньги государству! Но об этом нигде не было объявлено и я этого не знал!” – заявил при обыске мой папа. Кроме валюты нашли ещё несколько часов, мамины драгоценности, и это было достаточно, чтоб возбудить судебное дело. Обвинение гласило: „Спекуляция!” Папа был с мамой 35 лет женат. В течение таких долгих лет он немало дарил маме бриллиантов и пр. драгоценностей, как каждый зажиточный человек. Он себе и представить не мог, что когда-нибудь настанет Советская власть и всё подаренное будет являться обвинением „в спекуляции”!

Был суд. Папу приговорили к 7 годам заключения. Мы папу видели на суде. Он был неузнаваем в тюремной одежде... – был морально разбитым человеком. Он смотрел на маму и на нас со скамьи подсудимых и качал только грустно головой... на глазах были слезы... Своему адвокату он сказал: „Почему я не уехал с семьей в Америку?? Теперь я угробил свою семью и себя!”

Свидания с папой были запрещены. Разрешалось послать посылочку с продуктами, но не из Таллинна, а из другого города. Мама ездила в маленький близкий город и отсылала с почты пакетик в тюрьму 1 раз в неделю. Несколько сот рабочих из папиных заводов подписали прошение в Прокуратуру, что бы папу освободили, т.к. он был не эксплуататором-владельцем, а хорошим человеком. Всегда обращался с подчиненными благожелательно и для всех имел доброе слово. Конечно их ходатайство никаких результатов не дало. Я помню хорошо, как папа нам иногда говорил: –„Дети мои! Только в беде узнаешь человека! Когда в доме веселье и „полная чаша” – друзей полно!!! А когда, не дай Бог, стол пустой... на тарелках пусто... – тогда ты только увидишь, кто к тебе пришел и за этот стол сядет...!” Папины слова оправдались. С момента, когда Эстония стала Советской республикой, у нас стало всё меньше и меньше друзей. А когда папу посадили, стало ещё меньше. Даже родственники боялись к маме зайти. Самая преданная была тетя Паула. Также сердечны были Бенно и его жена Гертруд. Они заботились о маме и о нас. Хотя Бенно был папиным адвокатом, вёл в Таллинне его дела, он боялся брать папину защиту на себя. Но Бенно давал советы, интересовался ходом следствия, говорил с адвокатом, который должен был защищать папу на суде и пр. Он был для нас настоящим другом, Бенно Маркович.

Однажды, в ноябре месяце, когда я была на работе в магазине, меня позвали к телефону и я услышала папин голос: –„Рени, дорогая! Скажи, не находишься ли мама случайно в магазине у тебя? Я звонил к ней домой и её к сожалению не застал. Дело в том, что я нахожусь сейчас на допросе на Пагари улице, в здании НКВД. Мне следователь разрешил свидание с мамой пока за мной приедет тюремная машина. Если она быстро пришла бы, мы могли бы повидать друг друга!”

–„Как назло, мама несколько минут тому назад была у меня на работе и только что ушла. Я выбежала на улицу, но маму не увидела, ” ответила я папе. Прибежав обратно я папе сказала,

– „Мамы нету! Но, не смогла бы я придти вместо неё?!”

– „Да, Рени! Приходи побыстрее только. Меня могут скоро увести отсюда!” – был папин ответ.

Я помчалась по улицам так быстро, как только могла. К счастью улица Пагари находилась недалеко. Прибежав к огромному зданию НКВД, я увидела перед порталом стоявшую тюремную машину. („Черный Ворон” как её заключенные прозвали!). И тут же из подъезда вышел мой папа в сопровождении двух милиционеров.

– „Рени, детка! Слишком поздно! Меня отправляют обратно в тюрьму!” – сказал папа мне, шагая дальше. Он хотел остановиться, но его охрана толкнула вперед к машине с решетками.

– „До свидания, дорогая, поцелуй маму и всех!” – успел он еще мне крикнуть садясь в „Черный Ворон” и раньше, чем дверь захлопнули. „Черный Ворон” отъехал... я смотрела долго ей вслед...

Это было моё последнее свидание в папой... Бедный, бедный мой папочка! Как я тебя любила и уважала!*

Мои люди в вагоне узнали от меня, кто был мой отец. Его фамилия была и им известна. Некоторые знали его лично, сталкиваясь с ним на благотворительных вечерах и т.п. Знатные дамы города приходили к нему, собирая деньги для бедных. Папа всегда щедро давал им суммы денег. Меня в вагоне все очень жалели, зная какую жизнь я прожила в родительском доме...

Арно Авиксоо, Алекс и Паул прозвали меня в шутку „принцессой”.

Арно Авиксоо был для меня чудесным другом и человеком большой души.

Под утро наш поезд остановился с большим толчком. Из окошечка мы смогли прочесть, что находимся на станции Раазику. Дежурил опять „наш” солдатик. Он раздвинул двери и мы ожили... Солнышко светило. Воздух после проливного дождя был свежий, приятный...

Недалеко от большого вокзального помещения были кусты сирени. Я ахнула, увидев красоту белых и лиловых веток. Они напоминали мне сирень в моем саду... дом, где я жила...

И солдатик мой держал веточку такой сирени в руке... Он заметил с какой любовью я смотрела на кусты цветущей сирени и с улыбкой отдал мне свою веточку. Я посмотрела в его добрые глаза, поблагодарила его сердечно за такое внимание и подумала: „Какой он хороший, просто трогательный!”...

Я положила веточку в стаканчик, но воды для неё у меня не было... В этот раз я попросилась сходить в ларек. Я хотела хоть немного пройтись по перрону, подышать свежим воздухом и, может быть удастся увидеть Раю? Все в вагоне не одобрили моё желание.

Авиксоо как самый сильный, пошел со мною. Мы захватили и Габи с собою. От Виктора я ведь узнала, что вагон моей сестры был вторым от паровоза. А ларек находился в первом вагоне поезда. Таким образом надо было пройти мимо Раи. Подойдя наконец ко второму вагону, я увидела, что двери закрыты вплотную. Даже из окошка никто не выглядывал. Я была ужасно разочарована. Постучаться в вагон было невозможно, т.к. перед дверью стояла охрана – сердитый солдат! Он даже с подозрением посмотрел на нас, когда мы хотели остановиться.

* Как мы долгие годы спустя от людей, сидевших вместе с папой в тюрьме, узнали: тюрьма была в первые дни войны эвакуирована и заключенных переправляли в разные тюрьмы Советского Союза. сначала мой отец попал в режимную тюрьму г. Кирова. Потом он был транспортирован в „Сухобезводный лагерь” (страшное название лагеря!) в Горьковскую область. В этом лагере он умер, когда – мы точно не знаем!

После закупок в ларьке мы снова прошли мимо второго вагона. Он был так же закрыт как раньше. Так я и не увидела свою сестричку Раю...

Когда „наши мужчины” вернулись с ведрами со станции, они рассказали нам, что видели около входа большое количество частных машин, много людей.

Люди шли в направлении перрона, к нашему поезду. Мы начали гадать: „не новых ли „пассажиров” ведут в наш поезд?”

– „Но они шли без солдат и милиционеров и приехали на своих машинах. Значит это обозначает что-то другое!” – сказал Авиксоо.

Я посмотрела на перрон и вдруг сердце от радости замерло – увидела как идут быстрым шагом в направлении моего вагона Виктор, наш друг Бенно и его жена Гертруд.

Они рассказали, что ехали на машинах вслед за нашим поездом. На каждой станции, где поезд останавливался они караулили, не откроют ли двери вагонов. Только на этой станции Раазику, когда поезд стоял, открылись двери вагонов. Боже мой! Как мы обрадовались этой внезапной встрече... Для меня она была неожиданным сюрпризом!... Мой добрый братик передал мне опять множество продуктов и прочих вещей. Особенно обрадовалась я получив примус и керосин, весьма нужные в наших условиях.

Мой первый вопрос был конечно: „Как мама? Очень ли болит нога?” Виктор успокоил меня, что боли уменьшились и она себя чувствует лучше. (Я конечно в это мало верила. Знала ведь, какая у нас мамочка, не пожалуется, терпит всё молча... думая о нас – а не о себе!).

– „Мама молодец! – говорил Виктор – Шлет тебе и Рае привет и просит, что бы вы обе были стойкими, не унывали бы. Духом падать – все пропало!! А жизнь еще впереди, надо прожить до радостной встречи!”

Виктор сообщил мне, что вчера он проходил мимо поезда, где находился Лоло. Вагоны его поезда были переполнены мужчинами и женщинами. Он сумел передать Лоло деньги и привет от Габи и меня.

Я была безумно рада этому известию.

Рассказала я брату как я Раю искала, что стояла возле её вагона, но её не увидела. На это Виктор ответил, что подойдет сейчас к вагону Раи, затем еще вернется обратно к моему вагону. Бенно и Гертруд остались дальше со мною.

Они рассказали, что ночью увезли мать Бенно, его двух братьев и сестру. Ввиду того, что магазин покойного отца был переписан на имя матери, её признали „главой семьи”. Маму посадили в „мужской поезд”, а братьев и сестру в мой поезд, в „женский”!

От Бенно и Гертруд я узнала, что „мужской поезд” уже уехал дальше. От этой новости я совсем упала духом. Они старались меня успокоить тем, что возможно я потом встречу с Лоло.

– „Рени! Тебе нельзя волноваться, думай о своем будущем ребенке!”

Ребёночек во мне толкнул меня сильно... меня тошнило... Я ничему больше не верила, только понимала, что Лоло больше нет, поезд увез его куда-то – и это было страшно...

Бенно и Гертруд удалились искать братьев и сестру, но обещали ещё на обратном пути вернуться.

Я осталась одна и горько заплакала... – не могла больше быть тем молодцом, которого все ожидали от меня... Другие в моем вагоне тоже переживали, услышав, что „мужской поезд” отправился уже давно в неизвестный путь. Судьба их мужей, отцов была одинакова... „Мы может быть их никогда больше не увидим!” – твердили они плача и глубоко вздыхая...

Вскоре вернулся Виктор. Он нашел Раю, беседовал с ней.

–„Рая чувствует себя плохо. В вагоне страшная духота. У них находятся много маленьких детей, которые часто плачут. Женщины между собою ссорятся. Вагон очень не дружный, люди недоброжелательны друг к другу. Покоя нет!”– передал мне Виктор. Затем вернулись Бенно с женой. Они увиделись только с сестрой, а братьев не нашли.

Бенно очень беспокоился из-за матери. Ей было 73 года. Она в магазине и дня не проработала! Работал третий брат, а его не тронули, т.к. магазин не был на его имя!!

К нашим людям подошли также родственники и близкие.

К Лидии пришел её жених – красавец мужчина!!

Они так нежно прощались, что глядя на них сердце разрывалось на части...

Жених надел на палец Лидии обручальное кольцо... Уходя он ей оставил большой букет красных роз...

На перроне проходили мимо моего вагона много мне знакомых людей. Они называли мне фамилии своих близких, которые находились в этом же поезде. Я знала многих.

И вот подошло наконец время расставания. Мы сознавали, что разлука теперь окончательная. Снова прощание... снова поцелуи... снова слезы... обещания... Уходя Виктор, Бенно и Гертруд мне ещё долго махали...

Немного погодя нашу дверь задвинули, слышали как её закрывали перекладной. Всё стало тихо...

Толчок... толчок... ещё толчок – и мы поехали. Наш поезд отправился в путь „Большой Неизвестности”!!... В стаканчике с водой стояла моя веточка сирени – она была завядшая...

Мы очутились уже в настоящей России. Наша Родина, Прибалтика, осталась далеко позади нас...

На пути наш поезд проезжал все больше станций, нигде не останавливаясь. Наверно для того, что бы русский народ не видел кого вместо рогатого скота возят в закрытых, вонючих вагонах... Иногда поезд стоял недолго на какой-нибудь маленькой станции. Тогда разрешали нашим мужчинам выходить с ведрами, что бы черпать из колодца воду. С водой мы должны были бережливо обходиться. Часто ведро было пустое...

Как-то раз наш поезд остановился возле леса. Недалеко текла речка. Нас „пассажиров” выпустили из трёх вагонов сразу. Таким образом мы сумели немного помыться в речке. Хотя вода была не чистая, а довольно мутная, мы восхищались изобилием воды. Габи и я подышали свежим воздухом и были рады, что могли наконец двигаться по-человечески. Я стала искать Раю и Ирину, но их не было среди этих „пассажиров”.

В ларьке было уже очень мало продуктов, т.к. он заново не снабжался. Молока, масла мы уже для детей не могли купить. Иногда нам даже кашу на воде не удавалось детям сварить, т.к. в ведре воды не было!

Как-то раз наш поезд „Люкс” (так мы его в шутку называли) остановился опять на дороге. К нам в вагон зашли врач-женщина и медсестра. Они пришли узнать: „Нет ли у нас жалоб? Нет ли больных?”– Марта Роос, одетая в костюм мужа, стала сразу опять жаловаться на свой желудок. Но когда она услышала слово „клизма”, она сердито замахала обеими руками...

Мы пожаловались, что нам не хватает на день одного ведра воды. Нас 30 человек в вагоне и мы малейшую гигиену соблюдать не можем, не говоря уже о питье воды. А кормят нас солёной, вонючей селёдкой, от которой всех нас тошнит. За всё время поездки мы не получали ни одной тарелки супа. Даже в

тюрьме кормят заключенных „баландой” (так называют в тюрьмах и лагерях суп!).

Я тоже пожаловалась, что для детей нет ни капли молока. Иногда варим кашу на воде, но бывает так, что и это не удастся, т.к. воды в ведре нет!!

Сказала также, что я беременна, мучаюсь нехваткой свежего воздуха, ненормальной пищей. Спим мы все сидя много дней подряд. Разве это человеческие условия? Зверей так не мучают как нас!!

Выслушав от остальных ещё жалобы, врач и медсестра покинули наш вагон.

Через некоторое время зашла медсестра с одним солдатом. Медсестра дала нам таблетки против головной боли и спазм желудка. А солдат поставил на пол два новых ведра, одно было предназначено для питьевой воды, другое для помоев. Они ушли со словами: „Больше мы вам ничем помочь не можем!”

Война

Утром 22 июня наш поезд „Люкс” остановился на станции К..., прямо на перроне. Наш милый, добрый солдатик раздвинул настежь обе стороны двери со словами: „Приехали!!”

Немного спустя зашли в наш вагон два начальника (начальников можно было всегда узнавать по пузу! Чем выше чин – тем толще у них брюхо!!...) и один милиционер. Они стали по спискам проверять наши фамилии. Мы испугались из-за Петера и у всех была одна мысль:

– „Если они обнаружат, что Петера нет? Что тогда произойдет!!”

Но видимо у них в списках были кое-какие неточности. На их вопрос: „Петер Рунге не находился ли в вашем вагоне?”, мы единогласно ответили: „Нет! Мы Петера Рунге не знаем, он в нашем вагоне не находился!”

Тогда один начальник сказал другому:

– „Тут все правильно! В вагоне должны быть 30 человек и они все здесь есть! Рунге наверно ошибочно занесли в этот список. Мы его найдем несомненно в другом вагоне!”

На этом вопрос о Петере Рунге был исчерпан.

Затем раздался повелительный голос одного начальника, который объявил нам следующее:

– „Складывайте ваши вещи. Вас отсюда будут распределять в разные школы!!”

Он разрешил великодушно, что бы пять человек из нашего вагона сходили бы в ларек в последний раз закупать продукты для всего вагона.

Пошли: Маргот, Арнольд, Алекс, Рихард и я. Мне хотелось ещё раз пройти мимо второго вагона. Вдруг удастся в этот раз поговорить с Раей. У Маргот были те же мысли в связи с её матерью. Отойдя несколько шагов от нашего вагона, мы уловили от прохожих людей слово „война”! Они что-то говорили, обсуждали и опять пало слово „война”...

Мы не понимали, что происходит, но слово „война” встревожило нас очень.

Долго нам это слово гадать не пришлось. Из всех громкоговорителей был слышен мощный голос диктора радио, который объявил всему советскому народу о том, что сегодня, 22 июня 1941 года, началась война между фашистской Германией и Советским Союзом! От этих слов у нас сердце замерло на месте... Теперь у меня была только одна мысль – поскорее найти мою сестру Раю!

Мы пустились прямо бегом (бежать) вдоль перрона. Подбегая ко второму вагону, я сразу заметила Раю. Она стояла в двери и высовывала свою голову. Наверно в надежде меня увидеть?

Нашу радость от этой встречи трудно описать.

Рая рассказала мне о себе: За все эти восемь дней в дороге, их вагон выпустили только один раз, тоже в лесу. Она мыла ноги в каком-то пруду, вода была

грязная и у нее появилась сыпь. Ноги чешутся, кожа раздраженная, красная. От врача она получила мазь, но она не помогла, наоборот она ухудшила ещё больше воспаление.

В вагоне у Раи тоже 30 человек. Старшее поколение паникует, все весьма пессимистично настроены. А это отражается на её состоянии.

У них тоже нехватка воды. Двери большей частью остаются закрытыми вплотную, редко охрана оставляет маленькую щель. Они страдают из-за духоты и вони. Когда они просят дежурного солдата хоть немного раздвинуть двери, тот насмехается и издевается над ними и остается глухим к их просьбам. Дети много плачут, так же женщины в вагоне кричат в истерике.

А теперь ещё известие о начале войны!! Рая была прямо в отчаянии.

–„Рени! Как ты думаешь, встретимся ли мы скоро с Германом и Лоло!!” – спросила она меня.

Я старалась всячески успокоить мою сестричку и ответила ей то, во что я сама уже не верила:

–„Я думаю, что наши мужья будут нас „там” ожидать!!”

В эту минуту проходил мимо один начальник с большим „пузом”. Я обратилась к нему с просьбой: „Не можете ли Вы так устроить, что бы моя сестра и я очутились в той же школе? Разрешите нам соединиться, что бы мы не потеряли друг друга. Мы обе беременные, скоро рожать будем. Помогите нам, прошу Вас убедительно...”

Но он меня даже до конца и не выслушал.

–„Все остаются на своих местах! Никаких перемен, никаких изменений – никаких соединений!!!” – крикнул он, шагая дальше. Ничего не помогло.

Рая заплакала.

–„Не плачь, дорогая, я уверена, что наша разлука не будет долгая! Тогда уже не разлучимся больше!” – сказала я Рае прощаясь.

Когда я вернулась в свой вагон, я начала складывать вещи. У других были вещи уже сложены. Я должна была торопиться. Наконец все вещи были запакованы и мы с волнением стали ждать, когда нас из этого вонючего, телячьего вагона, выпустят? И вот – настал этот долгожданный час... За нами пришли и приказали выйти из вагона. Наш солдат стоял возле нас. Я подошла к нему близко и шепнула ему тихо-тихо:

–„Спасибо Вам, милый, за всё!!”

И он шепнул мне в ответ:

–„Не надо меня благодарить! Я сделал сколько мог, чтоб Вам помочь! У меня тоже есть мать, жена и дочка трёхлетняя... Мне Вас и Вашу девочку жалко!” – Желая Вам счастья!!” шепнул он под конец, когда нас уже отвозили

Нас, женщин с нашими детьми, посадили в грузовую машину и отправили в одну школу.

А наши мужчины остались ещё выгружать багаж. Они приехали позже.

В школе нас устроили в один учебный класс, на первом этаже. Для Габи мы поставили её детскую кроватку, т.ч. она спала после долгого времени в своей постели. А мы устроились на полу. Какое счастье было после восьми ночей и дней, проведенных сидя на нарах, наконец вытянуть ноги...

Позже Маргот, Габи и я обошли все классы в школе. Я не нашла свою сестру. Матери Маргот тоже не было. А мы так надеялись, что окажемся с ними в одной школе...

Под вечер того же дня Маргот и я решили искать в других школах Раю, Ирину и маму сестричек. Мы подождали, когда Габи заснёт, т.к. боялись, что она без меня вдруг заплачет. К счастью наш класс находился на I^{ом} этаже и мы с лёгкостью выпрыгнули из окна.

Наши мужчины хвалили нас за нашу находчивость и храбрость. Сначала Маргот и я очутились в школьном дворе. Затем мы нашли щель в заборе. Она была достаточно большая, что бы через неё пролезть. Мы были на улице. Было темно, никто нас не заметил и мы радовались, что первый шаг был сделан... От прохожих мы узнали, где находились другие школы города. Взявшись под руку мы пошли „на разведку"! Мы нашли несколько школ – но увы! Они были заперты и ни одно окно не было освещено. Разочарование было большое. Пришлось вернуться обратно. Хорошо, что мы нашли дорогу. Наши люди дожидались нас с большим нетерпением. Они впустили нас обратно через окно. В эту ночь мы заснули все сразу – как убитые!!...

В школе нас держали два дня. Мы помылись по-человечески, хотя и там водопровода не было. Нам удалось в школе немного отдохнуть от утомительной, долгой поездки в скотских вагонах... При одной мысли об этой вони, нас бросало в жар...

Мы гуляли много и долго по двору школы. Габи и Эви играли на свежем воздухе с другими детьми из нашего же поезда. Их щёки даже порозовели. Душа радовалась, видя наших детей веселыми и бодрыми. Дети ведь быстро всё забывают!

На третий день нас отправили на грузовых машинах на пристань. Там нас посадили на небольшой пароход. Ехали мы по реке пять дней. Поездка была снова утомительная. Спали мы на наших вещах. На дорогу нам дали сухой паек: хлеб, селедку, соль. Для детей 15 грамм сахара. Это была дневная порция. К счастью нас выручал примус. Благодаря ему мы могли себе вскипятить чай и сварить кашу на воде.

Габи ела всё, так что из-за еды у меня с ней трудностей не было. Вообще она была золотым ребёнком, всегда послушная, ласковая и почти никогда не плакала.

На пароходе были „пассажиры" из нашего поезда. наших пропавших родных между ними не оказалось.

Мы, люди из нашего вагона „товарищи по несчастью", держались вместе. Как одна семья. И мы решили ни в коем случае не рассоединяться.

–„Нам известно, что в будущем нас ожидают тяжелые времена и такие испытания можно пережить только сплоченностью!"– говорил нам не раз Арнольд, который любил командовать над нами. (Но мы его с удовольствием слушались!).

Габи все обожали. Она считалась „нашим общим ребёнком". Эви все тоже любили.

Наша старушка Марта устроила нам в один день „цирк". Она решила выброситься за борт и была уже готова к прыжку... Её еле-еле несколько матросиков удержали. Она подняла тревогу команды и всех людей, которые присутствовали при этом зрелище. Видимо она по дороге немного помешалась. Переодевалась Марта по нескольку раз в день. И, конечно, во всё мужское! То она ходила в длиннущей пижаме, то разгуливала в брюках и пиджаках, куда поместились бы две Марты... Одевала она также черный элегантный костюм с белой рубашкой и чёрным галстуком. Иногда она появлялась в смокинге мужа, тогда у неё был особенно важный вид.

Марта почти ничего не ела. Она твердила без конца, что покончит самоубийством. Или же жаловалась, что желудок не работает. Свои продукты она берегла, ела только то, что ей давали.

Некоторые наши люди, особенно мужчины, любили над ней подшутить. Я её жалела и всегда старалась побольше каши сварить, что бы её тоже накормить.

Так прошли четыре дня поездки на пароходе. На пятый день наш пароход остановился на пристани села Лебяжье. Нас – людей из поезда „Люкс” посадили на грузовики и увезли в клуб села. Мы разместились в одной большой зале со многими дверьми и окнами. По спискам нас было 250 человек, все эстонцы. Для Габи я поставила опять её детскую кроватку (При этом я всегда думала о своем заботливом братике...!). Нам пришлось снова устроиться на полу.

Местные люди приходили на нас смотреть – будто на выставку редких зверей! Они стояли вокруг наших женщин, разинув рот... т.к. даже в этих тяжелых условиях наши женщины не переставали следить за собой. Эстонские женщины были чисто и красиво одеты с модными причёсками. Многие одевали домашние пеньюары, пижамы и т.д. В волосах были бигуди. Всё это было чуждо для жителей этого маленького села.

В те годы были модны „плечики”. Они трогали руками наши плечи и только ахали... и хихикали. При этом говорили что-то на их деревенском наречии, которого мы не понимали.

Габи, которая была одета как кукла (я ездила специально в Хельсинки, что бы покупать детскую одежду!), вызывала у них особый восторг. Дети оглядывали её со всех сторон...

Я услышала как один мужик сказал своей жене:

– „Посмотри, Катя, на этих людей из Эстонии, как они выглядят и как одеты! И нам в Советском Союзе твердили всё время, что Эстония, Латвия, Литва являются бедными странами, которые самостоятельно существовать не могут. Прибалтийские страны просили Советское правительство о помощи, которое мы им оказали. Они стали нашей братской республикой! Может быть в этом не было ни доли правды, а только пропаганда, как всегда?? Как ты думаешь?” –

Его жена шепнула ему испуганно в ответ:

– „Тихо, Иван! Не так громко! Конечно это была пропаганда!!!”

Оглядываясь боязливо налево и направо, они исчезли быстрым шагом из зала. Я подумала про себя: „Как правильно этот мужик рассуждал! Наши Балтийские страны, его народ не хотели присоединения с Советским Союзом. Но они были не в силах сопротивляться против могучего Советского (правительства) Государства! И стали против воли Братской Республикой! Никогда наше Эстонское правительство не просило помощи у России – это было враньё!! Ясно, что всё это была пропаганда!!!”

Я в то время говорила довольно плохо по-русски, но могла объясняться и понимала все разговоры. Мой отец почти не владел русским языком, а мама совсем нет. Семья моей матери происходила из Эстонии, гор. Веденберг. Она переселилась в Америку, когда мама была младенцем и жила в Далласе, Техасе. В доме бабушки и дедушки говорили кроме английского языка, по-немецки и по-эстонски. Поэтому, когда мама вышла в Эстонии замуж за моего отца и он английским не владел, был нашим домашним языком немецкий, да ещё и эстонский язык. Габи говорила на обоих языках. В нашем поезде находились только эстонцы. Старшее поколение, наши женщины, говорили более или менее на русском языке, а молодые совершенно не говорили и ничего не понимали. Находясь теперь в России, от нас требовалось знание русского языка. Это стало проблемой для наших эстонцев. Мне пришлось быть переводчиком с моими русскими знаниями.

Нас стали по спискам вызывать к начальству. В помещении находились: начальник НКВД, председатели ближайших колхозов, директор совхоза, врач-женщина и медсестра. Осматривали нас как лошадей по породе...

Они определяли: „Людей постарше, семьи с детьми, беременные, послабее здоровьем – в колхозы!”

Поздоровее, помоложе людей направляли в совхоз. Семьи не рассоединяли. Наши люди были озабочены из-за меня. Они были все определены в совхоз. – „Рени! Не говори им, что ты беременна! Тогда останешься с нами!” – шептали они мне незаметно для других.

Я была ещё достаточно худенькой, несмотря на свою шестимесячную беременность. Моё пальто было довольно широкое и прикрывало моего Mr. X а. Кто не знал, не мог догадаться, что я в скором времени ожидаю ребёночка... Даже врач, ощупывая меня и выслушав сердце и легкие, не пришла к этой мысли.

Когда я с Габи стояла перед начальником НКВД, я попросила его послать меня в совхоз вместе с моими людьми из вагона.

– „Я во время путешествия так привыкла к этим людям, что разлука с ними явилась бы для моей дочери и меня трагедией!” сказала я ему.

– „Я вижу, что у Вас есть маленький ребенок. Вам будут условия в совхозе слишком трудные! Я советую Вам с дочкой поехать в колхоз!” – ответил мне начальник.

От его слов у меня закружилась голова... Меня тошнило... Но я старалась рвоту всеми силами удержать. Капли пота появились на лбу...

– „Только не здесь вырвать, Рени! Слышишь – только не теперь!!!” – говорила я сама себе.

Я стояла несчастная перед начальником Васильевым (так его звали!) и не знала как его переубедить. Я знала только одно – что я не смогу без этих добрых людей, моей новой семьи”, дальше жить! Я ведь так боялась остаться одной... с Габи... в чужой стране...

– „Что мне делать?? Бог, помоги мне! Lieber Gott!” – молилась я тихо.

И вдруг у меня прояснилась мысль и я сказала: „Наши молодые люди не владеют русским языком, они будут иметь большие трудности. Я говорю немного по-русски. Я могла бы им переводить на эстонский язык всё, что необходимо будет в совхозе им знать. Пожалуйста, начальник Васильев, не посылайте меня в колхоз!”

Васильев посмотрел на меня долгим вдумчивым взглядом, затем он посмотрел на Габи и тогда он ответил: „Я не возражаю. Определим Вас в совхоз!”

Я была счастлива, что меня не оторвали от своих. Я даже не знала что за разница существует между колхозом и совхозом. Мы ведь так мало времени жили при Советской власти, не успели всё узнать. Потом я поняла, что совершила ошибку. В колхозе работа была куда легче и по силам.

Марта Роос, узнав, что все мы едем работать в совхоз, просилась туда же. Её просьбам уступили, т.к. начальство решило, что старушка будет присматривать за детьми, когда мы будем на работе.

Итак, весь наш вагон был определён в совхоз и мы были довольны.

Два дня мы находились в селе Лебяжьем пока всех людей назначили на новые места работы и жительства. Было много слез у людей, т.к. не всем удавалось остаться вместе... Нам ещё в этом смысле повезло.

На третий день 50 человек, нас в том числе, отправили в совхоз.

Наши мечты о том, что там будут наши мужья, отцы, пассажиры из „мужского поезда” не осуществились... Лоло нигде не было! Всё было враньем!!!

В совхозе

На третий день нас, 50 человек из Эстонии, отправили в совхоз Окунёво. Приехав в совхоз – он находился в 50 км от села Лебяжье – нас повели в один барак. Там находились несколько помещений: контора, бухгалтерия, совхозный клуб и пр. Разместили нас всех вместе в залу клуба. Зала была большая со сценой.

Деревянные доски пола и сцены имели щели. Окон было много, но часть стёкол разбиты.

В одном углу стояла железная плита с двумя конфорками. Когда разжигали огонь – весь клубный зал был в дыму. Удобств никаких не было.

Ввиду того, что электрического света не было, нам приходилось пользоваться коптилкой (так называли бутылку с керосином и фитилём, которую зажигали!). Колодец и уборная (маленький „домик”, сколоченный из досок, со щелями!) находились во дворе.

Мы, женщины, устроились в зале, а мужчины, их стало теперь уже семь человек, разместились на сцене.

Возле сцены находилось маленькое помещение, наверно „артистическая”. Там мы разместили часть чемоданов. Также ходили мы туда мыться, чтоб не быть у всех на виду!

Больше подсобных помещений не было.

Из столярной мастерской мы получили „топчаны” (широкая доска на ножках, длиной дивана!). Из простынь мы сшили большие мешки, их набили соломой и получились матрацы.

Мы были довольны уже тем, что больше на полу спать не приходилось, каждый имел своё определённое место. А самое главное, мы могли наконец выпрямить ноги... и поворачиваться во все стороны...

На территории двора находилась столовая. Еда была примитивная, не вкусная каша, жидкий суп, иногда картошка. Но все же мы получали что-то горячее. Хлеб отпускали по карточкам, на взрослого 500 гр., на ребёнка 200 гр. Продуктового магазина не было. Мы ходили к местным жителям, которые имели свои маленькие хозяйства. В общем на одежду они давали нам молоко, яйца и масло.

По нашему коридору, дверь с правой стороны, находилось одно помещение. Там жили 50 человек умалишённых, люди из психолечебницы, посланные в совхоз работать на поле.

Мужчины имели дикий вид. У них были грязные бороды, длинные, растрёпанные волосы. Женщины были, как и мужчины, одеты в лохмотья. Спали они на полу. Всюду валялась одежда, разбросаны были тряпки, рваные лапти, валенки. Грязь... вонь... вши... Когда их дверь была открытой, мы не могли пройти мимо, чтоб не держаться за нос...

С другой стороны коридора было ещё второе помещение. Там жили 50 заключённых из Украины. Одни мужчины! Их посылали на самую тяжелую работу, большей частью рубить лес.

Это было наше „общество” в совхозе!

Подъем был в 5 часов утра. Тогда к нам обычно заходили: политрук (который хромал и ходил с палкой), бригадир и нарядчик. Мы эту „тройку” прозвали – „Три Мушкетёра”...!

Они обращались с нами резко и сурово, умели только приказывать и над нами издеваться. Мы их возненавидели. Приходили они с готовыми списками и зачитывали, кто из нас на какую работу направляется.

На следующий день после нашего приезда, нас послали на лесные заготовки. Работа была непривычная и очень тяжёлая. Пилили мы вручную деревья. Женщины наравне с мужчинами. Спущенные деревья нам приходилось очищать от сучьев. Постепенно мы усвоили эту работу и стали соображать: где грозит опасность, т.к. можно под таким падающим деревом остаться...

Работали мы вместе с заключёнными из Украины.

Через несколько дней нескольких женщин, в том числе и меня, направили на картофельное поле сажать картофель. Если мы работали поблизости от нашего барака, то удавалось во время обеденного перерыва прибежать домой. Но находясь подальше, нас не отпускали.

Работа кончалась, когда уже было совсем темно. Нормированного дня не было. Ввиду военного времени мы работали без выходных. Только, когда бывал дождь, мы ждали пока он пройдет. Тогда мы имели передышку. Иногда дождь лил, как на зло ночью, а днем была жаркая, сухая погода. Это нас очень сердило.

Вечером кончали работать поздно (в июне солнце поздно заходит!!), усталые... без сил...

Бригадир отпускал нас со словами: „Лошади устали!! Можете идти домой!!”

Часто возвращаясь с работы, Габи уже спала. Иногда я её днями не видела – только спящей!... Кто-то из женщин постарше мою дочку накормил – кто-то её уложил спать...

Если в бараке пожилая женщина оставалась по болезни дома, я была за Габи спокойна. Но когда она оставалась только с Мартой, тогда у меня сердце болело. Старушка не обращала никакого внимания на мою девочку, только весь день спала.

Эви мать брала с собою на работу. А Габи была слишком маленькая, чтоб весь день выдержать на жаре в поле. Значит у меня другого выхода не было, чем её оставлять с Мартой. Зато когда я имела возможность приходиться на обед домой, какая у нас тогда была радость!... Этот час был „наш”!... Моя доченька обнимала меня, целовала и, захлёбываясь, рассказывала мне о чем-то быстро-

быстро, боясь, что не успеет всё рассказать... Иногда она мне рассказывала так смешно, что я смеялась до слез... и мне становилось безумно жаль, что Лоло не слышит детскую болтовню своей дочурки.

Я на миг забывалась... Не думала о том, что тут же придётся с Габи расстаться и включиться в тяжёлую, претяжёлую работу!

И так тяжело было уходить после таких счастливых минут... Габи плача цеплялась за мою юбку, не хотела меня отпускать. Я всегда силой должна была вырываться... Убегая я еще долго, долго слышала голос моей плачущей малютки, который мне вслед кричал: „Мама... мама... мамочка...”

Я сама уходила каждый раз в слезах.

Из наших молодых людей говорил только один парень, по имени Антон, по-русски. Поэтому, если надо было у начальства что-то спросить или выяснить, посылали меня. Мне приходилось часто говорить о чужих проблемах, которые меня совершенно не касались. И если начальство хотело нашим людям что-то сообщить, оно обращалось ко мне. Как то раз, находясь опять в кабинете директора совхоза, я его спросила:

– „Известно ли Вам местонахождение наших мужей?? Направят ли их тоже сюда?? Увижусь ли я скоро с моим мужем?”

Директор будто в шутку ответил: „У нас здесь много мужчин. Такая красивая женщина как Вы найдет себе очень скоро другого мужа! А Вашего забудьте!!...”

Такую „шутку” я слышать не хотела и резко ему ответила: „Нет! Я хочу моего мужа!! Отца моего ребенка!!” – и выбежала вся в слезах из кабинета директора. Среди администрации совхоза был один единственный славный человек. Это был ветеринарный врач. Его звали Аркадий, ему было 34 года. Он отличался тем от других, что был всегда опрятно одет и ухоженный (Не как другие среди нашего начальства, у которых были жёлтые, нечищенные зубы и пахло изо рта. Рубахи они носили через брюки с кожаным поясом!). Когда мы его случайно встречали в столовой, он всегда приветливо здоровался. Наши женщины называли его „светлый луч нашей тёмной жизни!” Он с нами никакого дела не имел, никогда не заходил в барак.

Мы жили уже неделю в совхозе. Во время обеденного перерыва я пошла с Габи, Маргот и её сестрой в столовую обедать. Внезапно появился Аркадий и попросил разрешения сесть за наш стол. Мы, конечно, с радостью согласились на его общество. Мы разговорились. Он расспрашивал нас о нашей судьбе.

Затем он сообщил нам интересную новость: „В воскресенье должен прибыть на пристань села Лебяжье пароход с людьми из Прибалтики – мужчины и женщины. Их направляют в наш совхоз на работу! Вполне возможно, что Ваши мужья, родные будут среди них!?”

Это известие взволновало нас очень.

Вечером того же дня наша „большая семья” обсуждала это важное событие. Общий совет нашёл, что Маргот и я, как самые активные среди всех, должны в воскресенье встречать (этот) пароход, во что бы то ни стало! Для этого нужно добраться до села Лебяжье, 15 км, пешком. Осуществить наш план можно только, если будет дождь.

И вот наступил важный для нас воскресный день... Боженька услышал наши мольбы – лил проливной дождь и мы не работали. Маргот и я – мы собрались в путь...

Чтоб не промочить обувь, мы её сняли и шли босиком. Одежда была тоже мокрая, она клеилась к телу... Но это не мешало нашей предприимчивости. За три с половиной часа мы дошли до пристани.

Парохода ещё не было – нам пришлось ждать.

Маргот надеялась встретить отца, а я Лоло. Мы были оптимистично настроены... и сердце прыгало от радости и волнения... Наконец приблизился долгожданный пароход, он прибыл к пристани и бросил якорь... Сначала прыгнули матросы на берег, затем появились первые пассажиры. Мы стали пристально наблюдать за каждым выходящим пассажиром. Мне казалось, что я вижу в каждом мужчине помоложе Леопольда, вдруг – „А... да!! Вот он!! Нет... нет... опять нет... Я не вижу его!!... Но вот спускается один мужчина по лесенке к берегу... Да, это он!! Тот же рост... те же тёмные волосы... Но нет, у него совершенно другое лицо... Боже мой, где же Лоло!! Лоло, Лоло... приди уже скорее... Я тебя жду...” – так кружились мысли в голове... Тут я увидела одного молодого человека с чемоданом в руке, который сошёл с парохода. Он остановился и посмотрел в обе стороны, будто ища кого-то... Я была уверена, что это Леопольд, подбежала к нему, посмотрела ему в лицо – оно было чужое...

Маргот и я должны были с грустью заметить, что больше пассажиров не было, они все покинули пароход. Остались капитан и его команда на пароходе и пристани.

– „Рени! наших мужчин нет! Всё было обман и враньё, когда нам говорили, что они нас встретят „там”, куда нас повезут! – сказала Маргот. Я ни во что больше не верю!” – добавила она, вытирая слёзы.

Прибыли 34 еврея, мужчины и женщины с детьми из Литвы. Они эвакуировались из-за войны в тыл и были направлены в наш совхоз работать. Их дожидались две грузовые машины и мы вместе с ними возвратились обратно в совхоз.

Дождик шёл всё ещё.

Наши люди ждали нас с большим нетерпением в бараке. Увидев наши несчастные лица – они поняли, что встреча не состоялась... и были также разочарованы как мы.

Этих 34 еврея устроили в один пустой барак, недалеко от нас. Я пошла их в этот же вечер навестить.

Они были измученные, усталые с дороги. Дети плакали. Женщины были беспомощные, не знали как их в этих условиях накормить и уложить спать. Я побежала домой. Сварила манную кашу, чай. Взяла ещё хлеба, молока и яиц с собой и отнесла всё это детям. Матери были мне очень благодарны. Я помогла накормить и уложить детишек. Один из них был совсем крохотный, ещё в пелёнках. Две женщины были беременны.

Многие мужчины носили на голове „кипу”. Они были набожные евреи. Я подумала: „Как они, бедные, сумеют здесь жить?? Они едят только „кошерную пищу”. А здесь, в этих условиях, это будет невозможно соблюдать”

К сожалению я их больше навестить не могла. Погода была все следующие дни сухая, без дождей и нас заставляли на поле работать с раннего утра до поздней ночи.

Слышала я только о том, что у этих евреев были крупные неприятности с начальством. Их посылали по субботам работать, а они отказывались работать, ссылаясь на то, что они набожные евреи и их религия не позволяет в субботу работать.

Начальство будто над ними издевалось. Они угрожали евреям отдать под суд „за прогулы”. А в военное время прогулы наказывали строжайшим образом. Кончилось тем, что в один прекрасный день их барак был пустой... Их куда-то увезли, а куда – никто не знал!

Между прочим я была среди наших эстонцев единственная еврейка. Отношение ко мне было самое хорошее. Я не чувствовала себя среди них „чужой”!

Только один раз мне было обидно за свою нацию – за евреев. Я считала себя оскорбленной.

С нами находилась одна эстонка, женщина средних лет, бывшая акробатка цирка. Она была из нашего поезда, но не вагона. Из всех наших людей она была самая менее симпатичная. А попала она в ссылку совершенно случайно. В эту злополучную ночь, 14 июня, она ночевала у мужчины, с кем она в этот же вечер познакомилась. Когда органы безопасности пришли арестовать её „любовника”, её заодно отправили вместе с ним! Он попал в „мужской вагон”, она в „женский вагон”... Она оказалась совершенно без вещей. Чувствовала себя обиженной судьбой и часто ходила хмурая, не в духе.

Мы ей многое из своих вещей отдали, но это мало помогло.

Ввиду того, что нас рано утром выгоняли на работу и мы вечером поздно возвращались обратно, у нас в зале не могло быть образцового порядка. Шкафа для одежды не было. Часто приходилось развешивать на веревках в помещении промокшую одежду, бельё и т.п.

Пищу готовили на примусах в зале. Кастрюли, хозяйственные принадлежности негде было спрятать. Часть находилась под топчанами, часть по всем углам.

И вот, как-то вечером акробатка зашла после работы в залу и скорчив нос сказала грубым тоном: „Здесь выглядит, как в еврейской лавке!... Брр...”

Эти сказанные слова ударили меня, как гром по голове!!!...

Они заделали меня так сильно, что я выбежала из залы и не хотела никого видеть...

И тут я почувствовала – как я одинока среди всех!... (Это чувство одиночества сможет только тот понять, кто это сам на себе испытал... – никто другой этого не поймёт!).

Я вышла во двор. Было темно. Подошла к калитке. Она оказалась не запертой. Я очутилась на поле. Вокруг поля... поля... – чужой край... чужие люди...

Поднимая глаза к небу я подумала: „Эту же луну... звезды... видит, может быть, Леопольд. Небо... луна... звезды... так же далеки, как далекий мой Лоло... мой муж!”...

И тут я выплакала всю свою душу...

Дул ветерок... колосья ржи весело шевелились от этого маленького ветерка.

Наблюдая за ними, они успокоили мои взвинченные нервы... Домой вернуться мне не хотелось.

Я не знаю, как долго я, стоя на ржаном поле, мечтала. Я бы наверно осталась на всю ночь, если бы за мною не пришли: Арно, Лидия, Маргот и Алекс. – „Рени! Иди домой! Скоро милиционер придет, а тебя нет!” – Они меня обняли и силой потащили обратно в барак.

Цирковая акробатка извинилась. Она уверяла, что ничего плохого не подумала, сказав про „еврейскую лавочку” – это просто выражение такое! А мне это выражение стоило здоровья...

С этого дня мои „друзья по несчастью” относились ещё внимательнее и ласковее ко мне, будто хотели „что-то сгладить”. Особенно хорошо относились ко мне Арнольд, Алекс и Паул. Они меня часто называли „принцессой”, находили, что я со своими манерами похожа на „аристократку”...

(Это наверно потому что я им рассказывала, что в детстве воспитывалась в Швейцарии, в интернате: „пансионат для благородных девиц”! Им страшно нравилось, когда я им красочно описывала мою прежнюю жизнь, когда я была молодой девушкой!).

Было у меня много неприятных ночей в совхозе.

Однажды разбудили меня ночью и вызвали к директору в кабинет. Там присутствовали, кроме директора, политрук и несколько незнакомых мне мужчин. Они стали меня „обрабатывать”, чтоб я впредь стала бы наблюдать за эстонцами и им докладывала бы, что они говорят и мыслят. Особенное внимание велели обратить на молодых эстонцев. Их интересовало какие у них

настроения, какие у них понятия о Советском Союзе, о войне и т.д. Одним словом, чтоб я стала бы их „глазом”!!... (Как они это называли!). (Начальство в то время уже знало о моей беременности. Они хотели меня снова послать в лес работать – тогда я им открыла „свои карты”!).

А теперь они „нажимали” на мое положение и хотели его использовать. Они объявили мне с „большим сочувствием”, что мне будет трудно с новорожденным и вообще с двумя маленькими детьми жить при этих условиях в совхозе. Что мне моя работа не по силам и надо будет изменить к лучшему моё положение.

–„Если Вы выполните то, о чём мы Вас просим, то мы найдём возможность облегчить Вашу дальнейшую жизнь здесь. Вместо физического труда мы найдём менее трудную работу, например в конторе или бухгалтерии!”

Я с ужасом поняла, что они от меня хотят и подумала: „Никогда я „своих людей” не продам... и их не выдам!!...”

–„Нет! Нет!! Я этого делать не могу!”– ответила я им запинаясь, и стараясь найти всякие отговорки, чтоб они меня оставили в покое.

Меня ещё несколько ночей вызывали и „массировали”, но под конец, убедившись в том, что я не сдаюсь, они оставили меня в покое. С каждым разом они становились всё сердитее, кричали на меня: „Мы Вас предупреждаем, Рени Клас, что Вы об отказе ещё горько пожалеете! Мы Вам в дальнейшем ничем навстречу не придём. Не обращайтесь к нам, если Вы в нужде окажетесь! Помощи от нас не ждите!”– грозили они мне. А я была счастлива, что отделалась от них и могла спокойно, с чистой совестью спать... и главное смотреть „нашим людям” в глаза...

Но вскоре я стала замечать, что наш новый парень из другого вагона, Антон, стал часто ночью исчезать.

Антон был один в совхозе, без родных.

Прошло некоторое время, Антона назначили заведующим столовой. Там он долго не продержался, будто не справился с работой. Его перевели в контору работать.

Все наши люди заметили изменение в поведении парня. Он был со всеми крайне вежлив и внимателен. Старался со всеми дружить, особенно с молодёжью.

Когда бывало, мы перед сном ещё болтали, он старался под каким-нибудь предлогом подходить то к одному, то к другому – ловил наши слова. Часто он ругал Советский строй...

Он притворялся спящим (его топчан, на котором он лежал, находился в зале, т.к. на сцене места не хватало!). Мы замечали, что он не спит, т.к. у него веки дрожали... и он чуть-чуть приоткрывал глаза...

Нас приходили проверять по спискам каждое утро и вечер один молодой милиционер. Называя фамилию человека, тот обязан был отвечать – „Да!”

После вечерней проверки было запрещено выходить из барака. (Разрешалось только сходить в уборную или к колодцу!).

Сумасшедшие из нашего барака не хотели выходить на работу. Особенно женщины сопротивлялись. Они ложились вдоль коридора на пол. Кричали, били ногами. А мы, пройдя по утрам мимо них, шагали через их барахтающиеся тела...

Была среди них одна умалишённая – худощавая, костлявая Дуня. Она скандалила всегда больше всех. Каждое утро она валялась на полу коридора и устраивала страшные сцены. Как-то раз Дуня так надоела начальству, что её связали по ногам и рукам... Её потащили во двор, в хлев. Там несчастную женщину привязали. Так она находилась в хлеву два дня и две ночи напролёт. Все мужчины ходили на неё смотреть... Они шутили и смеялись, т.к. Дуня была без штанов... Но на третье утро они больше не смеялись – Дуня была мертва... Мне было так жалко Дуню!

Мой „Мг. Х” давал часто о себе знать, он толкал меня вовсю. Теперь у меня живот был уже большой и мне стало тяжело физически работать.

Эрна посоветовала мне поговорить с врачом и дать себя проверить. В медпункте совхоза не было врача, а была только фельдшерица. Она была „мастер на все руки” – по общим болезням, зубным врачом, по акушерству, аптекарем (изготавливала сама лекарства!), библиотекарем и на праздники баянистом!! Она играла к танцам на баяне для молодёжи села.

Фельдшерица нашла, что у меня беременность проходит нормально, но дала мне справку для начальства совхоза о том, чтоб меня освободили бы от физически трудной работы, ввиду семимесячной беременности. 7 месяцев я была беременна! С этой справкой я пошла к директору совхоза.

Прочитав её, директор покачал многозначительно головой и сказал: „В совхозе нет для Вас другой работы!!” Я вспомнила его угрозы, когда я отказалась стать „глазом”...

Один раз меня очень сурово наказали.

После большого проливного дождя нас послали на поле работать. Поле находилось недалеко от нашего барака. Ввиду того, что я подходящей обуви не нашла (только маленькие туфельки на высоких каблуках!), у меня ноги совсем промокли. Я побежала быстренько домой, чтоб одеть другие туфли. Но дома Габи меня задержала. У неё болел животик и её тошнило. А когда я стала уходить, она горько плакала, не хотела меня отпускать. Когда я вернулась, вся запыхавшись от бега на поле, у меня ушло больше времени, чем я предполагала. Я извинилась перед бригадиром. Он мне ничего не ответил. Но зато на следующее утро политрук („палка”, как мы его прозвали!) прочитал мне накладную, она гласила: „За самовольное отлучение с поля и не выполнение дневной нормы будет Рени наказана. Её направляют на 3 дня в овощехранилище сортировать гнилую картошку!”

Овощехранилищем был большой, холодный, тёмный погреб под землёй. Там я ужасно мёрзла. Гнилая картошка воняла страшно, она клеилась к моим рукам... Меня тошнило – я вырывала...

Но самое ужасное было то, что там бегали крысы... Они крутились прямо под ногами... Одна крыса лежала, наверно умирающая – она была в судорогах. Может быть на неё наступили? Бегали по проходу крысы всякого сорта – большие... поменьше... маленькие и новорожденные. Те еле-еле ползли, ничего не видели и падали...

Я была там совсем одна! Это были для меня три кошмарных дня!!! Вроде „карцера” в тюрьме... – только с работой и ночёвкой дома. На обед домой не пускали. Взятые бутерброды я быстро съедала, а потом была голодная... мучила жажда... – воды не было!

Вечером я приходила как разбитая домой. Хорошо, что Габи тогда уже спала – у меня не было бы даже сил, чтоб ей слово сказать... Эрна приносила мне горячий чай и бутерброд в кровать. Арно спросил: „Жива ты ещё?” и поцеловал меня в щеку. Все остальные были тоже озабочены из-за меня и проклинали начальство за то, что оно так мучает беременную женщину...

Во сне я видела в эти дни только крыс... крыс... Они находились в моей кровати... – кусали меня...

Я просыпалась по ночам от своих криков, пугала всех спящих... но не услышала от них ни единого слова упрёка... – наоборот, они понимали меня... Хорошие люди были моя „новая семья”.

Я имела большие заботы из-за Габиньки. Моя дочка становилась бледной и худой. Эрна, которая за ней ухаживала, говорила мне: „Твоя Габи страдает очень, не видя тебя днями. Ты её видишь хотя бы спящей, а она тебя нет!” Да! Это была правда! Я могла с моим ребёнком быть вместе только при дождливой погоде! А дождь шёл очень редко. Было жаркое, сухое лето!

Беспокоилась я также о предстоящих родах. Здесь поблизости не было больницы. „Что будет со мною, если появятся схватки и мне срочной помощи не окажут?? В опасности мой будущий ребёночек??... И что станет с Габи, когда меня увезут в какую-нибудь дальнюю больницу??...”

Эти мысли мучили меня и не давали спать... Тогда я себе задавала вопрос: „Совершила ли я ошибку, отказываясь стать глазом”? Надо было соглашаться ради моих детей?? – и тут же я себе отвечала: –Нет! Сто раз нет!! Что бы не случилось с моими детьми и со мною, даже если мы погибнем здесь! Я решила по совести!...” – И это было правильно!

Один вечер я делилась моими заботами с Маргот. Она старалась успокоить меня со словами: „Придёт время – видно будет! До родов ещё 2 месяца! Спи спокойно! Тебе нужны силы для твоих детей!”

Арнольд, который находился недалеко от нас, слышал наш разговор и любил меня тоже утешать, сказал: „Рени! Насчёт Габи не беспокойся. Когда ты будешь находиться в больнице, наши женщины по очереди „заболеют” и не пойдут на работу! А если им не удастся от фельдшерицы получить свободный день, то я притворюсь больным сам и присмотрю за твоей дочкой! Что касается родов, если нужна будет срочная помощь, то мы примем роды! Наши парни достаточно сильны, чтоб „вытащить” твоего „Мг. Х”-а...!”

Хороший был парень Арнольд, он всегда старался ободрить меня (Арнольд Авиксоо – его настоящая правильная фамилия. Арно Авиксоо! Ужасно хороший парень!).

Были у нас и веселые моменты в совхозе. Люди остаются все же людьми, в каких условиях они не находились бы... Большинство из нас были молодые и мы, имея юмор, забывали на время наши горести...

В один дождливый день мы находились в зале. И внезапно возникла идея устроить на сцене самодеятельность. Мы тянули жребий, кто выступит первым. Номер один пал на меня! Я изображала Марлен Дитрих, в то время популярную кинозвезду! Пела я песню из её кинофильма „Голубой Ангел” – „Ich bin von Kopf bis Fuss auf Liebe eingestellt... usw” – при этом поднимала юбку, показывала ножки, которые нашли красивыми (с моим „брюхом” это выглядело очень смешно!).

Имея большой успех, мне пришлось повторить номер (при этом мой „Мг. Х” толкал меня сильно ножками – наверно и ему понравилось??...).

У Лидии был красивый голос, она с большим чувством исполнила несколько романсов. Наша цирковая акробатка показала нам свой лучший цирковой этюд. Её тело было будто без костей.

Рихард оказался великолепным жонглёром, жонглировал тарелками, ни одна не упала.

Маргот играла на гитаре.

Её сестра, Марика, исполняла эстонские песни.

Марта Роос нас прямо удивила. Она одела смокинг мужа и продемонстрировала нам старинные танцы: венгерку, кадрили, вальс, танго и т.п. При этом она мелодии насвистывала и мы ей помогали подпевая хором...

Никто не мог этой грациозной, с лёгкостью танцующей старушке, дать её годы – 78 лет! Она была замечательна и должна была повторить свои танцы.

Но удачнее всех номеров получился танец „четырёх лебедей” из балета „Лебединое Озеро” Чайковского. Его исполняли наши парни: Алекс, Паул и Рихард. Мы смеялись до упаду. Ввиду того, что это выступление вызвало большие аплодисменты, которые не хотели смолкать, они исполнили на „бис” еще один номер. Тут они превзошли прямо себя. Они импровизировали одну сцену из нашей совхозной жизни и изображали: директора, политрука – хромого с палкой, бригадира с капающим носом и зайку нарядчика. Эта пародия удалась им так превосходно, что мы от смеха почти лежали на полу...

При этом мы одновременно тревожно смотрели на дверь... появившись бы кто-нибудь из правления – была бы катастрофа!!... Но, к счастью, дождь не переставал и всё обошлось благополучно.

После приятных мгновений надо часто расплачиваться...

Нас ждали большие огорчения. На следующий день, ранним утром, мы узнали, что нас сразу хотят отправить на один хутор сажать картофель. Выбрали всех молодых, в том числе и меня! Хутор назывался „Комсомольск” и находился в 12 км от нашего совхоза.

–„Вы пробудете там с ночёвкой дней 8-10. Раньше не вернетесь, чем на участке будет работа закончена. Берите самое необходимое с собою и марш в дорогу!” – скомандовал бригадир.

Я пришла в ужас, т.к. боялась Габи на так долго оставлять одну.

–„Прошу Вас, ради Бога, меня не отправлять на хутор! Я не могу мою дочку оставлять одну, она будет плакать и переживать! Разлучиться с ней на 8-10 дней, это очень долгий срок!!” – упрасивала я их.

На свою просьбу я услышала только насмешливый ответ политрука:

–„Гражданка Клас, Бога зовёте на помощь! Вы заметьте себе, у нас, советских людей, Бога нет!! Во-вторых, имейте в виду, что среди ваших эстонских женщин есть некоторые, которые за Вашей дочкой присмотрят! Ишь ты! * Захотелось тебе с дочкой в куклы поиграть... а...?? Нечего здесь капризничать и нюни распускать!! Езжай вместе с другими работать!! Давай! Давай!”

Нечего было делать, надо было повиноваться...

Когда я уложив немного одежды и продуктов, собиралась уже уходить, вдруг, как на зло, проснулась Габи. Увидев меня у двери, она расплакалась. Мне пришлось задержаться, чтоб её немного успокоить. Обняв меня крепко обеими ручонками за шею, она меня никак отпустить не хотела.

–„Мама... мама... не уходи! Оставайся со мною!...” – твердила она.

Что я могла делать??

Мне пришлось силой вырваться из её объятий... Оставив её с Эрной, я выбежала рыдая во двор.

На дворе наших людей не было. На дороге я их тоже не увидела. Кругом поля... поля... Я не знала в какую сторону наша бригада пошла?

–„Вот так история!! Если я их не догоню, меня опять накажут!” – подумала я в испуге и вспомнила овощехранилище... крысы... и вонь от гнилой картошки... И вдруг я увидела Василия с телегой и запряжённой лошадкой. Василий был один из сумасшедших „той” комнаты, в нашем коридоре. Он возил большей частью котёл с кашей на телеге для тех рабочих, которые оставались в лесу или на поле и, из-за дали, на обед приходиться не могли.

Василий был нашим „пугалом”! Он был коренастый, крепкий мужик с огромной головой, широкой шеей, рыжий, прыщавый. Волосы были жирные, грязные, борода была длинная. Его язык торчал вечно изо рта и он слюнявил как младенец... Подбородок был всегда мокрый...

На нас, эстонских женщин, он всегда поглядывал своими дурацкими, выпуклыми глазами... и щёлкал при этом языком... Иногда он старался кого-нибудь из нас рукою потрогать... Мы его отталкивали, ругали его – он тогда утихал и становился меланхоличным.

И вот, пришлось же мне с ним теперь столкнуться с глазу на глаз!

–„Чтоб он только мне и моему „Мр. Х” не причинил бы какое-нибудь зло!” – подумала я.

Не имея другого выхода я обратилась к нему с вопросом: „Василий! Знаешь ли ты, по какой дороге направилась наша бригада? Известно ли тебе, где находится хутор „Комсомольск”?”

* Политрук был так сердит, что меня вдруг тыкал!

Он кивнул головой, пробормотав, что знает по какой дороге наши люди пошли и что отвезет меня к ним. Я села к нему на телегу. Погода была тёплая, солнышко грело... Пахло сеном... и кругом было тихо... только слышно было пение птичек... Мне было приятно сидеть на телеге – ничего не делать... и я замечталась... Мысли улетели далеко-далеко...

И вдруг, прямо перед моим ухом раздался идиотский смех Василия. Он накинулся как зверь на меня... Он кулаком ударил мне прямо в живот... Я страшно испугалась, но не растерялась... Я знала, что должна сейчас что-то такое делать, чтоб от этого изверга избавиться. У меня были одеты туфли на высоких каблуках и я со всей силой ногой ударила в одно „определенное место”!!

Он завизжал от боли. Отпустив меня, он свалился на спину... Он трясся всем телом, будто в судорогах... и был похож больше на раненного животного, чем на человека...

Я спрыгнула с телеги, побежала дальше по дорожке и вскоре увидела „своих”! На мой зов они остановились, Увидя меня, они прямо испугались. Я дрожала всем телом и была бледна как смерть... Я долго ещё не могла придти в себя. Василий был всё время перед моими глазами.

Потом, много позже, мои „мужчины” любили надо мною пошутить – смеясь они вспоминали мой „способ” самозащиты... и заодно хвалили меня, что я будто очень „одаренная”! Если один из них, ради потехи, старался приблизиться ко мне, он слышал от остальных возглас: „Стой! Будь осторожен! У Рени своя метода! Как ударит тебя „в одно место” – у тебя больше потомства не будет!” На хуторе „Комсомольск” мы работали очень усердно, т.к. хотели посадку картофеля быстрее закончить, чтоб вернуться домой.

Спали мы все вместе в одном помещении сарая на полу (досках!), подстелив солому. Между нашими молодыми людьми получились уже влюбленные парочки: Алекс–Маргот, Паул–Марика. Были уже некоторые сцены ревности, т.к. двум сестрицам нравился Арнольд. Он предпочел младшую сестру, которая была красивее. Её звали Норой. Рихард связался с одной замужней эстонкой, у которой муж находился в другом поезде.

Все наши люди обычно спали глубоким сном, после напряженной работы в поле. (Рабочий день длился 14–16 часов, с 6⁰⁰ ч. утра до вечера, пока не стемнело!). Я никак спать не могла... тосковала я по Габи и беспокоилась: „Как она там без меня, моя крошка??...”

На четвертое утро мне вдруг Алекс сказал: „Рени! Ты хочешь увидеть дочку? Если да, то я готов тебе помочь, т.к. я кое-что придумал. Мне тебя жаль, ведь я вижу, что ты по ночам не спишь! Ворочаешься с одного бока на другой и сна не находишь, а мы спим от усталости, как убитые! Выслушай меня теперь внимательно: можешь ли ты выдержать сильную боль?? Мне придётся причинить боль твоей правой руке!”

Я, конечно, обещала всякую боль выдержать – лишь бы попасть в барак, к моей девочке!

Тогда Алекс взял полотенце, намочил его в воде, выжал его и положил на мою правую руку. Затем он принёс здоровенный кирпич и ударил со всей силы по руке... Я со своей стороны не издала ни одного звука, прикусила только язык. Рука сразу опухла и покраснела.

–„Благодаря мокрому полотенцу, не будет синяка!”– объяснил мне Алекс.

Я от счастья даже боли не почувствовала...– я думала только о Габи... что теперь увижу её...

Схватив тут же свои „манатки”, я пустилась почти бегом в сторону совхоза. Мои „друзья по несчастью” были рады за меня!

Добравшись в совхоз, я сразу зашла в медпункт. Фельдшерница дала мне свободных три дня. Она велела мне делать компрессы с холодной водой. Но она

никак понять не могла, как это я от посадки картофеля получила такую опухшую руку??

А Габи, увидя меня, запрыгала от радости и меня больше ни на шаг отпустить не хотела. Она цеплялась за меня, т.к. боялась, что я снова уйду и её оставлю одну.

Эти три дня были „наши“!...

Но, ожидали меня большие огорчения из-за Габи.

Когда мы приехали в совхоз и нас отправили в баню, Габи поскользнулась на мыльном, скользком полу и сильно упала. После этого испуга она стала заикаться.

Теперь же, после нашей разлуки, я заметила, что она больше стала заикаться. И ещё – в её волосах я обнаружила вши... Я пришла в ужас!! Я ей сразу устроила санитарную обработку – намазала головку керосином. К счастью, в этот день как раз топили баню, и я смогла дочку хорошо помыть.

Думала я с горечью о маме... о няне... – если б они только видели в каком состоянии я нашла их любимицу...!!

Оказывается, что всех наших пожилых женщин из барака посылали все дни собирать огурцы. Оставалась одна только Марта Роос с ребёнком. А она больше спала, чем следила за моей девочкой. Эрна, приходя вечером с работы, прямо пугалась, какая грязная, невытая была Габи. А в один день был у всех вообще большой испуг.

Когда наши люди пришли на обед домой – Габи не было!!... Марта спала на своей койке преспокойным сном. Женщины разбудили её и спросили: „Где Габи?“ – Роос не знала. Они стали искать всюду девочку – на территории двора, в уборной, в столовой... Они вышли за ворота, обегали все дороги, тропинки, ведущие к полю... ходили к речке... Звали громко её имя – следов ребёнка не нашли – всё было напрасно!

Они уже решили идти к директору совхоза, чтоб ему заявить о пропаже моей дочки – как вдруг из соседней комнаты „сумасшедших“ они услышали детский голосок... Открыв дверь, они обнаружили Габи. Она сидела на коленях одной из этих женщин, та ей расчёсывала волосы и при этом пела песенку. Когда наши женщины хотели забрать у неё Габи, она запротестовала. И Габи не хотела уходить, т.к. с Мартой Роос ей оставаться никак не хотелось.

Тут я решила, что я должна что-то предпринять с дочкой. Что так на произвол её оставлять больше нельзя! Надо ей больше уделять внимания. Я вспомнила, что слышала будто на днях начнётся ночная смена, работа на молотилке.

Мне удалось записаться на эту работу. Мои женщины в бараке не одобрили моё решение, опасаясь, что работа будет для меня слишком тяжёлой. Но я их и слушать не хотела. Я думала о том, что работая ночью, у меня будет днём свободный день, который я смогу посвятить своему ребёнку.

Как-то гуляя с Габи, я встретила нашего ветеринарного врача, Аркадия. Он проявил большой интерес ко мне и моей дочке. Он знал, как тяжело я переживаю разлуку с мужем и сестрой.

Аркадий сообщил мне, что он на днях находился в селе Б. Там он видел много ссыльных из Прибалтики. Он посоветовал мне написать письмо в село Б. прямо на почту, до востребования и вместо фамилии написать: людям из Эстонии. Чтоб я составила бы список тех, кого разыскиваем и указала бы свой адрес. Аркадий дал мне даже бумагу, конверт с маркой, обещая придти за письмом и отослать его.

Я конечно рассказала эту новость в бараке моим друзьям по несчастью и мы сразу составили список наших пропавших родных и близких.

Маленькая надежда появилась у нас опять.

Эти чудесные три дня прошли. Я начала работать в ночной смене, на молотилке. Работа была тяжёлая. Куча зерна находилась на полу амбара. Ведро наполняли

зерном и высыпали в молотилку. Ручку молотилки надо было рукой крутить, причём в быстром темпе. С другой стороны высыпалось молотое зерно, которое (опять) вёдрами высыпали в большие мешки.

Наши молодые эстонцы вернулись уже с хутора и часть их работала со мною. Моя работа состояла в том, что я должна была крутить ручкой зерно. Арнольд и Алекс считали, что эта работа будет полегче для меня, чем поднимать полные вёдра или мешки.

Наш ночной бригадир лежал на зерне и спал. Иногда он следил за нашей работой. Больше всего он сердился на меня. Он считал, что я слишком медленно кручу ручку. „Надо быстрее... побыстрее!!” – кричал он мне.

А у меня рука уставала, я не могла быстрее крутить...

Тогда он вдруг вставал и с важной миной учителя подходил к молотилке, и начинал со всей энергией быстро-быстро вертеть ручку молотилки. „Видишь, Клас, как надо работать!! Что ты спишь, что ли, работая??... Давай быстрее и живее!”

После „поучительного урока” он снова ложился, засыпал и пукал на зерно... Наши парни хотели ему за замечания, которые он мне делал, дать „в морду”! (Как они говорили!).

Я их кое как успокаивала. И каждый раз, когда он мне приказывал быстрее и живее работать, я послушно ему кивала головой, а сама думала: „Крутил бы ты всю ночь напролёт – да ещё беременный...”

Работа начиналась в 20⁰⁰ часов вечера и кончалась в 4³⁰ часов утра.

Мы возвращались с ночной смены домой, когда наши начинали вставать, чтоб выйти на дневную работу.

После ночной смены наши молодые люди спали пол дня. Я же только два-три часика, т.к. Габи просыпалась рано. Хорошо было днём быть свободной. Я кормила Габи нормально. Плита была днём свободна и я не должна была ждать очереди, чтоб поставить кастрюлю на огонь.

Моя доченька стала неузнаваемой. Щёчки порозовели, она была весёлая и вообще не плакала.

Мы гуляли с ней. Ходили к местным жителям менять одежду на продукты. Габи стала меньше заикаться – всё стало лучше!!

Меня стал очень беспокоить мой „Мг. Х”. Он перестал шевелиться. Сначала я, от усталости, не обращала внимания, а постепенно начала следить. Уже много дней он не давал о себе знать... всё внутри тихо... – только пузо большое...

Я обратилась к фельдшернице. Она нашла, что всё в порядке. Часто у меня болела очень спина. Работа утомляла меня. Но стоило мне только посмотреть на мою чистенькую доченьку, на её сияющее лицо, как я свою усталость забывала...

Из села Б... мы получили письмо от прибалтийцев. Там находились из Латвии и Литвы ссыльные, а эстонцев не оказалось! – Мы опять упали духом! Все надежды рухнули...

В одно утро, в конце июля, мы возвращались с ночной смены домой. Наши люди в бараке были уже на ногах, готовы к выходу на работу. Вдруг зашёл бригадир ночной смены в залу. Он сообщил нам, работающим при молотилке, следующее: „Ввиду того, что кладовщик в амбаре зерна проворовался, администрация совхоза вынуждена принимать меры! Начинается инвентаризация. Всё зерно будут взвешивать. Возможно, что комиссия учёт к вечеру закончить не сможет, поэтому ночная смена должна сейчас выйти на дневную работу!!”

Бригадир наш ответ услышать не захотел, он быстро повернулся и вышел из залы, хлопнув дверью.

Вслед за ним появились „Три Мушкетёра”. Политрук держал список наших имён в руке и командовал: „Все выйдут на работу, в том числе и те, которые работают в ночной смене!”

Мы еле стояли от усталости на ногах и стали возражать: „Мы не в состоянии идти работать – у нас сил нет!”

Увидя, что мы стоим на месте и не шевелимся, политрук пришёл в ярость и заорал: „Никаких возражений! Ночью будете спать!!!”

Тут я подошла совсем близко к нему с моим большим брюхом и просила его тихим голосом: „Сжальтесь же Вы над нами! Мы всю ночь напролёт работали... мы истощены... двигаться больше не можем!!!”

Он взбесился от моих слов, поднял палку и, размахивая ею, кричал: „Сжалитесь над Вами? Нет! У нас к Вам никакого сочувствия нет!! Сейчас война, Советский Союз воюет – а вы не хотите работать! Ну-ка!! Давайте – выходите немедленно на работу! Я вам приказываю! Бездельники! Дармоеды! Советский хлеб есть хотите – а работать отказываетесь! Кто сейчас на работу не выйдет – того под суд отдадим!”

Надо было повиноваться. Усталые, измученные мы направились снова на работу.

Меня послали на гороховое поле полоть сорняки. Я должна была нагибаясь рвать сорную траву и чувствовала боли в животе... Солнце пекло, было 38° жары... Когда мне удалось к обеду прибежать домой, я застала Габи заплаканной и разочарованной. Она цеплялась за подол моей юбки и говорила: „Мама, но ты ведь мне обещала днём оставаться со мною!!!”

В её детскую головку не вмещалось то, что я своё данное обещание не сдержала. По её понятиям – я её обманула... (Она знала, что я ночью работаю, а днём с нею!).

А разве я могла сдержать моему ребёнку данное мною обещание?? Разве я была человеком??...

Ведь я даже не знала, за что меня послали в ссылку? Никакого суда или срока не было! Я не знала в чём меня обвиняют? За что рассоединили семью?? За что?... За что?...? Все тот же вопрос – за что??...

Вернулась я вечером с поля еле живая в барак. Наши старушки, которые из-за болезни остались в бараке, рассказали мне, что Габи весь день капризничала и плакала. Они её никак успокоить не могли. Кушать она тоже не захотела. Несмотря на мою усталость, я приготовила Габи и себе кое-что поесть. Моя дочка немного успокоилась и опять развеселилась. Мы как раз успели вдвоём закусить, как вдруг в зале появился ночной бригадир. Он объявил, что инвентаризация в амбаре досрочно закончена. Всей ночной бригаде велено выйти немедленно на работу.

Но тут уж я больше не выдержала и закричала громко: „У меня нет больше сил!! Застрелите меня и мою дочку лучше! Эта жизнь невыносима! Мы ведь тоже люди! У вас больше милосердия к зверям, нежели к нам! Неужели у вас нет никаких человеческих чувств к беременной женщине?... Вы ведь изверги!!!” У всех „наших” были слёзы на глазах...

Я громко рыдала, держа Габи на руках...

Но разве „они” были люди??... Разве у „них” было сердце?... Совесть...?

К нам в барак зашли „Три Мушкетёра” и директор. Они наверно слышали мой возглас... Они стояли вокруг меня и орали во всё горло: „Давай! Давай!” – и угрожали мне судом.

Политрук меня прямо палкой вытолкнул в дверь – я чуть не упала...

И так я снова оказалась в ночной смене и вертела ручку молотилки всю ночь напролёт...

У меня было такое чувство, будто я находилась на „каторжной работе”! Ночной бригадир опять лежал на „горе” зерна, выпускал из себя знакомый нам „писк”... (пукал!...), крепко спал... да храпел...

Ночью вдруг появился Аркадий. Он сделал вид, будто случайно зашёл. Он посмотрел на нас грустным, понимающим взглядом... затем его глаза искали меня... Не промолвив ни единого слова он, покачав головою, вышел из амбара

На другое утро мы вернулись с работы как убитые... Я ходила шатаюсь, как будто пьяная... Голова ломилась, грозила лопнуть... Я зашла в барак кривая, сгорбившаяся – как 100-летняя старуха!!... Выпрямиться совсем не могла. Поясница болела...

Наши люди были ещё дома. Они подали нам горячий чай и велели сразу ложиться. Они беспокоились за нас и больше всего за меня.

Как только я легла, у меня появились большие боли в пояснице и в области живота. И вдруг я со страхом обнаружила, что я в крови...

Лидия была медсестрой. Я её подозвала к себе. Увидя, как с меня лилась кровь, она испугалась и направилась сразу к фельдшерице домой. Но вернулась она вскоре без неё. Фельдшерица сказала Лидии, что она мне всё равно ничем помочь не сможет. Меня надо срочно увезти в село Лебяжье, в больницу. Тогда Лидия побежала к директору домой. Она его разбудила. Узнав о случившемся, директор сначала заявил, что не может дать лошадь на столько часов, во время сенокоса. Отпустив подводу, он сорвёт дневной план.

На это Лидия стала ему объяснять, что я могу умереть, если мне не окажут немедленную помощь. Если что-нибудь со мною случится, тогда ответственность ляжет полностью на него.

Последние слова Лидии видимо подействовали на директора, т.к. он дал для конюха записку, где гласило, что Василий (тот идиот!) отвёз бы меня на подводе в село Лебяжье, в больницу. А Лидия испугалась, когда она узнала, что сумасшедший Василий поедет со мною наедине. Она стала просить разрешения меня сопровождать: „Я медсестра и возможно, что по дороге Рени Клас понадобится медицинская помощь!” – объяснила она ему.

На это директор дал своё согласие.

Когда Лидия вернулась в барак и Арнольд узнал, что нас отвезёт умалишённый Василий, он тоже стал беспокоиться. Подумав немного он заявил: „Я сам вас отвезу, т.к. у меня сегодня, после ночной смены, свободный день! Не дам же я идиоту Василию отвезти Рени в больницу!!”

Наши люди тепло и сердечно попрощались со мною. У многих были слёзы на глазах... я поняла, что у них были мрачные мысли...

Эвина мама, Эрна, обещала за Габи последить, её с Мартой не оставлять.

Я дала Эрне деньги на питание дочки и оставила ей новую шерстяную кофту для обмена на продукты.

Габи мы решили не будить.

Вскоре подъехал Арнольд на подводе. Василия он даже не взял с собою.

Надо было спешить...

Наши парни вынесли меня на руках. Положили меня бережно на телегу, покрыли одеялом. Лидия села возле меня. Арнольд взял вожжи в руки и лошадка тронулась с места...

Для автомашины 15 км езды было бы близко – рукой подать! Хотя нашу лошадку звали Вихрь”, она шла медленно вперёд. Она была тощая и дохлая. Часто она останавливалась и телегу дальше тянуть не хотела. Только услышав ругань Арнольда и почувствовав на спине кнут, она трогалась дальше в путь. Видимо директор совхоза распорядился, чтоб мне дали бы самую старую, истощённую лошадь! Это была скорая помощь для роженицы”!!...

Боли в животе всё усиливались... меня лихорадило, хотя на улице было жарко. От бессонных ночей глаза слипались... Я засыпала... просыпалась... и снова задремала...

Сквозь сон я слышала Арнольда успокаивающий голос: „Скоро, скоро будем! Потерпи ещё немного, Рени!”

Наконец мы подъехали к одному двухэтажному дому. Он был деревянный, имел чистый вид. Там мы прочли вывеску „Сельская Больница”.

Арнольд пошёл узнавать, куда меня отвести? Он вернулся вскоре со словами: „Второй этаж!”

Арнольд взял меня осторожно на руки и понёс в приёмный пункт.

У него брюки были в крови...

В больнице

Акушерка, осмотрев меня, сообщила, что в родильном отделении нет гинеколога. Она работает вместо врача:

„Если роженице необходима хирургическая помощь, тогда вызывают из областного центра, города Кирова, гинеколога-хирурга. Он прилетает вертолётom. Кроме того у нас в I^{ом} отделении работает врач. Она молодая девушка, только что окончившая университет, делает свою практику в нашей сельской больнице. В экстренных случаях я советуюсь с ней!” – объяснила она нам. Акушерка поставила мне градусник и пошла вызывать молодого врача. Врач, посмотрев градусник, взяла мою руку, сказала что-то на ухо акушерке, что – я не расслышала.

Они попросили Лидию и Арнольда зайти с ними в соседнюю комнату.

Вернулись они немного спустя с серьезными лицами обратно. Молодой врач-женщина подошла ко мне близко, немного похлопав по плечу сказала:

– „Мне очень, очень жаль, но я должна Вас поставить в известность, что Ваше состояние здоровья в опасности! Вам нужна срочная операция. У нас в больнице своего хирурга нет! Нам придётся врача-гинеколога из областного центра вызывать. Он прилетит на вертолётe. Гинеколог может успеть вовремя, но может и опоздать! Мы узнали, что у Вас есть маленький ребёнок – трёхлетняя дочка. Вы должны нам в письменном виде указать, кому Вы захотите её оставить в случае, если она останется одна?!”

Мы всё предпримем, чтоб Вас спасти и надеемся, что Вас спасут. Но наша обязанность, в данном случае, предупредить о возможном смертельном исходе! Мы должны выяснить, какие у Вас есть желания, особенно насчёт судьбы Вашей девочки. Вы поняли меня??...”

Я всё поняла... всё поняла...

– „Наверно я скоро умру...” – подумала я.

Назвала я фамилии Раи и Ирины. Просила, чтоб их искали бы, т.к. они находились в одном поезде со мною. А пока их найдут, пусть дочка останется жить в семье Эрны. С ними ей будет хорошо.

Врач и акушерка велели сестре и брату уйти, ввиду того, что меня хотели перевести в больничную палату.

– „Больной нужен теперь полный покой до приезда гинеколога! – сказала акушерка и добавила – Попрощайтесь теперь с гражданкой Клас.”

До того как покинуть помещение, Арнольд шепнул мне тихо, что он и Лидия еще вернутся обратно.

Оказывается, как я позже узнала, Лидия и Арнольд пошли прямо из больницы в НКВД, к тому же начальнику Васильеву, который нас, эстонцев, определял в клубе села Лебяжье на работы, и мне посоветовал ехать с дочкой в колхоз. Брат и сестра рассказали ему всё про меня. Про нашу тяжёлую жизнь в совхозе

и т.д. Как меня беременную заставляли в лесу пилить и спускать большущие деревья; как я на поле, при жаре, с раннего утра до позднего вечера, нагибаясь работала в поте лица... Как я, чтоб с моим ребёнком днём быть, работала в ночную смену на молотилке и как приказали работать три смены подряд, без передышки – 33 часа!! Что такому молодому и здоровому парню, как Антон Киви, дали возможность в конторе работать, а мне, в моём состоянии, ни в чем не помогли. Мне велели выполнять самую трудную физическую работу! – Теперь же я лежу в больнице с кровотечением и жизнь моя в опасности! Мне нужна срочная операция, а гинеколога-хирурга в больнице нет! Врач вызвал по телефону гинеколога, тот обещал вертолётом прилететь.

– „Сейчас каждая минута важна! Гинеколог может опоздать, тогда несчастная женщина будет уже мертва! Если Рени Клас умрёт, останется 3½-летняя дочка! Она будет сиротой! Помогите, начальник Васильев, спасти мать ребёнка!” – говорил Арнольд Васильеву.

– „Я ведь хотел Рени Клас с её девочкой послать в колхоз, но она не была согласна. Ей хотелось обязательно ехать в совхоз, чтоб с людьми из её вагона не расставаться. Я уступил её просьбам, т.к. понятия не имел о её беременности!” – Васильев подошёл к телефону и дал себя соединить с больницей. От акушерки он узнал, что гинеколог на вертолёт ещё не прилетел. Что она его ждёт с большим нетерпением и что моё состояние ещё ухудшилось. Васильев велел ей, чтоб мне дали бы хороший уход. И как только врач прибудет, ему доложить. Арнольд предполагал, что он не так сильно был озабочен обо мне, как о себе! Потому что „человеческие чувства” были таким людям, из НКВД, чужды!! Он явно боялся из-за себя, будучи начальником всего округа, в том числе и совхоза, который тоже подчинялся НКВД. Ведь мог бы быть контроль из высшей инстанции (областной, г. Кирова), чтоб проверить в каких условиях ссыльные эстонцы и пр. живут и работают в совхозе. Он за неполадки отвечал бы, т.к. за всё время, что мы в совхозе находились, никто из НКВД не приезжал проведать! А это входило именно в обязанности Васильева!

Прощаясь с Арнольдом и Лидией, он расспрашивал их ещё обстоятельнее про совхоз и его руководство. Обещал, что-то предпринять, чтоб улучшить условия. Также обещал интересоваться ходом моей болезни.

Когда брат и сестра вернулись обратно в больницу, они услышали, что моё состояние стало более критическим: ребёнка во мне невозможно будет спасти и моя жизнь висит на волоске... Температура была 40°, что у меня большие боли... Гинеколога всё ещё не было.

Акушерка разрешила Лидии и Арнольду зайти на миг в мою комнату. Но я была так слаба, что говорить с ними не могла... Мои высохшие губы шептали лишь одно слово: „Габи!...”

Мои друзья, Лидия и её брат, решили меня оставить в покое, но хотели дальше оставаться на территории больницы, чтоб поговорить с врачом-гинекологом, когда тот придет.

При больнице был сад. Выходя из комнаты они сказали, что немного посидят там, прямо под моим открытым окном! Если мне что-то нужно будет, чтоб я их звала бы через окно.

Не знаю как долго я лежала... то я засыпала, – то просыпалась... Вдруг я вспомнила, что мои друзья находятся в саду – прямо под моим окном...

– „Мои милые, хорошие...! – подумала я. – Мне хочется им сказать, чтоб они сходили бы в столовую, что-нибудь покушать. Они наверно проголодались, бедные!”

С большим напряжением я вылезла из постели... ноги тряслись... Шатаясь, я медленно направилась в сторону окна... Но что это?? Вдруг комната

закружилась...– я больше ничего не видела... в ушах зазвенело...– я вскрикнула и очутилась на полу...

Когда я открыла глаза – я увидела Лидию и Арнольда, сидящих на моей кровати... Оба улыбались мне...

Зашла акушерка, приветливо улыбаясь. От неё я узнала, что со мной в промежутке случилось: оказывается она услышала грохот тела и крик из моей комнаты. Прибегав быстро, она тут же приняла моего ребёнка, которого я внезапно и нормальным образом родила...– родила я мальчика!!... Но мой бедный, дорогой „Мг. Х” был мёртвый... По словам акушерки, случилось чудо, что я сама родила, без операции! О таком счастливом исходе она и мечтать не могла! (Как потом врач мне сказал, ребёнок во мне был давно мёртвый. Я могла умереть от заражения крови!).

–„Но Вы ещё не находитесь вне опасности! – сообщила акушерка. – Разложение зародыша повредило Вашему организму. Надеюсь, что у Вас заражения крови и прочих осложнений не будет, т.к. в нашей сельской больнице нужных медикаментов для таких случаев нет! У Вас всё ещё высокая температура, поэтому нужно Вас со всей осторожностью дальше лечить! Надежду терять не будем – самое страшное уже позади!”

–„Приезжал ли „летающий” хирург-гинеколог!?”– спросила я с иронией.

–„Нет! Я звонила в областную больницу гор. Кирова. Там мне сказали, что хирург-гинеколог ещё не успел уехать!”– ответила немного раздражённая акушерка.

–„Значит так работает здесь неотложная скорая помощь”, когда вопрос идёт о жизни человека!! – подумала я. – Состояние моё критическое – я нахожусь между жизнью и смертью!! Но я буду бороться против смерти... моя воля меня не покинет... ради Габи и ради Леопольда – я должна жить!...”– уговаривала я себя.

–„Да, мой милый Лоло, нам не было суждено иметь сыночка...– нашего „Мг. Х”...!”–

Но, зато было суждено моей доченьке иметь маму...

От ходячих больных я узнала позже, что мой бедный „Мг. Х” лежал несколько дней в уборной. Потом его бросили там же в дыру уборной... (Ведь в больнице не было также водопровода. Не имелась уборная с унитазом! Был он просто вроде большого деревянного ящика, с большой дырой! Надо было стоя совершать свои „делишки”...!).

Я находилась ещё несколько дней при смертельной опасности. Потому что я много крови потеряла, силы никак не восстанавливались. Мне делали несколько раз переливания крови. Температура не снижалась. Большею частью я дремала... слышала и видела всё, как сквозь туман... В один день я проснулась от того, что услышала чьи-то голоса и тихое пение...– это была чудная мелодия...

Мне стоило больших усилий, что бы открыть глаза...

Вдруг я обнаружила на своём одеяле большой букет полевых цветов...– а возле моей постели я увидела своих милых друзей: Арнольда, Лидию, Нору, Маргот и Алекса.

Как только они заметили, что я открыла глаза, они запели хором: „Happy birthday to you!” и эстонскую песню, которую поют на день рождения: „Ta elagu... ta elagu...”

Тут я вспомнила, что сегодня 31 июля – мой день рождения... Я была настолько тронута вниманием, что слёзы потекли по моим бледным щекам..., когда я их поблагодарила.

Из-за проливного дождя, они после обеда в совхозе не работали. Вспомнив о

моём дне рождения, они решили мне сделать сюрприз. Они передали мне также два букетика полевых цветочков от Габи и Эви, которые девочки сами собрали. Мой первый вопрос гласил: „Как поживает моя дочка? Здорова ли она?“ – „Габи здорова и бодра. Эрна осталась дома и заботится о ней. Не беспокойся из-за неё – всё в полном порядке! Все наши люди, Аркадий тоже, шлют тебе привет и поздравления, и ждут твоего возвращения в совхоз!“

Вошла акушерка, чтоб поторопить моих гостей к уходу. Она дала разрешение побыть только 5 минут возле меня и теперь явилась, что бы напомнить об этом: – „Время истекло!– заявила она. – Рени ещё слишком слаба, чтоб много разговаривать! Ей нужен полный покой!“

– „Идите, мои дорогие! И спасибо за всё!...“ – сказала я им прощаясь.

На улице началась гроза... дождь лил стеной. И из-за этих „5 минут“... мои верные друзья шли под дождём босиком, промокшие 30 километров пешком (15 км туда и 15 км обратно!).

Сколько есть все же хороших людей на свете!!!...

Начальник НКВД, Васильев, звонил ежедневно в больницу. Он справлялся о моём состоянии здоровья.

После его звонка мне акушерка всегда докладывала: „Начальник НКВД, товарищ Васильев, звонил опять сегодня, он интересовался ходом Вашей болезни!“ – и всякий раз в её тоне звучало большое уважение... В больнице уже шли слухи в отношении Васильева и меня. Начались сплетни. Персонал и больные растолковали эти звонки „по-своему“, они были убеждены, что я являюсь любовницей Васильева... (Васильеву было лет 45 и выглядел очень хорошо!).

Не раз я слышала, как женщины тихо рассуждали: „Рени красивая, молодая – мы можем его вкус одобрить“

Их фантазия работала на славу!

Но эти „предположения“ помогли мне во многом. Весь персонал больницы окружал меня исключительным вниманием... Они стали мне менять каждый день бельё, ночную рубашку, полотенца и т.п. Мне дали совершенно новый халат. В тапочки вкладывали вату, т.к. они были ношенные. Я получала лучше еду. Одна медсестра купила мне даже зубную щётку, зубной порошок и мыло.

Когда я стала поправляться, мне приносили книги для чтения.

Я пролежала в больнице около трёх недель.

Когда меня в один прекрасный день выписали из больницы, я от слабости ходить не могла... ноги были худы как щепки и подгибались...

Моё желание было попасть в совхоз обратно... я рвалась домой – хотелось поскорее увидеть и обнять доченьку... Ведь она теперь осталась „моей единственной“ – сыночка больше не было!...

В больнице мне дали освобождение от работы на три дня. Акушерка сказала, что фельдшерица в совхозе продлит мне бюллетень дальше, т.к. я ещё буду продолжительное время нетрудоспособной. Я сразу позвонила директору совхоза. Просила за мною прислать лошадь с подводой, чтоб вернуться в совхоз обратно. Я ему объяснила, что я так ослабла и не в состоянии 15 км пешком идти. Но конечно был отказ. Ввиду сенокоса он ни одной лошади дать не может. – „Хватит одного раза, когда я над Вами сжалился! Сама дойдёшь!!“ – сказал он и положил трубку.

Я вышла из больницы, со II^{го} этажа. Передо мною была длинная лестница, которая вела к I^{му} этажу, затем ещё одна лестница, по которой нужно было спуститься, чтоб попасть к входной двери.

Я спускалась по две ступеньки... затем садилась... по две-три ступеньки... – опять садилась... и так дальше... Пот выступил на лбу от „напряжённой

работы”...Когда я достигла наконец последней ступеньки, я села отдыхать...

И вдруг я увидела знакомого мне молодого человека из Таллинна. Он направлялся к двери I^{го} этажа.

Я ему радостно крикнула: „Алик! Дорогой Алик! Помоги мне – у меня нет сил идти!!”.

А он мне в ответ: „У меня тоже нет сил – у меня дизентерия!!” При этих словах он схватился за живот и исчез в двери I^{го} этажа больницы.

Я вышла на улицу. Лил дождь. У меня не было ни кофточки, ни зонтика... и я промокла...

Напротив больницы была рыночная площадь. Там находилась стоянка для колхозников с подводами. Я подошла к мужикам с просьбой отвезти меня в совхоз. Но ни один из них не соглашался. Каждый находил причину, почему он ехать не может. Разочарование было большое... сил идти дальше не было... Да и не знала я даже, куда мне идти??...

У меня началось головокружение...– перед глазами стало темно... Я боялась упасть в обморок...

Кое-как я сумела снова вернуться в больницу и села на одну ступеньку лестницы. На нижней ступеньке сидела одна беззубая, морщинистая старушка с маленьким мальчиком, лет трёх. Мальчик заплакал и что-то спросил. На это старуха расстегнула свою грязную блузу, вынула вялую, высохшую грудь и дала её ребёнку сосать...

Я удивлённо спросила её: „Бабушка! Скажи, это твой ребёнок??”

–„Да нет же! Это мой правнук Ванечка, моей дочери Маши сына сын!!”

–„Так почему же ты ему даёшь свою грудь сосать? У тебя ведь там молока нет?!”– спросила я снова.

–„Пускай дитёнышек забавляется – он тогда не плачет!”

А затем я услышала: „Ай, ай! Какой озорник!! Укусил же ты свою прабабушку острыми зубками!”

Как слаба и грустна я ни была, мне стало страшно смешно и я от всей души посмеялась.

Дождик за это время перестал. Набравшись новых сил, я покинула опять больницу. Я решила идти к начальнику Васильеву в надежде, что он мне поможет. На улице я спросила одного прохожего, где находится НКВД?? Он показал мне дорогу. Я направилась туда. Но в здании НКВД я узнала, что его там нет. „Начальник Васильев ушёл домой. Его дом находится за углом справа, Вы его найдёте дома, если желаете его видеть!” – сказал дежурный у двери.

Я завернула за угол и очутилась у парадной двери красивого домика с садом. Значит, здесь жил самый важный человек села Л..., начальник НКВД, Васильев...!! Сердце стучало сильно... „Идти мне...? Или не идти...?”– думала я с волнением... Я стала считать пуговицы моего платья: „Да... нет... да... нет... да...”– Кончилось моё гадание на „да”...!! „Рени! Не будь трусихой! Задуманное надо всегда доводить до конца!!”– говорила я сама себе.

Набравшись храбрости, я постучала. Дверь открыла довольно молодая, миловидная женщина. Неуверенным голосом я спросила: „Извините пожалуйста, живёт ли здесь начальник НКВД, Васильев?” И вдруг я увидела самого Васильева. Он вышел в прихожую и вопросительно посмотрел на меня. Тут я рассказала ему в каком затруднительном положении я нахожусь. Что я другого выхода не видела, как обратиться к нему.

–„Директор совхоза отказался за мною послать подводу и я никак не могу добраться до совхоза. Я еле стою на ногах от слабости! Помогите мне пожалуйста, начальник Васильев!”– были мои последние слова, обращенные к нему.

Он выслушал меня довольно внимательно. Затем он велел мне подождать в

передней. Принёс мне даже стул, чтоб я села. Я услышала, как он позвонил своему кучеру по телефону и дал ему распоряжение меня отвезти через 2-3 часа в совхоз. Я с большим облегчением вздохнула и подумала: „Значит я поступила правильно!! Люди с большим чином, наверно, относятся лучше к нуждам других, чем маленькие чиновники, которые воображают, любят властвовать и только командовать!?!...”

Дверь в другую комнату была приоткрыта и я увидела сквозь щель, как Васильев со своей женой уселись за „богато накрытый стол”... (Мне показалось, что там были очень вкусные блюда... т.к. я давно подобных не видала! А у голодного „большие глаза”...). На столе стоял самовар – из него шёл весело пар... Они принялись пить чай с сахаром в прикуску, по старому русскому обычаю! Что-то они ели с большим аппетитом...

Тут я вспомнила, что я голодна... с самого раннего утра ничего не ела... и почувствовала урчание моего желудка... В этот момент я себе казалась такой жалкой... бедной... – и почти нищей...! Наблюдая, как супруги Васильевы эту вкусную еду уплетали, у меня слюнки потекли...

– „Какие у них сытые, довольные лица, – подумала я – хоть бы чашку чая или кипятка предложили бы бедной Рени!!...”

Губы у меня высыхали... Но я была слишком гордая, чтоб их попросить о стакане с водой. Тогда я, правда, чувствовала бы себя, как „нищая-попрошайка”... Может быть для Габи их попросила бы, а для себя – нет!!...

Когда кучер за мною приехал, было уже совсем темно. Васильев выпроводил меня в дверь. Я его поблагодарила и извинилась, что его потревожила. Он мне даже протянул руку на прощанье, немного улыбнулся и пожелал быстрого выздоровленья (Я удивилась очень!). Я села в элегантную карету. Лошадь была красивая, стройная, шерсть блестела. Заметно было сразу, что она была хорошо ухоженной и упитанной.

Дождя больше не было. Поэтому был воздух чистый и приятный. Дул маленький ветерок. Небо было безоблачное. Карета неслась быстро и равномерно. Лошадка была молодая. На неё было любо смотреть.

Луна и звёзды на небе сопровождали нас... Звёзды сверкали, как маленькие электрические лампочки...

Мне показалось, что я нахожусь в сказке...

– „Неужели это я, Рени – ссыльная, сижу в этой роскошной карете начальника НКВД?? Это должно быть сон... а не действительность!” – при этих мыслях я всю дорогу улыбалась.

Я пожалела, что мои люди в бараке, меня сейчас видеть не могут! Что бы они сказали?? Особенно Арнольд? Он имел бы опять основание пошутить и посмеяться!... Арнольд. Этот эпизод я должна ему обязательно потом рассказать...

Кучер напевал песенку, старую русскую мелодию... она подходила к этой природе. А затем я спела эстонскую песенку.

Я закрыла глаза... и мечтала дальше...

Все наши люди были дома. Даже те, с ночной смены, т.к. работа на молотилке была закончена. Когда карета остановилась у входа в барак, они выглянули в окно. Некоторые выбежали на двор от любопытства.

– „Кто приехал в такой поздний час?? В такой красивой карете, с кучером и прекрасной лошадей?? – гадали они. – Наверно высокого чина начальник? Может быть начальник Васильев??” И увидев наконец „таинственного пассажира” этой шикарной кареты – они радостно вскрикнули: „Да это же Рени! Наша Рени приехала!! И ещё в какой карете... с кучером... лошадей... – как принцесса!”

– „Недаром мы тебя прозвали „принцессой“...!!!” – эти слова были с восторгом сказаны Алексом и Арнольдом.

А как эта „принцесса” была рада вернуться в свой „Заколдованный Замок”!!...

Снова в совхозе.

Наша „большая семья” приняла меня очень тепло и с большой любовью. Они не верили, что я выздоровею и мы ещё увидимся. Не могла я дожидаться, чтоб обнять свою доченьку. Я подошла к её кровати. Она спала сладким сном, обнимая свою куклу, Дэзи. А у ног „сторожил” большой Мишка.

Я её будить не стала. Только тихо... тихонечко потрогала её тёпленькие ручонки... погладила головку...

Она ничего не заметила. Но мне показалось, будто она во сне чуточку улыбалась...

– „Завтра мы будем вместе, моя крошечка любимая!” – шепнула я ей.

У меня три свободных дня – какое счастье!!!

Узнала я хорошую новость. Маргот и Марика нашли маму! Они получили от неё неожиданное письмо, в котором сообщает, что находится в одном совхозе, 60 км от областного города Кирова. Мать звала дочек приехать к ней в совхоз. Обещала, как только получит ответное письмо, им выслать вызов.

Я очень обрадовалась за моих девочек.

Помогло найти маму то, что мы отправили тогда в село Б. список с нашими фамилиями и писали, кого разыскиваем. Хотя наших эстонцев там не оказалось, люди из Прибалтики переправляли наши списки в другие районы, в совхозы, колхозы и т.п. Эти списки проходили по всей области. (В основном занимался разыскиванием ссыльных человек по фамилии Межелайтис, из Литвы. К нему попадали все списки. Многие нашли, благодаря его хлопотам, своих близких. Его потом за эту „активную деятельность” судили, он был приговорен к многим годам тюрьмы). Постепенно и к нам, эстонцам, в совхоз стали поступать списки с запросами о пропавших родных.

Но никогда не бывают одни радостные события. Я должна была узнать, что нашего милого Рихарда больше нет в живых. Его похоронили два дня тому назад.

Рихард работал в лесу. Он по рассеянности не заметил дерева, которое спускали сзади и свалилось внезапным ударом на его голову. Его тут же убило на месте! У него был перелом затылка, определила фельдшерица. Это была мгновенная смерть...

Рихарда домой уже не привезли. Он лежал два дня в сарае. На третий день его гроб был поставлен на подводу, которую вёл Василий. Его похоронили на маленьком кладбище, недалеко от совхоза.

Его мать, сестры и все наши люди провожали его в последний путь. И Аркадий пришёл на похороны, единственный из руководства нашего совхоза.

Эта новость была удручающая для меня.

Ещё один удар ожидал меня. На следующее утро после моего прибытия, я стала рыться в своих чемоданах. Я обнаружила, что украли множество вещей: пальто Лоло, его костюм, несколько моих платьев, бельё и т.п. Но самое ужасное было, что пропала моя сумка, в которой лежали мои деньги (те которые Виктор мне дал!). Кроме того драгоценности: золотые часы, серьги, брошка и бриллиантовое кольцо, и сумочка с туалетными принадлежностями: пудра, губные помады, румяна для щёк и т.д.

Я сообщила о краже милиционеру и начальству. Они обещали принять меры.

(Но я уверена, что они ничего не предприняли. Я потом видела жену нашего печника. Она, которая всегда была бледная, невзрачная женщина, появлялась накрашенная, губы были красные, щёки намазаны румянами, лицо напудренное. Печник и его жена стали вдруг хорошо одеваться. Но не в моих вещах! Для этого ума и хитрости доставало! Я говорила милиционеру о моих подозрениях. Но так это дело и осталось безрезультатно! – Это ведь были вещи ссыльной, а не государственное добро! Если голодный украл бы одну картофелину или огурчик, его судили бы строго за воровство! А моя пропажа не интересовала никого!).

Пропажа произошла наверно во время похорон Рихарда. Все наши люди, Марта Роос и Габи в том числе, пошли провожать гроб погибшего. А в это время печник с женой перекладывали нашу дымившую плиту.

А за день до этого тоже была возможность подобраться к нашим чемоданам. Был дан приказ всем на целый день выйти из барака. Сказали, что устроят санитарный день ввиду того, что у нас появилось много клопов, мух и пауков. Будут сыпать какой-то порошок и нельзя оставаться в помещении.

Санитарной чисткой занимались несколько заключённых украинцев. А в это время печник уже начал чинить плиту. Жена помогала ему. Несмотря на вредный воздух, они оба работали. У некоторых из наших людей тоже были вещи украдены. Гадать, кто украл, мы могли конечно без конца. Факт был тот, что вещи остались украденными!

Эвина мама, Эрна, вернула мне деньги, которые я ей оставила на питание Габи. Она объявила мне, что кормила мою дочку вместе со своей и она за это ни в коем случае деньги не берёт. Кроме того, Габи кормили по вечерам ещё и другие женщины. Все они её любили и она была их „общим ребёнком”!!

Я была тронута до глубины души добротой Эрны и вообще всеми нашими людьми „друзьями по несчастью”...

Самое главное было то, что мы жили так дружно в такое трудное время. В этом было большое счастье!!...

Вечером того же дня, когда я уже лежала в кровати (на топчане!) подошёл Арнольд и Алекс, и рассказали мне любопытную историю про Антона. Ввиду того, что он работал в конторе совхоза, он имел выходной день в воскресенье. Этим днём он пользовался всегда, чтоб навещать мать и сестру в соседнем колхозе.

Наши молодые люди, не доверяя Антону, решили в его отсутствие порыться немного в его чемоданах. Во-первых, они нашли все написанные нами письма родным в Эстонию, которые он, по нашей просьбе, не отсылал... Во-вторых, там находились письма, которые он сам писал и были адресованы в Таллиннский КГБ. Эти письма вернулись обратно, когда немцы оккупировали Эстонию. В своих письмах Антон заверял органы безопасности, что он готов любые государственные задания для Советской Родины выполнить. Он называл имена эстонцев, которые с ним в совхозе находятся, сообщал о тех, которые себе позволяли критические, антисоветские замечания высказывать.

Докладывал, какое настроение у эстонцев в связи с войной и, что они про войну мыслят и т.д. Под конец он давал своё обещание и впредь наблюдать за эстонцами – „ненадёжными элементами”, как он нас называл!

Кроме писем, политических книг, учебников и т.п. находилось полное оборудование: рабочая одежда, фуфайки ватные, крепкие сапоги, рукавицы, тёплое бельё и пр. в остальных чемоданах.

– „Значит наши подозрения вновь подтвердились! Антон Киви не ссыльный, как мы – он шпик, посланный КГБ!... Наверно и его мать, также взрослая сестра занимаются тем же, чем Антон в совхозе!!? Уже удивительно то, что их не послали вместе в один колхоз или в наш совхоз! Васильев семей не

рассоединял!” – рассуждали и Алекс и Арнольд.

– „Антон нужно остерегаться! Он может натворить много бед! Но придёт и его час – и негодяй расплатится за своё предательство, ” – заявил нам Арнольд.

Марика рассказала нам, что она была строго наказана в это время, когда я находилась в больнице. Имея насморк, она обратилась к фельдшерице, чтоб получить освобождение от работы (Она хотела эти свободные дни посвятить Габи, как она мне сказала!).

Сидя у фельдшерицы во врачебном кабинете, та ей сунула градусник под мышку и занялась другой пациенткой, которую она обследовала.

Марика, используя момент, что фельдшерица не смотрит в её сторону, стала тереть градусник... Но она не имела возможности проверить, на сколько градусов ртуть поднялась, т.к. фельдшерица подошла уже к ней и вытянула градусник из под мышки... Проверяя температуру, фельдшерица покачала головой и поставила два градусника под мышки... и оставалась все 10 минут стоять возле бедной девушки... Когда время вышло – оба градусника поднялись всего на 36,5°... Тут фельдшерица пришла в ярость и стала кричать в истерике... (Оказывается, она натёрла первый градусник на 40,9°).

– „Вы обманщица! Я доложу Вашу выходку начальству! Вы будете за такой поступок наказаны!” – бушевала фельдшерица, выталкивая Марику из врачебной комнаты.

Конечно фельдшерица сдержала своё слово. Марику вызвал директор. Он держал ей нотацию. Затем её послали в овощехранилище сортировать гнилую, вонючую картошку... Там она находилась три дня. Когда крысы бегали по её ногам, несчастная девушка вспоминала меня...

Но судьба была к ней милостива, сказала она мне, – будто в награду за эти мучительные дни, её сестра и она получили первую весть от их матери...

Эти три свободных дня, которые я имела, помогли мне всё же немного окрепнуть. Я гуляла очень много с Габинькой и Эви. Иногда мы сидели на травке и закусывали. Я рассказывала девочкам всякие сказки, которые сама придумывала или о своем детстве.

– „Расскажи ещё!” – просили меня в восторге они. И я опять сочиняла разные новые рассказы...

Сидя на травке мы пили молоко, ели хлеб с огурчиком – и были счастливы...

В один из этих дней проходил Аркадий случайно мимо нас. Его лицо засияло, когда он меня увидел. Здороваясь он протянул мне обе руки и сказал: „Рени! Я очень был озабочен, когда Вы лежали в больнице. Я хотел Вас навестить, но не посмел. Нам ведь со всей строгостью запрещено иметь малейший контакт или интерес к ссыльным, или к тем, которые здесь исполняют принудительные работы. Но через Арнольда я всегда узнавал о Вашем ходе болезни! Я очень рад, что Вы выздоровели и вернулись к нам обратно!”

Габи он нежно погладил по щечке. Он угостил её и Эви пряниками. Мне он один сунул, смеясь, прямо в рот. (Аркадий был женат, но я его жену никогда не видела. Детей у них не было, хотя они были уже восемь лет женаты. От местных жителей я слышала, что его жена болезненная и она детей родить не может. Аркадий был всегда опрятно одет. Выражение его глаз было доброе-предоброе... Когда я его видела, мне становилось легко и хорошо на сердце... Я чувствовала в нём благородного человека...).

Через три дня я пошла к фельдшерице. Она мне бюллетень не продлила. Велела мне сходить в больницу, где я лежала, т.к. там они знают, что со мною было. А она мол не знает! Я конечно не была в состоянии идти пешком 30 километров. Ничего не оставалось, как на следующий день выйти на работу.

Огорчило меня, конечно больше всего, опять оставлять Габи. Эти три дня после больницы прошли так быстро. Они были для мамы и доченьки большим подарком.

Сенокос был закончен. Наша эстонская бригада работала на веялке. Моя работа состояла в том, что мне велели возить снопы к веялке на запряженной лошади. Надо было накладывать снопы на телегу – целую „гору”! Когда „гора” становилась достаточно высокой, я должна была садиться на самую верхушку и подъезжать к веялке.

Я никогда в жизни с лошадьёю не сталкивалась. Поэтому работа с лошадьёю была для меня непривычной. Но я хотела нашим „мужчинам” доказать, какой я молодец и принялась за это дело очень усердно.

Лошадь была дряхлая и истощённая. Она еле двигалась. И только тогда слушалась, когда на неё кричали и били вожжами. Я конечно её бить не могла, слегка дотрагивалась только до её спины... Но зато я громко покрикивала все ругательные слова, подражая мужикам.

– „Ну, Лешая!! Давай! Давай! Ед... твоя мать!! Лешая!!” – И к моему восторгу „Лешая” пошла... Она услышала её знакомую ругань...

А я гордилась своими „достижениями” и сидела довольная и важная на верхушке.

Но чем дальше я ехала – тем менее гордая и важная я становилась... – я по всей дороге, с обеих сторон, теряла рожь!... Она падала на дорогу... Когда я подъезжала к цели – телега оказалась пустая... „Горы” больше никакой не было – я сидела на почти голой телеге...

Хохоту с моим „большим мастерством” было много... Особенно забавлялись над „колхозницей” мои парни: Арнольд, Алекс и Паул.

Потом, конечно, я научилась и этой работе. Подъезжая, сидя на „горе”, меня даже хвалили „как талантливую ученицу”!!

– „Из тебя, Рени, выйдет ещё толк! Становишься хорошей колхозницей... – шутили наши люди. – Твои родители должны были бы тебя видеть!”...

Дни становились всё короче... Наступили холода... дожди... Нас отправляли каждое утро до рассвета на работу. Нам приходилось шагать по узким тропинкам друг за другом – длинной „человеческой цепью”... Эта „людская цепь” состояла из: заключённых украинцев, сумасшедших из „той” комнаты и нас, эстонцев...

Когда я себя видела среди этой очереди измученных людей, еле передвигаясь в сырой обуви и дрожа от холода... – я как-то сказала Арно, который всегда шёл позади меня:

– „Знаешь, Арно! У меня иногда бывает ощущение, будто я не я, а какая-то „фигура” из романа... Если я когда-нибудь освобожусь, я напишу книгу о нашей совхозной жизни...!”

– „Сделай это обязательно, Рени! И дай мне книгу почитать! Может быть я даже сделаю кинофильм – это будет ещё интереснее!” – заявил мне Арно. – Да, конечно! Но, ты должна сама сыграть роль, Рени!! Ты лучше всего подойдёшь для этой роли!”

– „Но, Арно, дорогой! Если я напишу книгу через 40 лет! Что тогда??...”

И мы оба засмеялись...

Я рассказала про мои мысли своим друзьям в бараке. Они нашли, что у меня романтика всё ещё не прошла...

Вообще, наши люди любили, когда я им рассказывала содержание книги, кинофильма или из собственной жизни. Я описывала, как я жила в богатом родительском доме в Таллинне. Как я ребёнком уехала в Швейцарию, воспитывалась в девичьем пансионате. Гимназию окончила там же на

французском языке. И затем переехала с родителями жить в Берлин. Как мы в 1936 году вынуждены были бежать от нацистов в Эстонию. Рассказывала я им про свои путешествия в молодости по Европе. Как мы останавливались в самых дорогих гостиницах... про всякие приключения, впечатления и любовные увлечения... Меня наши „друзья по несчастью” всегда просили ещё и ещё рассказывать и с интересом слушали мои повествования.

Я их наводила на другие мысли... они уносили их далеко-далеко, от страшной, серой действительности... Часто они просили: „Рени! Расскажи ещё! Так, как ты описываешь, не каждый может!! Ты настоящая артистка с изобразительным талантом!”

Я, конечно, радовалась таким похвалам, хотя думаю, что не всегда их заслуживала.

Между прочим, и Лоло любил, когда я ему что-нибудь рассказывала. Иногда я ходила без него в кино. Ему нравилось по воскресеньям с друзьями играть в бридж. Мужья играли в карты, а жены шли в кино.

Позже я должна была в кровати рассказывать Лоло фильм, который смотрела. Я ему разрисовывала содержание очень подробно и с большим чувством. Где-то от себя прибавляла – что-то пропускала. Иногда фантазия работала...

Получался фильм увлекательным и таким интересным, что Лоло хотел его увидеть. На другой день он ходил один в кино. Вернувшись после сеанса домой, он в шутку говорил:

– „Фильм был хорош – но твой фильм был лучше...!”

Моя мечта была, когда я молодой девушкой жила в Берлине, стать актрисой (внешность я имела, так находили многие, а талант – может быть тоже был??...). Но мои родители категорически запротестовали. Они не хотели чтоб я стала бы артисткой! В их глазах быть артистом, это не солидная профессия: „Театральная жизнь легкомысленная!” – твердили они мне. Она не годилась для дочери из хорошей семьи!! У них были в этом отношении ещё старомодные взгляды!

Бывало, что прочитав книгу, меня героиня романа так очаровывала, что мне хотелось изображать её образ... Особенно я мечтала сыграть роль Анны Карениной. Лоло и своих детей я в шутку уверяла, что я в прошлой жизни была знаменитой французской трагической актрисой, Сарой Бернад...

Потом, когда мои дети подросли, Лоло, моя дочка и сын любили меня смеясь называть Сарой Бернад!...

В свинарнике

Через некоторое время управление совхоза решило перестроить свинарник. Это задание было доверено нашим трём парням: Арнольду, Алексу и Паулу, т.к. они были инженеры-строители. Сначала им было велено составить смету, а затем заняться перестройкой.

Я работала вместе с ними над сметой. Переводила её с эстонского на русский язык. Когда письменная работа была закончена и смета была принята, руководство назначило меня дальше с парнями работать, в качестве подсобной рабочей.

Ремонт и перестройка начались.

В первый же день моя работа состояла в том, что я должна была скрести широким ножом клейкий, вонючий свиначий навоз с досок пола... Это была грязная, неприятная работа. Навоз был высохший, растоптанный и мне стоило больших трудов его с пола удалить. Я скоблила изо всех сил и получила на правую руку волдыри, которые болели. Но я не жаловалась, терпела стойко, т.к. была рада находиться в сухом помещении и работать вместе с моими милыми друзьями. Мои парни веселились, видя как я усердно возилась с помётом,

навозом!

– „Рени! Ты будешь богатая – говно, значит богатство!” – уверял Авиксоо смеясь.

Вечером этого же дня, после ужина, мы сидели все вместе и болтали. Каждый из нас рассказывал про свою работу, на каком участке был, чем занимался: кто на лесных заготовках, кто копал силосные ямы, кто собирал картофель, огурцы и т.д. И вот наш самый большой шутник, Арно, попросил „наших”:

– „Спросите Рени, нашу принцессу, на какой работе она сегодня была. Чем занималась?!”

А я на их вопрос с гордостью ответила:

– „Я весь день скребла свинячье говно!!!”

Все громко смеялись – а Арнольд громче всех, держась за живот...

(Когда я Арнольда увидела после 30 лет разлуки, он вспомнил этот эпизод и хохотал также, держась за живот... Только разница была в том, что этот был уже не тот самый Арно – красавец, весельчак – а солидный, седой мужчина...).

Это были смешные, трагикомические моменты в нашей жизни...

Долгая война... неизвестность нашей дальнейшей судьбы, тяжёлые условия в совхозе, всё вместе взятое нас очень беспокоило. Но, т.к. большинство из нас были молодые люди, мы старались подбадривать друг друга и духом не падать... Мы шептались вместе... фантазировали вместе... и юмор не теряли...

Но постепенно наступила суровая, холодная осень с сильными ветрами, дождями и нам уже было не до смеха... Мы стали беспокоиться, как мы выдержим и переживём эту зиму? Наша клубная зала в бараке не отапливалась, железная плита не давала тепла.

Ввиду того, что дни становились короче, мы стали пораньше приходить домой с работы.

Беда была в том, что плита была слишком маленькой и мы не могли все за раз готовить. Создавалась очередь, чтоб поставить кастрюлю или чайник. Все были голодные и хотели сразу есть...

Керосина для примуса мы не имели. Нам выдавали только немножечко керосина для коптилки, что бы был свет в зале. Пришлось придумать выход из положения. Мы достали у местных жителей, в обмен на одежду, таганки (это железный круг на трёх ножках!). На дворе мы собирали щепки, березовую кору, клали их под таганкой и зажигали огонь. На круг ставили кастрюлю и таким образом готовили мы пищу...

Иногда лил дождик, тогда Габи держала зонтик над нашими головами и мы ждали, когда свариться кушанье.

Не раз я варила суп из крапивы, т.к. местные жители не всегда соглашались обменять продукты на одежду. Они делали запасы на зиму и скупно отпускали нам молоко, яйца, картофель. Часто сидели мы без молока. Со слезами я выпрашивала одну чашечку молока для моей дочки.

В бараке мы мёрзли... Окна всё ещё не были исправлены, стекла не вставлены. Пол и стены сильно продували.

Мы ходили все больные на работу. Простуда не проходила, т.к. негде было сушить промокшую от дождя одежду... Фельдшерица не давала освобождения из-за маленькой температуры, насморка, кашля – т.к. тогда некому было бы работать...

У нас в зале барака было по вечерам почти темно... Маленькая керосиновая бутылочка с фитилём не могла осветить это большое помещение. Сырость, холод, темнота вызывали у нас неуютное, мрачное настроение.

Габи и Эви просыпались часто ночью. Они кашляли и жаловались на холод! Мы

их накрывали одеялами, пальто – и всё равно они продолжали мёрзнуть и плакать...

Я ходила неоднократно к директору, просила его что-то предпринять, т.к. условия в которых мы живём, нечеловеческие. Он обещал проверить все мною изложенные жалобы – но своё слово не сдержал!

Месяц сентябрь шёл к концу. Мы собирали картошку даже при дождике. Наше начальство боялось, что мы не успеем вовремя собрать урожай и картошка сгниёт.

Земля была мокрая... холодная... Мы работали без рукавиц. Руки застывали. Пальцы были красные, опухшие, и очень болели...

Обуви у нас подходящей не было. Ноги страшно мёрзли! Мы одевали на себя, что только могли. Можно было видеть наших женщин в шикарных меховых шубах, в элегантных, модных пальто... Но, во что эти красивые, дорогие вещи превратились??... Они имели жалкий, потрепанный вид!

В один из следующих дней я пришла в обеденное время домой. Мне навстречу бежит Габи со словами:

– „Мама! Мамочка! Для тебя есть письмо!”

– „От кого, доченька?” – вырвалось у меня.

– „Не знаю, мама!”

– „Где письмо??” – спросила я у Марты Роос.

Она протянула мне синий конверт с маркой и печатью. Я посмотрела на почерк – и вдруг узнала его...

– „Боже мой! Да это ведь Рая! Моя сестра Рая пишет мне!!...” – закричала я.

Дрожащими руками я разорвала конверт. Сквозь слезы я прочла содержание письма. Она писала мне, что все месяцы меня искала. Каким-то чудом она прочла на одном списке от людей из Латвии мою фамилию и адрес. Она решила мне сразу написать.

Рая живет в одном селе Даровское, которое находится в 60 км от города Кирова. Это тот город, где нас в день начала войны распределяли в разные школы. Она снимает комнату у одной хозяйки – колхозницы. Рая не работает, т.к. ожидает в скором времени своего ребёночка. Сообщила она мне, что недавно, таким же образом нашла Ирину. Она живёт в другом районе. Про наших мужей Рая тоже ничего не знала.

Просила Рая меня, как только я получу это письмо, чтоб я известила бы её телеграммой. Она, если я буду согласна, обратиться в местный НКВД, выхлопочет мне и Габи вызов, чтоб мы приехали бы к ней.

Прочитав письмо, я горько заплакала...

Во мне вылилась тоска... беспокойство по всем моим дорогим близким...

Это была страшная реакция. Меня возвратил обратно в действительность голос Арнольда:

– „Рени, Дорогая! Да что ты теперь ещё плачешь?? Ты ведь нашла сестру! Думай лучше, как телеграмму отослать!”

Да, об этом я ещё не успела подумать! У нас на территории совхоза почты не было!

Арнольд посоветовал мне обратиться к нашему ветеринарному врачу, Аркадию: „Он единственный человек в совхозе, который мог бы тебе помочь в этом деле!”

Я знала, что Аркадий в это время всегда обедает в нашей столовой. Захватив Габи с собой, Арнольд и я помчались туда. Мы не ошиблись. Аркадий находился в столовой и как раз заканчивал свой обед. За его столиком никто не сидел. Мы уселись и я рассказала моему верному другу про письмо Раи. Аркадий очень был рад за меня и обещал сразу отослать телеграмму. Мы составили текст все вместе. Он гласил: „Письмо получила... согласна уехать... вышли вызов... здоровы... целую Рени!”

Прощаясь с нами, Аркадий пожелал мне скорой встречи с сестрой и прибавил: „Если у Вас будут какие-нибудь затруднения или проблемы в связи с отъездом, обратитесь ко мне – я Вам помогу, Рени, чем смогу!!” После этих добрых слов, он быстрым шагом удалился. Видимо он боялся при посторонних долго с нами разговаривать.

Все следующие дни я усердно работала в свинарнике. Полы были чисто выскреблены, вони от свинаячьего навоза не было больше заметно. Моё „новое начальство”, мои три парня, меня похвалили за первоклассную, добросовестно выполненную работу... В одно утро был сильный ливень. Я прибежала в свинарник насквозь промокшая. Туфли я сразу сняла и положила их около плиты, где горел огонь, сушиться. В обеденный перерыв мои туфельки еще не были высохшие, поэтому я решила на обед домой не идти. Я была за Габи спокойна, т.к. Эрна осталась из-за дождя с девочками в бараке. Она обещала мою и свою дочь накормить. Несмотря на проливной дождь, Алекс и Паул пошли в столовую обедать. Арно не захотелось идти, он остался со мною в свинарнике.

Когда мы остались одни, он вытащил из одного укромного места начатую бутылку водки, принёс кусок хлеба и селёдку. Я имела с собою несколько вареных картошек, хлеба и огурчик. Закуска получилась прекрасная...

Арно притащил одну чистую доску, на которую мы уютно уселись.

–„Рени, скажи, как тебя дома называли?”– спросил вдруг он и посмотрел на меня каким-то странным взглядом...

–„Меня мои близкие называли Рени, иногда просто Рунна тоже!”– ответила я ему.

–„Я буду тебя с сегодняшнего дня также Рени называть! Мне это имя нравится! Рени, расскажи мне про твою мать!– попросил Арно – Я про неё ничего не знаю!

–„Хорошо! Я охотно про неё расскажу, т.к. я её очень любила. Она была замечательной женщиной, предобрейшим человеком!! Моя мать была родом из Эстонии, города Везенберг. В трёхлетнем возрасте её родители, сестра и два брата покинули Эстонию, чтоб переселиться в Америку. Они стали жить в городе Даллас, Техасе. Когда маме было 22 года, умер мой дедушка. Бабушка уехала с обеими дочерьми в гости, в Ревель, Эстонию. Обе сестры были в Далласе обручены. Но когда мама познакомилась с папой, она тут же в него влюбилась. Также влюбилась тётя Роза в красивого молодого человека. Женихи в Америке были забыты! Справляли шикарные свадьбы и бабушка с дочерьми остались жить в Ревеле. Они свой „шаг” не пожалели, т.к. жили счастливой брачной жизнью!”

Я Арнольду рассказала про мою семью, родителей, брата Виктора. Арно хотел также про моё знакомство с Леопольдом и о моём замужестве узнать. Мне было приятно про моих дорогих говорить...

–„Рени! У тебя очень красивый рот и зубы! Когда ты улыбаешься – мне кажется, что солнышко засияло...”– перебил меня вдруг Арнольд.

–„Не делай мне такие комплименты, друг мой! А то я стану ещё воображать... Особенно, если такие слова сказаны таким красивым молодым человеком, как ты... И вдобавок в свинарнике... Это уж слишком романтично! Не находишь ли ты!!...”

Тут мы от всей души громко расхохотались...

Но вдруг я заметила, что лицо Арно изменилось. Он стал задумчивым и серьезным.

–„Рени! Я дал себе слово никогда тебе об этом не говорить. Но сейчас я не в состоянии больше молчать...– я люблю тебя, Рени – давно люблю...”– говорил он запинаясь.

Держа мою голову обеими руками, он смотрел мне долго в глаза... и продолжал нерешительным голосом:

– „Дорогая! Я убедился в том, что люблю тебя, когда я тебя нёс на руках в больницу... Когда я был в крови от твоей крови... Во время твоей болезни, зная что твоя жизнь висит на волоске... Ты находилась между жизнью и смертью – я себе места не находил! Тогда я почувствовал, как дорога ты мне стала!...”

Я хотела его прервать, но он не давал мне вымолвить слово.

– „Моя дорогая Рени! Я знаю, что ты любишь своего мужа, что ты его ждешь. За это я уважаю тебя! Но, была бы ты свободна, я бы ни на шаг не отстал бы от тебя. Я женился бы на тебе... Габинька была бы твоей и моей дочерью. Я твоего ребёнка полюбил – она часть от тебя! Всё, что связано с тобою, мне дорого...!” Эти слова были искренние и от всего сердца сказаны. Глаза Арно стали влажными и я заметила слезу...

Такого Арнольда я не знала. Я всегда думала, что он парень немного легкомысленный, всегда весёлый, шуточный – настоящий сердцеед и кумир для молодых девушек! И тут совсем другой Арно, который открывает всю свою душу...

– „Мой милый Арно! – сказала я ему ласково – Ты всегда относился ко мне с исключительным вниманием и добротой! Я тебя тоже очень люблю, но иначе – как самого дорогого друга! Ты прав в том, что я люблю своего мужа! У тебя ведь есть Нора! Она любит тебя. Неужели ты не питаешь к ней те же чувства?”

– „Да, конечно да! Нора чудная, хорошая девушка, прекрасный человек! К тому же ещё очень красивая. Но, она не ты, Рени! Ты являешься моим идеалом! В тебе всё есть, что мне нравится! Такую женщину, как ты, я больше не найду!...” Арно прижал меня к себе и стал меня целовать...

„Наши дороги скоро разойдутся... Ты поедешь к сестре... – я остаюсь здесь...! Жизнь в совхозе без тебя покажется мне тогда очень пустой...” – сказал он мне между поцелуями.

– „Арно, ты должен быть разумным! Жизнь очень сложная вещь – полна горя и „колючек”... Но ты своё горе преодолеешь, в этом поможет тебе твоя Нора!!!”

– „У тебя разум и сердце на правильном месте, Рени!” – ответил Арно, не выпуская меня из своих объятий...

В эту минуту мы услышали шаги, громкий говор и братья очутились в двери.

– „Вот мы и вернулись! Вы ничего не потеряли, в столовой давали опять пшённую кашу, которую мы не перевариваем. У нас опять надутые животы! Тут помогает только глоточек водки! Оставили ли вы и для нас капельку??” – спросили они. Наше одиночество было окончено. „И, слава Богу!!!” – подумала я с облегчением! Много недоставало – и я могла забыться... Арно был настолько чарующий и красив в своей молодой, пылкой страсти, что трудно было оставаться хладнокровной в такой момент...

В этот же вечер Арно подошел к моей кровати, когда я уже лежала. Он подсел на край постели и шепнул мне на ухо, чтоб никто не расслышал:

– „Рени, дорогая! Забудь всё, о чём я тебе говорил. Я даю тебе слово, что больше о моих чувствах к тебе говорить не стану. Я обо всём хорошо подумал и ты права, жди своего мужа, отца своего ребёнка! Я только желаю, чтоб мы навсегда оставались бы друзьями. И что бы ни случилось с тобою в твоей дальнейшей жизни – знай, что ты имеешь во мне преданного друга!”

– „Ты, Арнольд, хороший, разумный парень! Будь счастлив с Норой!!!”

Он поцеловал меня в лоб и удалился спать.

(Я потом наблюдала, что Арно стал гораздо нежнее относиться к Норе. Но, так долго, как я ещё находилась в совхозе, я всегда чувствовала заботливую руку Арнольда).

В ожидании...

Теперь началась для меня новая жизнь, полная волнений, ожидания и надежд. Я ждала с большим нетерпением письма с вызовом от Раи. По ночам я спала плохо. Видела всякие кошмарные сны и просыпалась в поту... Все мои мысли были заняты отъездом и не давали мне покоя... Ввиду того, что наш политрук утверждал нам не раз в насмешку, что мы, ссыльные эстонцы, являемся такими же заключенными, как наши украинские заключенные. Меня беспокоило – удастся ли мне, получив вызов от сестры, уехать из совхоза?? Возможно ли будет вообще покинуть место заключения??

Денег на дорогу, после воровства, было тоже недостаточно.

Я ходила к местным жителям, предлагала им купить кое-что из вещей. Но они из-за неимения денег, отказывались покупать.

Все эти заботы вызывали у меня нервозное состояние и я перестала есть, сильно похудела и ослабла.

Мои „друзья по несчастью” старались меня ободрить и говорили:

„Рени! Увидишь, всё будет хорошо – имей только терпение!”

А тем временем Маргот и Марика получили письмо с вызовом от их матери. Но сестры решили обождать пока и я такой же официальный документ буду иметь на руках! Они хотели вместе со мною подать заявление нашему руководству совхоза.

Каждый день тянулся как год!!

Приходя на обед домой, мой ежедневный вопрос гласил:

– „Прибыло ли для меня письмо??”

И вот наконец, после 10 дней ожидания, я получила от Раи долгожданное письмо. В нем лежал и вызов.

Рая писала, чтоб я обязательно торопилась бы с отъездом, т.к. река скоро замёрзнет и пароходы перестанут до весны курсировать. А лошадью слишком далеко ехать. К тому же ещё, в это время начнётся распутица, тогда лошади застревают в слякоти и ни один колхозник в дальнюю дорогу не поедет!

– „Торопись уехать, Рени! Иначе опоздаешь и мы так скоро не увидимся!” – этими словами она заканчивала своё письмо.

А в вызове я прочла, что мне и моей дочке Габи разрешено переселиться на новое местожительство, деревню Даровское, где мы дальше будем отбывать срок ссылки.

Сестрички и я, мы сразу пошли к директору просить разрешения сходить в село Л..., к начальнику НКВД Васильеву, для подачи документов.

Директор, к нашему удивлению, великодушно разрешил. Мы тут же, все втроём, собрались в путь. Нам посчастливилось добраться на подводах до села Лебязье.

В НКВД ещё работали. Начальник Васильев был на месте. Он нас принял довольно вежливо. Выслушав наши просьбы, он велел нам написать заявления и автобиографии.

– „Ответ будет сообщен в совхоз!” – сказал он.

Маргот, Марика и я вышли из кабинета Васильева в приподнятом настроении...

– „Какое счастье, что Васильев принял наши заявления и не возражал насчет

отъезда.

Значит „первый шаг” уже сделан! Что будет дальше??...

Из „сумасшедшей комнаты” выносили почти каждый день мёртвых. Они умирали как мухи!!! Скончалась от истощения умалишенная женщина, которая держала Габи на коленях и её причесывала.

Также умерли многие заключенные из Украины. Они работали в лесу, в претяжелых условиях, при любой погоде. Особенно жаль было мне того молодого украинца, с которым я в лесу работала и который меня учил, как я должна держать пилу в руках. Он ослаб и умер ночью. Его тело вынесли утром на рассвете, когда мы шли на работу.

Наш сарай превратился в мертвецкую. Там лежали каждый день по несколько трупов. В сарае их держали 2-3 дня, затем Василий их увозил.

А тем временем жизнь в совхозе становилась всё труднее перенести. На улице было холодно – в бараке холодно!! Согреться было негде! Каждый новый день – новые мучения!!...

Наша Марта Роос заболела и слегла. Она больше не вставала. Ничего не ела. Лицо, ноги, руки опухли. Живот вздулся...

Она перестала совсем слышать. Бедная старушка оглохла! Целый день она лежала в постели, спала и ни с кем не разговаривала или же плакала...

Её увезли в больницу, в село Л..., еле живую...

Там она вскоре умерла...

Нам в бараке сообщили о смерти Марты, когда она уже была похоронена.

Мы все её жалели... Вспоминали, как она ходила в костюмах мужа и как она однажды на сцене продемонстрировала так изящно „старинные танцы”... Пусто стало без неё...

Дни шли слишком медленно для меня. Ответ из НКВД всё ещё не поступал. Все мы болели. Плита не давала тепла. Из окон, стен и пола дуло страшно. В бараке было сыро и холодно. Мы возвращались с работы в промокшей одежде и по утрам одевали её снова. Сушить было негде! Мы не имели так много шнура, чтоб столько одежды повесить!

Ночью вдруг заболела наша маленькая Эви. Её увезли в тяжелом состоянии в больницу! (Опять в село Л...!). Там врач определила, что у неё двухстороннее воспаление легких. Эрне не разрешили остаться возле дочери в больнице. И бедная мать все дни только плакала...

Габи страшно кашляла. Горло у неё не переставало болеть. Она похудела и стала более капризной. Ведь без Эви, её милой подружки, ей было скучно. Бедная моя девочка должна была целыми днями оставаться в бараке, т.к. резиновые боты разорвались и на ноги нечего было одеть! Я работала в легких туфельках. Простыла и ходила с бронхитом на работу. Говорила хриплым голосом, а часто вообще голоса не было – приходилось шептать...

У Марики болели легкие. Она таяла прямо на глазах... Паул, который её очень любил, окружил её большой заботой.

Я всё ещё продолжала ходить к начальству совхоза, жаловалась на условия в бараке. Просила застеклить окна, вставить двойные рамы. Они вновь обещали принять меры – но результатов не видели!

У нас появились крысы. Они наверно тоже мерзли, вылезали из щелей пола.

Ввиду того, что наше помещение было полутёмное, случалось, что кто-то из нас наступал на крысу... Тогда раздавался крик на всю залу...

Как-то вечером Габи держала что-то в руках и сказала:

– „Мама, посмотри-ка, что у меня есть?” Я вскрикнула от испуга. Габи держала в руках барахтающуюся крысу... На мою просьбу она её выбросила через окно

на волю... (В этот раз было хорошо, что стекло было поломанное!...). Клопов было тоже множество, к ним мы привыкли... но крысы – они приводили нас в отчаяние...

Однажды утром, ввиду сильного града, мы не работали. Я воспользовалась свободным временем и зашла в одну избу, где жил один старик со старухой – колхозники, у которых была корова. Я сумела у них обменять мужское бельё на молоко для Габи.

У них на кухне было тепло, я грелась у русской печи, которую топили и мы разговорились немного.

Старик-колхозник расспрашивал меня про мою судьбу, интересовался жизнью ссыльных. Я ему рассказала про наши условия в совхозе, что мы погибаем от холода и сырости в бараке, а начальство ничего не предпринимает, чтоб нашу участь немного облегчить.

Я сказала ему: „Сейчас ещё осень, но настанет суровая зима с большими морозами! Не знаю — как мы дальше жить будем??!”

– „Жить?? – ответил он – Вы ведь люди городские, грамотные. Неужели Вы не понимаете, что Вас привезли сюда умирать – а не чтоб жить!... Вы „околеете”, как многие ссыльные до Вас!!”

Вечером, при проверке, мы пожаловались нашему молодому милиционеру на условия в бараке, на холод, на безразличие со стороны начальства совхоза. Что мы, все больные, ходим на работу в мокрой одежде, т.к. её сушить негде. Что дети страдают. Одна из них уже лежит в больнице с воспалением легких.

Неизвестно выживет ли она ещё? Что старушка Марта Роос скончалась и т.д.

– „Мы все скоро погибнем здесь, если ничего не изменится!” – сказала я по-русски, то что мне мои люди подсказывали по-эстонски. На это милиционер ответил

– „Я вам подскажу, что вы должны делать, чтоб добиться лучших условий. Вы должны действовать сообща, т.е. не выйти все в один день на работу. Поставьте начальство перед фактом! Требуйте улучшения условий! Тогда вы добьетесь чего-нибудь! Сорвав им дневной план – они зашевелиятся и что-то предпримут! А так вас, правда, всех здесь похоронят! Но обещайте мне свято, что вы управлению и вообще никому не скажете, что я вам дал такой совет! Не выдавайте меня, прошу Вас! Я вам никогда ничего не говорил! Хорошо?” – Мы конечно обещали молчать и не выдавать его.

Саботаж

На следующее утро мы действовали так, как милиционер нам посоветовал.

Когда на рассвете „Три Мушкетера” зашли в залу с готовыми нарядами на руках – мы все лежали раздетые под одеялами и не шевелились... Один только Антон был одет, чтоб выйти на свою работу в контору.

„Мушкетеры” пришли в ярость, они хотели нас разбудить, толкали нас и кричали, но мы не сдавались их запугиваниям...

– „Рени! Скажите нам, что этот „спектакль” обозначает?” – спросили они гневно.

– „Мы раньше на работу не выйдем, чем будут исправлены наши жизненные условия здесь в зале!”

(Я опять переводила то, что „мои мужчины” мне подсказывали!).

– „Мы еще умирать не хотим!!” – добавила я от себя.

„Мушкетеры ушли из залы страшно рассерженными. А мы продолжали дальше лежать.

Когда в конторе уже работали, зашел к нам в залу Антон. Он обратился ко мне: – „Рени! Тебя вызывают к директору!”

К счастью я была уже одета, т.к. Габи встала. Набравшись храбрости, я постучала в дверь директорского кабинета.

В кабинете директора находилось всё начальство совхоза: начальник кадров, „Три Мушкетёра”, главный бухгалтер, секретарша и несколько чужих лиц в штатском и в форме. Один из них был из милиции, но высшим рангом, чем наш милиционер. Среди этих мужчин я заметила нашего ветеринарного врача, Аркадия. Он имел смущенный вид и сидел с опущенными глазами... Ему было наверно неудобно присутствовать в этой компании, которая меня сурово осуждала...

Меня сразу спросили о причине не выхода на работу эстонцев? Они заявили, что такой поступок называется саботажем! Нас за это дело привлекут к уголовной ответственности!

Я старалась им объяснить, так хорошо как могла, все причины, вызвавшие такой поступок. Говорила им, что у нас другого выхода не было! Что мы живем в бараке, в совершенно нечеловеческих условиях и если придется здесь зимовать, в не отапливаемом помещении, с выбитыми стеклами в окнах, со щелями в стенах и полах, где ветер продувает – то мы все погибнем!...

Говорила я про больную Эви. Про смерть Марты Роос и т.д. и т.д.

Я защищала наш поступок и просила их понять наше трагическое положение! – – „Ведь мы тоже люди!” – закончила я.

Меня слушали все, вытаращив на меня разозленные глаза... Секретарша писала всё то, что я говорила. Когда я закончила говорить, мне подали бумагу, которую секретарь писала, и велели расписаться под текстом. Я не соглашалась подписаться и запротестовала. Но начальство настаивало и приказывало со словами:

– „Все мы здесь свидетели того, что Вы говорили! Подтвердите Ваши же высказывания подписью!”

У меня другого выхода не было и я расписалась. Под конец они мне поставили ещё один вопрос, который меня кольнул прямо в сердце:

– „Скажите нам, но говорите только правду – кто дал Вашим людям совет устроить эту позорную забастовку?? Мы знаем кто он был! Но хотим от Вас услышать подтверждение!”

– „Никто! Никто!” – заявила я и повернулась к двери.

В обеденное время появился опять Антон! (Он был какой-то странный – или мне он только показался таким??...).

Антон сообщил нам следующее:

– „На вас, всех эстонцев, составлен обвинительный акт. Вас обвиняют в том, что вы устроили забастовку в совхозе. Дело ваше идет в суд. В военное время забастовка карается особенно строго! Вам дадут большие сроки! А ты, Рени, получишь самое большое наказание – тебя будут судить как „дезорганизатора рабочих!”

– „Почему меня??” – вскрикнула я.

– „Потому что руководство находит, что ты жаловалась и имела претензии больше всех других эстонцев. Оно считает, что ты вела подрывную деятельность среди них! Ты поощряла им! Ты знаешь, что люди из Прибалтики являются социально опасным элементом? Защищая и оправдывая их поступки, ты делила их антисоветские взгляды!! А сегодня ты особенно доказала свое мнение насчет саботажа и убедила их в том, что ты антисоветская активистка!”

Когда Антон окончил свою речь – у меня закружилась голова... Я чуть не упала в обморок...

Я подумала с грустью: „Как это я являюсь „дезорганизатором рабочих”?

Именно я?? За что они меня обвиняют? За то, что мне приходилось каждый раз

быть переводчиком людей, не знающих русского языка? Потому что мне приходилось переводить их жалобы, просьбы и претензии? В чем я больше виновата, чем все остальные „наши люди“?

Я была вне себя от отчаяния... Значит, вместо того, чтобы ехать к Рае – я попаду в тюрьму... и на долгие, долгие годы!!!... Что может быть ещё страшнее?... И моя доченька? Что будет с Габи? Неужели и её я теперь потеряю??... Разлуку с ней я не переживу! Она останется без матери... без отца... – значит сиротой??... Всё, всё отняла у меня Советская Власть! Теперь она хочет ещё отнять мою жизнь... и жизнь моего ребёнка... Она ведь „самая гуманная страна в мире“... Да, она это на каждом шагу доказывает!!... „Страна, где так вольно дышит человек“... (это слова советской песни...).

Антон стоял передо мною со смущенным лицом. Он старался оправдываться и пробормотал:

– „Рени! Я ведь только передаю слова начальства и то, что они намерены в связи с саботажем делать! Я ведь лично их мнения не разделяю! Я вижу несправедливость, поверь мне!! Я ведь также являюсь эстонцем и жалею своих земляков! И в особенности тебя, Рени!“

Я отвернулась от него – меня тошнило видеть его фальшивую, предательскую физиономию...

Арно, Алекс и Паул были настолько возмущены тем, что меня обвинили за то, что я являюсь „организатором рабочих“ только за то, что наши люди не владели русским языком. Они потащили меня насильно к директору. В кабинете директора было всё начальство в сборе. Они что-то обсуждали и диктовали текст секретарше, которая его печатала на пишущей машинке.

Увидев нас в дверях, директор злобно заорал, стуча кулаком об стол:

– „Вон отсюда! Мы с бунтовщиками, с забастовщиками и саботажниками разговаривать не желаем!! Сегодняшний день будет Вам дорого стоить! Много лет тюрьмы!!...“

Вечером того же злополучного дня Антон сообщил мне, что ему было велено сегодня отправить письмо в прокуратуру. Когда я об этом сообщила моим парням – они хотели в ярости Антона избить...

Я их еле удержала. Были бы новые неприятности – хватало вполне этих!...

Когда я вечером поздно укладывала Габиньку спать, к кроватке подошли Маргот и Марика. У сестричек были заплаканные глаза. И они ведь надеялись увидеть маму... – а теперь все надежды рухнули...

Мы молча, все втроём, просидели у детской кровати, пока Габи не заснула...

Мысли были у нас самые грустные... – а ведь счастье было уже так близко... так близко...

На следующее утро пришлось снова выйти на работу. Забастовка была окончена. В обеденное время в столовой я увидела Аркадия. Я сидела с Габи за столом. Он подсел к нам. Поэтому мне посчастливилось с ним наедине поговорить.

Я умоляла его позвонить в село Л..., начальнику Васильеву и узнать, прибыл ли ответ сёстрам Густавсонам и мне на наши заявления? (Ответ должен был придти из областного центра, города Кирова от главного начальника НКВД. Он был всемогущим и Васильев был ему подчинён! Васильев сам не мог принимать решения!). Аркадий обещал мою просьбу выполнить. Он рассказал мне печальную новость: наш молодой милиционер снят с поста! Его будут судить и он может получить суровое наказание. Дело в том, что правление совхоза

узнало, что именно он посоветовал эстонцам сообща не выходить на работу. Значит он является зачинщиком саботажа! Новый милиционер уже назначен! Мне было безумно жаль славного милиционера, который с нами всегда вежливо обращался! „Донёс на него, конечно, Антон! „Глаз” опять „поработал”!” – подумала я.

Я условилась с Аркадием вечером, перед колодцем встретиться.

Вечером поздно, когда было совсем темно, я вышла во двор к колодцу. Аркадий был уже там и ждал меня. Мы притворились, будто случайно встретились. Аркадий сказал мне, что звонил в НКВД. Он узнавал у секретарши насчет сестер и меня. Секретарша сообщила, что никакого решения ещё не поступало и чтоб мы с ответом ещё ждали бы.

После этих слов Аркадий потянул меня вглубь двора, где никого не было, обнял меня за плечи и тихо проговорил:

– „Рени! Моему возмущению нет границ! Я стыдился, что присутствовал при этом позорном допросе. Как всё было несправедливо и нечеловечно! Я нахожу, что вы, эстонцы, правильно действовали, другого выхода у вас не было! Бедные эстонцы! Вы ведь не виноваты, что Эстония стала Советской и вы за ваш строй должны теперь расплачиваться! Особенно я переживаю из-за Вас, Рени! Вас будут судить и Вы получите большой срок. Может быть 10-15 лет заключения!... Вам надо обязательно с дочкой отсюда уехать! Вы должны её и себя спасти!! Я Вам помогу, чем смогу!”

Он посоветовал, чтоб Маргот и я пошли бы лично к Васильеву и умоляли бы его о разрешении уехать! Он узнал в селе Лебяжье, что на днях отправляется последний пароход до весны.

– „Здесь Вас ожидает суд... тюрьма... разлука с ребёнком... Терять нечего – надо срочно действовать!” – уверял он.

После ужина я рассказала нашим людям об этом разговоре и сообщила, что Аркадий посоветовал делать. (Я нашла как раз подходящий момент для этой беседы, т.к. Антона не было. Он пропадал часто в это время и обычно на несколько часов!).

Общим советом было решено, что Маргот и мне надо завтра рано утром тайком удрать в село Л... Что мы должны начальника Васильева умолять, хоть на коленях, о разрешении уехать!

– „Ты ведь артистка, Рени, играй теперь свою роль блестяще и убедительно! – подбадривал Арно Авиксоо меня в полу шутку. – Но надо ваш „побег” устроить так, чтоб начальство не заметило бы!” – добавил он доброжелательно.

Мы работали теперь на картофельном поле. Собирали урожай. Работали мы по парам. Надо было бросать картошку в большие деревянные ящики, на которых были написаны фамилии напарниц. Когда эти ящики были заполнены, их взвешивали, опорожняли и снова возвращали напарницам. Я работала вместе с Лидией, а Маргот с Норой. Наши люди решили, что они отдыхать не будут (после 3-4 часов разрешали делать 15-минутную „залогую”!), а вместо паузы будут в наши ящики бросать картофель.

Мы были уверены, что вернемся вечером обратно и всё пойдет снова нормальным чередом дальше. Лишь бы завтрашний день получился бы благополучным...

Но на всякий случай мы условились, если вдруг придётся задержаться подольше, то мы позвоним в 19⁰⁰ часов в квартиру Аркадия. Марика, Арнольд и Алекс будут у него ждать нашего разговора.

Вся наша „большая семья” была взволнована... она „болела” за нас... Все давали нам советы, перебивая друг друга...

Обо всем было договорено – оставалось только задуманный план осуществить.

(Такую затею можно было провести только имея вокруг себя такую „сплочённую семью”, как наша. Мы знали, что, кроме Антона, нас никто не выдаст! А на этот риск мы шли...).

В эту ночь нам не спалось. Но не только Маргот, Марика и я не спали – Арнольд, Нора, Лидия, Алекс и Паул тоже не спали. Они подсели все к нам и волновались вместе с нами. ...Вспомнили мы Петера, того смышленного парня из нашего вагона... Как этот молодой, храбрый шестнадцатилетний юноша рискнул... – и спасся...

И мы, Маргот и я, ставили всё на одну „карту”: „тюрьма или свобода”??...– Мы ставили на „свободу”...

Тюрьма... или свобода...??

На следующее утро Маргот и я встали раньше всех. Мы убрали наши койки и пошли на сцену будить Арнольда и Алекса, наших верных друзей!

Они спрятали нас в „гримерную комнату”, за чемоданами и разным хламом. Туда „Три Мушкетера” никогда не заглядывали.

Вскоре мы услышали, как наши люди одевались и как „мушкетеры” зашли в залу. Они читали наряды, кого куда направляют на работу. Когда они назвали фамилии Маргот и мою, мы толкнули друг друга в бок и чуть громко не расхохотались... Новый милиционер (слава Богу, он нас по лицам ещё не знал!) пришёл нас проверять. Он читал по спискам наши фамилии. Мы поняли, что Лидия откликнулась вместо меня, а Нора вместо Маргот.

Мы опять улыбнулись...

И эта „комедия” прошла хорошо и милиционер ничего не заметил!...

Затем стало тихо в клубном зале. Все ушли на работу. Теперь настала наша очередь действовать. Мама Арно, которая была больна и обещала за Габинькой последить, освободила нас из нашего „убежища”.

Я подошла к моей спящей дочурке... поцеловала её в лобик... Она не проснулась.

С матерью Арно мы сердечно попрощались.

– „С Богом, мои дорогие девочки!” – шепнула она, обнимая нас.

Коридор был пустой. Мы очутились во дворе, там тоже никого не было.

Было ещё темно. Теперь шагом марш!!!

Рабочие совхоза вышли уже на работу. А контора спала ещё крепким сном.

Было 6 часов утра.

Сначала Маргот и я спрятались в уборную, которая находилась недалеко от ворот. В стене уборной и в двери были щели, сквозь них были хорошо видны ворота и площадь двора.

Вдруг мы подумали о том, что ворота и калитка могут быть запертыми... „Что тогда будет??...”

Тогда все наши планы и надежды рухнули бы и весь этот риск был бы напрасен...

Помолившись каждая „своему Богу” – мы вышли из уборной. Крадущимися шагами мы направились к воротам... Вдруг где-то залаяла собака... Мы от испуга остановились... Но она лаяла далеко...

Стоя около ворот, мы попытались их открыть... также дверь калитки...– и сердце замерло тут же на месте... Ворота и калитка оказались запертыми... Мы поняли, что всё пропало!... Мы очутились „в западне”...

– „Вернуться нам в барак? Что нам делать??” – думали мы одновременно. Мы стояли обе как ошпаренные – боялись глядеть друг на друга, чтоб не расплакаться.

И вдруг, мы с другой стороны ворот услышали шаги... они направлялись к

калитке. Мы слышали как ключ поворачивается в замке калитки... Маргот и я только успели побежать обратно в уборную, спрятаться за её дверь – как сквозь щель заметили мужскую фигуру..., которая остановилась нерешительно у входа ворот. Этот мужчина стоял к нам спиной, поэтому мы не могли определить, кто он такой?? Боясь пошевелиться и затаив дыхание, мы продолжали наблюдать через щели уборной за этим человеком.

Внезапно он повернулся к нам лицом... и мы обе чуть громко не вскрикнули – эта „таинственная фигура” был Аркадий... Мы его тихо окликнули. Узнав нас, он страшно обрадовался. Он стал нам рассказывать, что направлялся в наш барак, чтоб проверить удалось ли нам тайком уйти? Он также боялся, что вдруг калитка окажется запертой и мы не сможем выбраться на дорогу. Имея ключи от ворот и калитки, он решил узнать не нужна ли нам его помощь??....

От счастья и благодарности мы обняли нашего спасителя... Он буквально спас нас от последствий, которые могли бы возникнуть, в связи с нашим „побегом”...

Надо же чтоб такой добрый, хороший человек оказался бы в этом „аду” – где человек не был человеком и его жизнь ничего не стоила...!!!

Оглянувшись во все стороны, Аркадий открыл нам калитку и шепнул нам: – „Ну идите, девочки!! Счастливы! Ни пуха, – ни пера!!” – Он нас поцеловал на прощание и дал нам несколько пряников с собою „для тяжёлой дороги”...

Мы добрались благополучно на большую дорогу. Ни машин, ни лошадей, ни людей не было видно.

К счастью было ещё темно и мы зашагали быстрым шагом. Но постепенно стало светать. Вся дорога была видна. По одной стороне дороги тянулась канава, а за ней росли высокие деревья.

Когда мы видели проезжающие грузовики или колхозников на подводах, мы прятались за этими деревьями... Приходилось много раз прятаться и всякий раз сердце замирало. Один раз мы страшно испугались, т.к. не заметили грузовую машину, которая неожиданно завернула и промчалась мимо нас. Мы даже не успели укрыться.

Но, к счастью, и эта опасность миновала.

В общем, видимо наши молитвы дошли до Бога и мы за три часа ходьбы дошли благополучно до села Лебяжье.

С большим сердцебиением мы зашли в здание НКВД. В первой комнате сидела секретарша. Узнав, что мы хотим идти к начальнику Васильеву на приём, она нам сообщила:

– „Начальника Васильева нет. Он уехал в командировку. Вернется в пятницу после обеда”.

Мы с Маргот переглянулись и чуть не заплакали... Значит, нам надо два дня ждать... сегодня была только среда! После первого полученного „шока” мы пришли немного в себя и спросили секретаршу, нет ли ответа на наши заявления? Она посмотрела в папки, где было написано „Дело”, затем покачала отрицательно головой и заявила:

– „Ответа ещё нет! Вы можете оставаться ждать до пятницы и с начальником лично поговорить”.

Мы поблагодарили её за совет и вышли на улицу. Там нас охватило отчаяние...

– „Что теперь делать? Как быть?” В совхоз назад вернуться – было бы глупо!!

Поэтому мы решили начатое дело довести до конца! Будет что будет...

От одной прохожей мы узнали, где можно переночевать. Гостиницы в селе не было, был только „Дом колхозника”. Мы направились туда. Но там нас ожидало новое препятствие. Нас без документов не приняли.

(А у нас, ссыльных, ведь не было паспорта или прочих документов. Мы были

„полу заключенные”, как мы сами себя называли, и находились под надзором НКВД).

Мы вернулись к секретарше обратно. Она заполнила для нас справку, которую заместитель начальника НКВД подписал. Мы справку прочли, она гласила: Настоящая справка дана ссыльным Реели Клас и Маргот Густавсон в том, что им разрешается остановиться в „Доме колхозника” на двое суток.

Подпись... Дата...

В „Доме колхозника” нам дали комнату с двумя постелями. Мы думали, что мы попали из „ада” в „рай”. Комната была светлая, чистая, уютная... с электрическим светом. Радио играло. Как раз передавали „Liebestraum” Франца Листа – вещь, которую я обожала! Кто-то прекрасно её исполнял на рояле. (Я вспомнила с болью Лоло, как он любил хорошую музыку и мы так часто ходили на концерты!...).

После нашей убогой „залы” в бараке, нам не верилось, что мы находимся в нормальной комнате, что мы поспим в чистых кроватях... послушаем музыку... при электрическом свете...

Что завтра и послезавтра мы не услышим гнусные, приказывающие голоса „Трёх Мушкетёров”: „Давай... давай! Работай... работай...!!!”

Вечером того же дня мы пошли на почту, чтоб позвонить в совхоз. Наши верные друзья ждали уже нашего телефонного звонка в квартире Аркадия. Маргот и я сообщили им, что Васильев уехал в командировку и вернется только через два дня. Наши парни велели нам обязательно остаться его ждать. Они успокоили нас тем, что работу они за нас общими силами выполнили. Что о нашем отсутствии начальство не узнало. С Габи тоже все в порядке. Мы договорились, что на следующий день тоже позвоним.

На обратном пути мы зашли в больницу, чтоб проведать Эви. Медсестра провела нас в палату, где лежала подружка Габи. Я девочку еле узнала. Она похудела очень, её личико стало маленькое и щёчки впали... Эви обрадовалась нам. Сначала она улыбалась, а затем заплакала... Она просила, чтоб мать приехала бы! Мы старались её успокоить, обещали, что мама будет скоро возле неё. Я узнала молодую женщину-врача из I отделения, когда я лежала в этой больнице. Я решила с ней поговорить. Врач была согласна, чтоб мать Эви оставалась бы в больнице возле дочки. Она сказала:

– „Состояние ребёнка очень серьезное! Навряд ли мы будем в силах её спасти!” (В то время ведь ещё пенициллина не знали! А вообще, в сельской больнице во время войны едва ли были необходимые лекарства!). Врач обещала позвонить директору совхоза и его попросить отпустить Эрну к умирающей дочери. Мы вышли из больницы удручённые и я подумала с горечью: „Условия в совхозе погубили эту милую, всегда весёлую девочку... Ей было всего восемь лет – ведь она не успела ещё пожить на свете...”

Вернувшись в „Дом колхозника” обратно, мы получили несколько книжек от администратора. Мы давно не держали книжек в руках... Поэтому мы с большой радостью легли в наши белоснежные кровати и начали читать...

Музыка играла... Всё это было необычно для нас... Маргот сказала: „Это сон от которого просыпаться не хочется...!” – Засыпая мы свет не потушили – жалко было бы остаться опять в темноте...

В пятницу после обеда Маргот и я стояли перед мрачным зданием НКВД. Теперь настал наш решающий час!! „А вдруг Васильева опять не будет?? Что тогда делать! – думали мы.– Быть или не быть...!!!” (Я вспомнила слова Гамлета!...”

Набравшись храбрости мы зашли в помещение, где сидела секретарша. Она сообщила, что Васильев приехал и находится в своем кабинете.

Я зашла к нему первая.

Увидев меня он сразу заявил: „Для Вас, гражданка Клас, еще ответ не поступил!”

Тут мои нервы больше не выдержали и я заплакала. Сквозь слезы я стала ему рассказывать обо всем пережитом, о нечеловеческих условиях в совхозе и т.д. Под конец я ему объявила: если он мне не даст разрешения последним пароходом уехать, то я покончу с собою! И умру я вместе с дочкой!! Я предпочитаю лучше смерть – чем эту невыносимую „каторжную жизнь” в совхозе!!...

Васильев дал мне высказаться. После этого он подошел к телефону и позвонил. Из его разговора я поняла, что он говорит с главным начальником НКВД областного центра, города Кирова. Васильев ему доложил о моём тяжелом положении с ребёнком в совхозе. Сказал, что я недавно лежала в больнице при смерти, т.к. родила мертвого ребёнка и только чудом выздоровела. Но что моё здоровье ещё не восстановилось. Что я нашла сестру в селе Д... это же области, которая там также находится в ссылке. Что сестра мне выслала вызов и я жду разрешения переехать к сестре жить. Васильев упомянул ещё, что на днях идёт последний пароход и т.д.

Я поняла, что Васильев говорит в мою пользу, что меня радовало и давало чуточку надежды...

Что „всемогущий начальник” говорил, я конечно расслышать не могла. Но ответ Васильева ему был такой:

– „Я лично не возражаю. Я считаю, что она в селе Д... тоже будет находиться в ссылке и сможет там работать!”

Когда телефонный разговор был окончен, Васильев повернулся в мою сторону и объявил доброжелательным тоном:

– „Пусть Ваша дочь живёт – и Вы тоже! Я Вам даю своё согласие! Езжайте к сестре!!!”

Он велел мне подождать в приёмной, пока секретарша подготовит документ. Я была готова Васильева расцеловать от счастья! Когда я его поблагодарила, мне казалось, что он мне даже слегка улыбнулся...

Выходя из кабинета, я подумала, что и у таких чёрствых работников НКВД бывают „человеческие чувства”!!

В комнате ожидания сидела Маргот, вся бледная от волнения. Я подошла к ней и сказала, чтоб её ободрить:

– „Маргот! Я получила разрешение! Не бойся, ты и Марика тоже получите! Иди к Васильеву, он совсем не такой суровый человек, как мы предполагали. Ни пуха, – ни пера!!! Счастливо!” – Маргот зашла в кабинет Васильева.

Но что такое? Я не верила своим глазам... Через две-три минуты она вышла из кабинета вся в слезах.

– „Рени! Марика и я получили отказ! Васильев сказал, что ввиду того, что у нас маленьких детей нет, он нам не даёт разрешения ехать к матери! „Маму Вы увидите после ссылки!” – заявил он мне. Когда я ему задала вопрос: „Какой же срок у нас ссылки? – Он на это ответил – Точно не знаю, но примерно 20 лет! – Больше он со мною разговаривать не захотел и сухо показал мне на дверь!!!” – доложила мне в отчаянии бедная девушка.

Такого разочарования я не ожидала. Мне было Маргот безумно жаль... Не долго думая я снова постучалась в дверь кабинета начальника.

Я ещё не успела закончить свою речь, как Васильев сердито крикнул:

„Гражданка Клас! Я кажется легко и понятно сказал русским языком, что я возражаю! Сестры Густавсон никуда не поедут! Я категорически против их отъезда! Они остаются дальше в совхозе О... и ссылку будут там отбывать, пока их срок не закончится! С Вами всё!!!”

Лицо Васильева выражало уже совсем другое, чем 10 минут тому назад!

Ничего „гуманного и человеческого” в нём не было... Его глаза были холодные

и злые...

Я вышла удручённая к Маргот обратно. И не могла даже радоваться своему разрешению.

От секретарши я получила напечатанную бумагу. Я прочла:

Справка.

Настоящая справка дана ссыльной Рени Клас в том, что ей разрешён переезд из совхоза О..., К... района, в село Д... того же района, вместе с трёхлетней дочерью, Габи Клас.

Основание: ввиду состояния здоровья.

При переезде на место назначения, ссыльной Р. Клас и её дочери необходимо немедленно явиться в районный НКВД, для взятия их на учёт.

Начальник НКВД Л-ского района

Васильев.

Дата, 22 октября 1941 года.

Как тяжело нам не было на душе, мы решили по дороге ещё раз пойти в больницу. Мы хотели узнать приехала ли Эрна к больной дочери? Накануне её ещё не было и Эви с нетерпением ждала мать.

Мы успокоились, когда увидели Эрну у постели Эви... Эви лежала спокойная, крепко держала руку матери и её ни на шаг не отпускала.

Мы решили Эрне о нашем разочаровании ничего не говорить – у неё было своих забот достаточно!

Когда мы поздно вечером вернулись в совхоз, наши люди окружили нас, сразу вопросами:

– „Ну как? Получили ли разрешение? Можно ли вас поздравить??”

Но когда они заметили наши бледные лица и заплаканные глаза, они поняли, что не всё у нас прошло благополучно.

Маргот, увидев Марику, сообщила ей с горечью:

– „Отказали сволочи!! Не видать нам нашу маму...– может быть только через 20 лет!!...”– и обнимая сестру, заплакала...

У меня же в руке справка „горела”... Я была готова её разорвать! Настолько мне было обидно за моих девочек...

Когда попозже наши люди узнали о моём разрешении, они поняли мои „разделенные чувства”! Они говорили мне:

– „Рени, ты должна уехать! Думай о своем ребёнке! Ты знаешь, что тебя здесь ожидает – суд, тюрьма...! Тебе необходимо отсюда вырваться, а то вы обе погибнете! Ты сёстрам не поможешь, если останешься здесь. Мы понимаем твои разделенные чувства прекрасно... но, в данном случае, ты должна о своей жизни и жизни своей дочки думать!”

То же самое заявили мне Маргот и Марика, когда они немного пришли в себя: „Не думай о нас, Рени! У каждого своя судьба! Радуйся, что скоро выберётесь из этого „ада”...”

Когда Габи уже спала, я стала укладывать наши вещи в чемоданы. Лидия и Нора помогли мне.

Позднее вечером я пошла с ведрами к колодцу. Там я встретила Аркадия. Он видимо ждал меня! Увидев меня, его лицо засияло от радости и он сразу задал вопрос: Ну! Как было в НКВД? Мне не терпится узнать!”

Я стала ему докладывать про все наши события, – про моё разрешение... про отказ для сестёр... про разочарование и слёзы...

Он обнял меня за плечи и ласково заговорил:

– „Реничка, дорогая! У тебя есть долг перед твоим ребёнком! Думай о судьбе Габи и о своей – уезжай спокойно! Будьте хоть вы обе счастливы. Хуже, чем

здесь, там навряд ли будет! Напиши мне сразу, когда прибудешь к сестре. Я буду с нетерпением ждать письма. Может быть тебе нужна будет моя помощь? Не стесняйся и обратись ко мне, я всегда готов тебе помочь, чем смогу! Я полюбил тебя, Реничка... и люблю твою малышку... Я вас никогда не забуду...!– (Аркадий вдруг говорил мне „ты” в своей трогательной речи!).– А этот маленький пакетик от меня для Габи в дорогу!”– сказал он и сунул мне в руки сверток, завернутый в газетную бумагу. Я потянула Аркадия вглубь двора... за уборный домик, чтоб никто нас не видел бы... Там я его обняла и крепко поцеловала...
– „Спасибо, милый Аркадий, за всё... всё”– бормотала я, вытирая слёзы...
Затем мы быстро расстались. Я боялась, что в уборной кто-нибудь „заседает” и через щели увидит, как я нашего ветеринарного врача поцеловала! Ведь люди имеют грязные мысли – в „чистое” они не верят!
Сидя на своей койке, я открыла пакетик, который Аркадий принес – там находились совершенно новые детские валенки... несколько кусков сахара и пряники...

На следующее утро, когда все наши встали, я осталась лежать в постели. Появились „Три Мушкетёра”. Заметив, что я не встала, они спросили меня с насмешкой: „Что не встаешь? Опять что ли бастовать вздумала??”
– „Не бастую я! Но и работать не буду! Я имею разрешение и уезжаю!”
Они попросили показать им это разрешение, на что я ответила:
– „Вам я его не покажу! Покажу только директору!!!”
Они от моего дерзкого ответа (как они нашли!) буквально взбесились, не зная верить ли моим словам или нет??...Когда контора начала свой рабочий день, я зашла к директору в кабинет. Директор сидел толстый, развалившись в кресле. Он бросил на меня вопросительный взгляд и промолвил:
– „Опять жаловаться пришла? Да?”
– „Нет, товарищ директор, не жаловаться! И надеюсь, что мне это никогда больше не понадобится делать!! Ни для себя, ни для других! Вам придётся от такой „стахановки” как я, отказаться! Я уезжаю к сестре! Вот моё разрешение!!”
И тут же я ему протянула свою справку, которую он несколько раз прочитал. Тем временем зашли в кабинет политрук и начальник кадров. Они услышали наш разговор. Директор бросил многозначительный взгляд на них и спросил меня:
– „А сёстры Густавсон тоже получили разрешение? Они также уезжают?”
На этот вопрос я сразу не знала, что ответить. Он меня просто ошеломил... (Я подумала, откуда он знает про сестёр Густавсон? Не от Антона ли?). Придя немного в себя от удивления, я осторожно, чтоб Маргот и Марики не напортить, ответила:
– „Да, они были тоже в НКВД у начальника Васильева!”
И вдруг директор повернулся к политруку и начальнику кадров и я услышала следующую фразу:
– „Итак, нас покидают Розали Клас и сёстры Густавсон!”
Больше я уже ничего не слышала. В ушах звенело... голова закружилась...
Выйдя из кабинета директора, я пустилась бегом по коридору в нашу залу. Шёл проливной дождь вместе с градом, поэтому наши люди все были дома, кроме мужчин, которые были заняты перестройкой свинарника.
Я тут же рассказала Маргот и Марики, что директор в отношении их говорил. На это Маргот радостно воскликнула:
– „Это судьба! Это судьба! Мы тоже едем!! Рискнём – хуже не будет! Если сидеть сложа руки – чудес не бывает!”– добавила она.
И обсуждая этот вопрос, сестрички решили поехать со мною и Габи. Даже если эта затея не удастся – то они ничего не теряют, т.к. здесь их ждёт тюрьма так

или иначе!!!

Теперь надо было быстро действовать.

Лидия побежала к парням в свинарник, т.к. надо было решить проблему с подводой. А у Алекса и Арнольда всегда голова соображала. Они находили выход из любого положения.

Маргот и Марика начали укладывать свои вещи. У меня они были уже сложены. Лидия вернулась тяжело дыша от быстрого бега. Она доложила, что парни пошли искать Аркадия, который знал всех колхозников в окрестности. Только он мог договориться, чтоб нас подвезти в село Лебязье.

Через некоторое время мы были готовы к отъезду и сидели уже на чемоданах. Нам дали нашу зарплату. Очень небольшие деньги, но все же кое-что. В столовой нам выдали несколько буханок хлеба и соль на дорогу. И вдруг мы с радостью увидели, что подъехали наши парни вместе с Аркадием на двух подводах.

Арно похвалил сестричек за их храбрость, На это Маргот ответила:

– „В жизни нельзя плыть по течению – надо „толкнуть” свою судьбу – иначе ничего не добьешься!!!...”

Настал час расставания с нашей „большой семьей”... Как тяжело было с ними прощаться... Столько было вместе пережито – столько слёз пролито...

Они все стояли вокруг нас, говорили... давали советы... и плакали... С Габи, „их дочкой”, они особенно нежно распрощались, целовали и обнимали её без конца...

Не хватало только среди всех подружки Габиньки – Эви! И милой Эрны! А Эрна была для моей дочки „второй матерью”...

(Мы знали, что мы многих наших „друзей по несчастью” никогда больше не увидим – а может быть и никого из них??...).

Арнольд подошёл ко мне. Взяв меня под руку, он отвел меня в сторону, обнял меня и прижал к себе... и шепнул: „Я люблю Габи, очень, очень!! Рени, будь мужественной дальше! Желаю тебе счастья!!!”

Нас посадили на подводы. Маргот и Марика сели на одну телегу. Габи и я на вторую.

Лошади тронулись...

Возле калитки стоял Аркадий, наш добрый, хороший друг. Он держал свою шапку в руках... Когда мы мимо него проехали, он наклонился нам низко в поклон... и вытер со щеки слезу...

Нас все наши провожали до большой дороги. Они махали нам еще долго... долго...

Лошади шли медленно под знакомую нам ругань.

„Ну, Лешая! Эй давай! Давай! Едит твоя мать... Эй, ну давай! Эй...!!!

Я взяла свою доченьку на колени, крепко обняла её... и в первый раз после долгого времени почувствовали, что Габинька теперь „моя” – только „моя дочь”... И так мы ехали, мать с дочкой, вперёд к новой жизни... в новую ссылку... в „Большую Неизвестность”...

Маленькие и большие препятствия

Через 4 часа мы добрались до села Л... Мы сразу поехали на пристань. Там мы наши чемоданы, кровать Габи и детскую коляску положили в камеру хранения. В кассе мы узнали, что пароход отплывает 26го октября в 12⁰⁰ часов дня. Значит через три дня! И это его последний рейс до марта месяца будущего года. Мы купили три билета.

В „Доме колхозника” нас администраторша сразу узнала и обрадовалась нам. Я ей показала свою справку из НКВД и объяснила, что сёстры Густавсон приехали, чтоб меня с дочкой проводить. Мы получили хорошую комнату с

тремя кроватями. Чтоб Марику обрадовать, мы тут же включили радио и свет. – „Вот это я называю „переменной декораций“! Ура! Мы опять живём – и будем дальше жить!“ – заявила Марика восторженно.

Вечером мы позвонили в совхоз, в квартиру Аркадия. Там находились все наши друзья. Они ждали с нетерпением наших новостей. Арно говорил больше всего с нами. Он советовал, чтоб девушки эти три дня не выходили на улицу, т.к. их может увидеть Васильев или другие работники НКВД.

– „Если будет дождь, мы приедем ещё с вами попрощаться! Ждите нас! До скорой встречи!“ – были последние слова Арнольда.

Мы послушались его совета. Маргот и Марика сидели три дня запертыми в комнате. Я носила им еду из столовой.

Рае я отправила телеграмму, в которой сообщила ей, что нахожусь с Габи по дороге к ней.

С Габи я много гуляла. Я хотела, чтоб она подышала бы свежим воздухом. На улице я увидела много милиционеров. Они носили синие фуражки. Я их прозвала „Синими Шапочками“.

Каждый раз, когда я возвращалась с прогулки, я волновалась – всё ли с сестричками в порядке? До сих пор, слава Богу, всё шло хорошо.

Я оставила Габи с девушками и зашла в больницу к Эви. Эрна была там и не отходила от её постели. Эви была настолько слаба, что уже не разговаривала.

Но меня она узнала и улыбнулась мне. С тяжёлым сердцем я ушла, оставив мать и дочь одних, но обещала на следующий день вернуться.

На другой день Эви уже никого не узнавала. Она спала беспокойно и бредила. Я была довольна, что могла быть возле Эрны в эти тяжелые дни... У Эрны были красные, опухшие глаза от бессонницы и слёз. Я уговорила её прилечь немного, пока я буду сидеть у кровати её ребёнка. Она послушалась меня и легла в дежурную комнату. Сидя возле Эви, я держала её горячие ручки... Она лежала спокойно, но дышала тяжело. Ей наверно казалось, что я являюсь её матерью, она шептала высохшими губами: „Мама... мама...“

Выглядела она как ангелочек. Её бледненькое личико обрамляли золотые кудри. Глаза были закрыты и я любовалась её тёмными, длинными ресницами... До того она была красива на этой белоснежной подушке...

Сердце сжималось при мысли, что такого ребёнка нельзя спасти... Ей бы только жить да жить... в её восемь лет...

Эрна долго не спала. Беспокойство о дочке не давало ей покоя. Мне надо было с Эрной и Эви попрощаться, т.к. на следующее утро отплывал наш пароход.

С Эрной мне было особенно трудно расставаться. Мне было страшно оставлять несчастную мать с её умирающей дочкой!... Что может быть ужаснее??...

Покидая больницу, у меня невольно вырвались слова: „За что? За что такое наказание??...“

Я только успела вернуться в „Дом колхозника“ и зайти в нашу комнату, как раздался стук в дверь. Марика, Маргот и я испугались. Но нас ожидал приятный сюрприз. Зашли Арно, Нора, Лидия и братья Алекс и Паул. Боженька исполнил, видимо, их желание! На улице было ненастье и наши друзья сумели придти с нами попрощаться.

Алекс и Паул сообщили, что были в больнице. Навестили мать и сестрёнку.

Врач им сказала, что Эви спасти невозможно и что она навряд ли эту ночь переживёт. Оба брата были очень удручены.

В комнате стало совсем тихо... с болью в сердце, мы думали о бедной Эви... об Эрне... и не были в состоянии разговаривать...

Затем наше молчание нарушил Арнольд:

– „Дети! Мы должны ещё столько вещей обсудить и у нас мало времени!“

Переходим к делу!”

Арнольд посоветовал нам как дальше поступать. Если Маргот и Марика попадутся до отплытия парохода в лапы НКВД, то пускай скажут, что они поехали провожать меня с дочкой. Что они мол хотели помочь мне перетащить багаж из камеры хранения на пароход. В этом случае они потеряют свои вещи, т.к. девушек вернут обратно в совхоз. Но таким образом они смогут отговориться и у них будут только неприятности в связи с тем, что без спроса отлучились на три дня из совхоза, но не будет подозрения на побег!

У нашего Арнольда всегда голова „варила” и его советы были правильными. Маргот и Марика сидели обнявшись с Алексом и Паулом. Мне было больно смотреть на них... Ещё несколько мгновений... и настанет разлука... может быть, разлука на всю жизнь??...

Оба брата сказали девушкам на прощание:

– „Если Вы хотите нас ждать после отбытия срока в тюрьме, то мы ещё увидимся!!!”

А Арно сказал, целуя Нору:

– „А мы, Нора и я, пойдём вместе в тюрьму – и вместе оттуда выйдем...!”

Хотя эти слова были сказаны в полу шутку – в них было столько горечи... столько печали...

Бедные молодые люди...– бедные молодые жизни...

На следующее утро мы встали очень рано. Мы решили идти на пристань, пока на улице было ещё темно. Нужно было пройти через всё село и это было для девушек опасно. Маргот и Марика повязали платки на голову так, что видно было пол-лица.

Они шли за Габи и мною, делая вид будто мы с ними не знакомы. Но Габи неоднократно оборачивалась к ним. Ей хотелось всё время им что-то сказать. Я старалась ей внушить, что здесь на улице чужие люди, поэтому Маргот и Марика для нас незнакомые тётки – а на пароходе мы опять будем друзьями, как всегда!

Но моя дочка не понимала эту „логику”. Она не понимала, почему они теперь не тётки – а потом да!... Я её еле удерживала, т.к. она хотела к ним бежать.

На улице ходили много милиционеров. Я их боялась.

Шёл мелкий дождь. У Габи были валенки без галош. Чтоб они не промокли бы, мне пришлось девочку взять на руки. Она была тяжёлая. Маргот и Марика хотели мне помочь её нести – но не смели –мы ведь были „незнакомые!...”

Наконец мы дошли до пристани.

Было ещё рано. Посадки на пароход ещё не было. Нам пришлось ждать больше двух часов. На пристани была масса людей и множество „Синих Шапочек”.

Мы договорились таким образом, что Марика с Габинькой пойдут прямо на пароход. А Маргот и я, мы займёмся переносом багажа. Я нашла одного старика, который согласился нам помочь. Таким образом мы благополучно перетащили все вещи на палубу. Там оказался один свободный угол и мы поставили туда багаж. Сами встали около наших вещей и ждали, что будет дальше с девушками. До отплытия парохода оставалось ещё три с половиной часа... Мы всё время опасались, что за этот промежуток что-нибудь случится... Были готовы ко всему!... Время шло ужасно медленно... Три часа казались вечностью! (Вспомнили теорию Эйнштейна!). Мы сидели на наших чемоданах – как на иголках...

Ещё оставалось 30 минут времени...

Затем 15 минут...

Ещё 10 минут!!

Ещё 5 минут!!

Оставалась последняя минута...

Вот наконец 12⁰⁰ часов...

Мы молились Богу! Даже Габинька сложила свои маленькие ручонки и подражала нам...

Уже 12³⁰... – пароход всё ещё стоял...

Мои девушки тряслись как в лихорадке... зуб на зуб не попадал...

12⁴⁵ – и вдруг мы услышали гудок!!!

Матросы убрали лестницу, вытащили якорь и мотор парохода зашумел...

Мы плыли по реке...

На пароходе было всего одно помещение с койками. Они были почти все заняты. С трудом нашлись в разных местах три свободные. Нам вполне хватало трёх коек, т.к. одна из нас оставалась на палубе сторожить багаж. Недалеко от моей койки устроилась одна еврейская семья. Они были из Литвы. Муж, жена и пятеро детей.

Отца звали Хайм, мать Хас. А имена детей были: Берке, Шлемке, Ривале, Ицик и Шореле. Им было между двух и двенадцати лет.

Габи стала с детьми играть, а я беседовала с родителями. Они были симпатичные люди из одного маленького, еврейского местечка Литвы. Ехали они в эвакуацию на юг страны.

Мы плыли на пароходе уже несколько часов. Всё шло хорошо и мы постепенно успокоились. Предполагали, что опасность уже миновала! Среди пассажиров ехало много „Синих Шапочек”, они наводили на нас страх и тревогу.

Вечером мы вдруг узнали, что началась проверка документов на пароходе. Этой проверкой занималась группа „Синих Шапочек” и люди в штатском.

Мы обомлели... „Что теперь делать?” – ломали мы себе головы.

– „Мы бросимся в реку... – другого выхода у нас нет! – твердили мне в панике Маргот и Марика. – Обрато в совхоз мы не вернёмся!... – Лучше умереть!!...”

Я дрожала также от волнения, как они... „Как им быстро помочь?” – думала я. И ничего толкового в голову не лезло. С сожалением вспомнила я Арно и Алекса, что их здесь нет! Они уж что-нибудь придумали бы!...

И вдруг меня озарила мысль. Я решила поговорить с Хаймом. Может быть он поможет или посоветует что делать!

Я подседа к Хайму и Хае и рассказала им про нашу беду. Про ссылку из Эстонии..., про нечеловеческие условия в совхозе, про побег сестёр, которые собирались ехать к матери и т.д.

– „Девушки согласны лучше умереть, чем попасть снова в „ад”!! Как только контроль подойдёт к ним, они бросятся в реку!” – закончила я свой доклад. Хайм задумался. Через несколько мгновений, почёсывая себе затылок, он объявил:

– „Я могу этим девушкам помочь! Мы эвакуируемся в город Ташкент. У нас есть направление ехать со всей семьей в этот город. В документе не указано сколько у меня детей. Если у нас их пятеро – то пусть будет их семеро!!”

Я подозвала Маргот и Марику к этой еврейской семье. Хаим сказал, что согласен им помочь и объяснил, что им для этого надо делать.

И вот, когда паспортный контроль подошёл к семье Хаима, они увидели следующую картину: отец, мать и семеро детей... Среди Берке, Шлемке, Ривки, Ицика и Шореле – сидели Маргот и Марика...

Пятеро детей были курчавые, черноволосые, со жгучими, большими тёмными глазами. Типичные еврейские дети! А двое из этих семи были светлокожие, с прямыми носами (курносые!). Одна блондинка, другая брюнетка – типичные шведки! (Отец девушек был швед!).

Вся семья обедала, ела курицу, болтали и смеялись...

Паспортный контроль посмотрел на эту „кучу детей” и спросил у отца семейства:

– „Эти все Ваши дети!!”

– „Да, мои!” – ответил гордый отец.

– „А эти две девушки тоже Ваши будут!!” – и указал пальцем на Маргот и Марику.

– „Да, они мои дочери от первого брака!!”

Хая кивнула в подтверждение тоже головой!

„Синие Шапочки” оставили эту „дружную семью” в покое.

Проверяя потом мою справку, они, ничего не сказав, пошли проверять следующих пассажиров.

Мы переглянулись и вздохнули с облегчением... Наши нервы были напряжены до предела...

Хаим сообщил радостным голосом:

– „Ну, дочки мои – Вы спасены!!!”

На это мы все дружно рассмеялись. Сестрички обняли Хаима и поблагодарили его сердечно.

А он, показав пальцем на свой лоб, заявил: „Еврейская голова! Я набожный еврей, никогда не врал! Но думаю, что эта ложь не грех и Бог мне простит!”

Дальше наше путешествие проходило без особых приключений. Плыли мы по реке четыре дня. Пароход сильно качало. Шёл мокрый снег, на палубе и в кабине было холодно. У меня разболелся зуб, щека опухла. Но это не помешало моему настроению, оно было бодрое!

С нами находился один военный. Он был ранен в ногу и долго пролежал в больнице. Теперь он ехал на месяц домой к жене и трёхлетней дочери.

Габи напоминала ему дочку. Он подарил ей маленькую куклу из ткани, несколько леденцов и сахару.

Все было в полном порядке. Омрачало только наше настроение мысль о скорой разлуке. Маргот, Марика и я себе никак представить не могли, что наши пути разойдутся и мы будем жить в разных местах...

Рая объяснила мне в письме, что я должна пароходом ехать до пристани города Кирова. Там я должна на рыночной площади найти подводу, чтоб доехать остальные 60 км до деревни Д... Подъезжая по прямой дороге к деревне Д..., будет колхоз Ренжата. В колхозе Ренжата находится дом, в котором живет Рая. Этот дом будет четвертым с правой стороны дороги. Хозяйку зовут Вера Ивановна Лихачёва.

А девушки должны были дальше плыть пароходом до областного центра, города К... и оттуда тоже добираться подводой 60 км, где живет их мама.

На четвертый день мы доплыли пароходом до пристани г. К..., где мы с Габи должны были попрощаться с сестрами. От капитана я узнала, что наш пароход будет стоять у пристани один час. Я решила оставить Габи пока на пароходе с Маргот и Марикой, чтоб отнести свой багаж в камеру хранения. Затем подумала, что я успею еще сбегать на рыночную площадь из-за подводы (Я узнала, что рыночная площадь находится совсем близко от пристани!).

Хаим и его старшие сыновья помогли мне отнести вещи в камеру хранения. Я оставила только на пароходе для Габи детское одеяло и ночной горшочек, завернутый в марлевую пеленку.

После камеры хранения я отправилась бегом на рыночную площадь. Там я обошла всех мужиков с лошадьми, просила их отвезти меня в деревню Д... за 60 км. Но, увы!! Ни один из них не соглашался ехать! Они объяснили, что наступила распутица, что телега застрянет в этой липкой, мягкой земле, и что лошади не дотянут! „В такую пору нечего надеяться на подводу!” – заявили они мне.

Я только зря потеряла время „торгуясь” с этими колхозниками, что с испугом помчалась обратно к пароходу. Издали я услышала первый гудок – и пришла в

ужас!!...

– „Успею ли я забрать Габи?“ – подумала я.

Затем был второй гудок – а я все еще бежала...

Я примчалась к пароходу, когда раздался третий гудок. Хаим успел мне только передать Габи на руки, как матросы уже убрали трап и потащили якорь наверх.

Кто-то бросил мне одеяло и горшочек на землю... И пароход уплыл...

Маргот и Марика стояли на палубе и кричали мне что-то, но я их расслышать не смогла... Слышала только своё имя:

– „Рени! Рени!“

Итак, мы даже не смогли попрощаться – так внезапно рассоединила нас судьба...

Девушки стояли вместе с Хаимом, Хаей и их детьми... Все махали нам – Хаим, Хая и пятеро детей!...

Я стояла на пристани, с Габинькой на руках, и провожала пароход глазами...

„Сестрички уехали! ...“ – сказала я Габи и расплакалась...

На пристани я быстро нашла колхозника, который нас увёз в „Дом колхозника“. Но нас ожидал неприятный сюрприз. „Дом колхозника“ был закрыт на ремонт. Колхозник высадил нас в спешке и уехал. На улице шёл снег. Тротуара не было. Вместо него была узкая, длинная доска. А кругом слякоть... Мне пришлось взять Габи на руки, чтоб её валенки не промокли. Одеяло, ночной горшок и моя сумка мешали мне. Я была не в состоянии двигаться с места!

Я начала расспрашивать прохожих, не знают ли они, где можно было бы ещё в этом городе переночевать?

– „Кроме „Дома колхозника“ ничего нет!“ – отвечали они и шли мимо.

Так я стояла с Габи на руках, одеялом, горшком и сумкой... в чужом городе... – не зная куда идти...

Я смотрела прохожим людям вслед... они все торопились... их ожидало „тепло их дома“... – все они, так мне казалось, идут „к теплу“...

Стало темнеть. У меня сильно болел зуб... Штрипка чулка расстегнулась, у меня не было рук, чтоб её застегнуть...

Я снова обратилась к людям, спрашивая их, не может ли кто-нибудь нас на одну ночь приютить?? ...

Некоторые отвечали „нет“! Другие вообще ничего не отвечали и шли мимо...

Вдруг меня одна женщина спросила: „Вы эвакуированная?“

– „Да!“ – ответила я ей немного задумавшись (мне не хотелось говорить ей, что я ссыльная!).

– „Почему же Вы не находитесь в „Доме культуры“? Там находятся все эвакуированные! Если Вы желаете, я Вас отведу туда!“ – я конечно сразу согласилась.

Она забрала у меня одеяло и сумку, и мне стало сразу легче. В „Доме культуры“ было многолюдно, большей частью матери с детьми. Все они суетились, ходили туда-сюда, с чайниками, кастрюлями, детскими ночными горшочками... и т.п. Дети лежали на топчанах в одной большой зале.

Я заметила возле одной женщины с мальчиком один свободный топчан. Туда я уложила и Габиньку. Затем я попросила мать этого мальчика присмотреть недолго за моей дочкой, пока я не вернусь.

Я обошла всю рыночную площадь, но напрасно! Сколько я не умоляла этих мужиков отвезти меня за 60 км, никто со мною разговаривать не хотел.

На рынке я купила молока, хлеба и жареную рыбу, и вернулась к Габиньке обратно. Она была совершенно спокойная, по мне не скучала. С мальчиком с соседней койки она подружилась и играла с ним.

Его мать угостила нас чаем и мы подкрепились немного.

– „Что мне дальше предпринять?“ – подумала я. И тут же у меня возникла идея

сходить в НКВД. Ведь я имела от них законное разрешение уехать в деревню Д...! Вспомнив начальника Васильева, когда он мне дал свою коляску с кучером, я пришла к заключению, что и здешний начальник может мне помочь дальше добраться до места назначения.

Я ещё раз ушла.

Здание НКВД находилось довольно далеко. И к моему великому огорчению, кроме дежурного там никого больше не оказалось. Доложив дежурному причину моего прихода, он ответил мне, что ни в чём помочь не может! Но дал мне с собою два адреса мужиков, у которых были лошади.

Одного я не застала дома. Другой отказался ехать.

На обратном пути я опять прошла всю рыночную площадь. Там уже не было мужиков с подводами. Значит опять всё безрезультатно! На этот раз я отсутствовала довольно долго и душа болела из-за Габиньки. „Как она там одна без меня, среди чужих людей?“ – подумала я. Я пустилась бегом и примчалась с сердцебиением обратно в „Дом культуры“...

Когда я зашла в здание „Дома культуры“, я ужаснулась... в зале не было больше людей... Топчанов, на которых они лежали, не было! Не суетились больше мамы с чайниками... кастрюлями... ночными горшками... Дети не кричали...

„Дом культуры“ был пустой! ... От „культуры“ ничего не осталось! На полу валялись грязные бумаги, пустые бутылки, всякий мусор... и пр.

Одна женщина мыла пол. Задрав свою юбку высоко, она пела преспокойно песенку: „Сердце... мне так хочется покоя... Спасибо сердце, что умеешь так любить! ...”

Я перебила её пение и спросила взволнованно: „Что случилось? Где все люди??”

– „Эвакуированных женщин с детьми отправили в одну школу!”

– „В какую школу? Где она находится??”

– „Не знаю я!– был безразличный ответ уборщицы и она продолжала громким голосом свою начатую песенку – Сердце... мне так хочется покоя... Спасибо сердце... что умеешь так любить...”

Я выбежала на улицу. Там я увидела двух мальчишек, которые играли в мячик. На мой вопрос, знают ли в какую школу увезли отсюда эвакуированных людей, они охотно ответили:

„Да, мы знаем! Если Вы хотите, мы можем Вас туда отвести!”

Конечно я хотела, и побыстрее! ... Они повели меня в эту школу. Я сразу поняла, что правильно попала, т.к. там опять суетились мамы с чайниками... кастрюлями... ночными горшками... Они бегали в уборную, то из уборной. Слышны были детские голоса, крики и плачь... Ребята лежали на топчанах. Я начала искать свою дочку.

И вдруг издалека услышала голос и рыдание Габиньки. Когда я подошла поближе, я увидела перед койкой моего ребенка какую-то чужую женщину. Она кричала сердитым голосом: „Чья это девочка?? Где мать? Таким методом может любой подкинуть ребенка! Может даже быть, что она вовсе не эвакуированная?!...” – Эта брань шла в мой адрес!

Я подошла близко к озлобленной женщине и сказала? „Я мать этого ребенка!!”

– „Хорошо! Представьте мне Ваши документы!” – был её ответ.

Тут мне пришлось признаться, что я не являюсь эвакуированной, а ссыльная и заодно показала ей свою справку из НКВД.

– „Для ссыльных здесь нет места!! Только для эвакуированных матерей с детьми!! Освободите немедленно койку и уберите вместе с девочкой отсюда!”

Она стояла прямая, как жандарм, перед Габи и мной, и ждала пока мы покинем помещение.

Мы снова очутились на улице. Было уже совсем темно. Одной рукой я держала в объятиях Габи, в другой руке: детское одеяло, горшочек, моя сумка... От нагруженности я не могла и шагу сделать и стояла на месте, не двигаясь... Из открытого окна соседнего дома я услышала чудесную музыку. ...Играли трио Чайковского... Этот концерт был мне не только знаком из концертного зала, но его играли часто в семье Лоло, дома. Ирина сидела у рояля, или сын, Эдуард, играл на виолончели, и их приятельница, Рая, на скрипке. (Семья моего мужа была исключительно музыкальной. Мать была певица. Она окончила консерваторию в Варшаве. Лоло и его старший брат играли прекрасно на скрипке, а Эдуард и отец, как я уже упомянула, на виолончели. Обе дочери играли на рояле! Таким образом они имели свой семейный оркестр! На дни рождения „виновника торжества” всегда обычно будили серенадой!). Эта задушевная музыка пробудила во мне столько воспоминаний... я не могла удержать своих слез...

Перед моими глазами были все мои далёкие дорогие...

– „Что Вы тут стоите и мёрзнете?” – раздался вдруг мужской голос.

Я будто проснулась ото сна... и повернув голову в сторону голоса, чуть от радости не вскрикнула... – передо мною стоял военный с парохода. Он появился как „добрый ангел” к нам...

Я ему вылила всю свою душу. Рассказала ему обо всём пережитом и о настоящих проблемах.

Он был потрясен тем, что услышал.

– „Я хочу помочь Вам и Вашей дочурке! Пойдем вместе искать для Вас ночлег!” – сказал он добродушным тоном и взял Габиньку на руки. Мы зашагали по многим улицам. Заходили в разные избы, упрашивали хозяев нас устроить хоть на одну ночь. Но мы слышали одни только отказы. Наконец, когда мы больше ни на что не надеялись, нам посчастливилось найти на окраине города одну пожилую супружескую пару, которая согласилась нас принять на эту ночь. В избе было тепло и уютно. Хозяйка поставила самовар и мы выпили горячего чая. Мы согрелись и отдохнули. Даже мой зуб, который меня все дни мучил, перестал болеть.

Мой добрый знакомый рассказал хозяевам о моих заботах в отношении дальнейшей поездки. Он сумел уговорить хозяина, у которого была своя лошадь, отвезти нас, Но тот обещал поехать всего за 30 км до села М..., уверяя нас, что лошадке будет трудно при такой распутице и эти 30 км ехать. Кроме того, он заявил, что за деньги он ехать не будет, чтоб я ему дала бы за эту дорогу мужской костюм. Он соглашается мучить лошадь и себя только потому, что жалеет меня и моего ребенка. Конечно, я ему обещала подарить костюм Лоло.

На следующий день, утром рано, забрав вещи из камеры хранения, я должна была сразу вынуть обещанный костюм Лоло из чемодана и отдать его хозяину, т.к. он желал, чтоб я с ним рассчиталась бы вперёд! (Он был хитрый!).

Дорога была ужасная. Одна слякоть. Мужики были правы, когда отказывались ехать ввиду распутицы. Колёса телеги то и дело застревали в грязи. Их надо было часто толкать. Хозяин и я, мы шли пешком, чтоб было бы поменьше весу. Только Габи сидела на телеге, на наших чемоданах.

Бедная лошадь совсем замучалась и двигалась только под побоями кнута и руганью мужика: „Эй Лешая! Окаянная сила! Давай! Давай! Шевелись!!”

Мы добрались только под вечер в село М... Хозяин довёз нас до „Дома колхозника”.

Нас устроили в одной большой общей комнате, где на койках спали мужики и женщины, большей частью колхозники этого края! Эти крестьяне не раздевались на ночь, они спали в своих тулупах. Грязные валенки, тряпки,

которыми они себе обматывали ноги в валенках, валялись по всем углам. Они воняли...

И всё же я была этим убогим убежищем довольна – главное было то, что мы имели крышу над головой!

В этом селе нам пришлось на два дня ещё задержаться, т.к. я опять не находила подводы, чтоб дальше ехать.

Я была готова отдать все вещи – лишь бы только попасть к Рае...

Теперь мы были уже так близко... – и всё же ещё далеко...

Я умоляла мужиков со слезами на глазах пожалеть дочку и мать, но напрасно! Никто по такой дороге ехать не хотел! На второй вечер, потеряв уже всю надежду выбраться из этого села, я нашла одну колхозницу-женщину, которая согласилась за два платья и две пары туфель (для своих дочерей) нас довезти оставшиеся 30 км до села Даровичос. (Значит, чтоб проехать 60 км, мне пришлось отдать один мужской костюм, два платья и две пары туфель...!).

Колхозница обещала выехать с нами на следующий день утром рано.

Я была счастлива, т.к. на другой день был 2 ноября – день рождения Габи! Ей исполнялось четыре годика! И так судьба готовила нам „подарок” ко дню рождения!

В 6⁰⁰ часов утра приехала за нами колхозница с подводой. Её дочери пришли тоже. Они горели от любопытства увидеть платья и туфли, которые я им дарила. Девушки вырывали вещи буквально из моих рук и ликовали от восторга.

Ехали мы эти последние 30 км тоже целый день.

Лошадка была такая же слабая и истощённая, как и предыдущая. Мы опять часто останавливались, т.к. колёса застревали в мягкой, мокрой земле. Она продвигалась „черепашьим” шагом, её приходилось часто бить кнутом.

Колхозница оказалась доброй женщиной. Она жалела меня, т.к. у меня были на ногах туфли, а не крепкие валенки, как у неё. Поэтому она мне сказала: „Ты сиди со своей дочкой на телеге! Я сама уж справлюсь!” – и шагала возле лошади. Сил у неё было правда много, как у мужиков. Когда она всей мощью толкала телегу из слякоти – мы двигались дальше!

Что-то потешное хочется про эту женщину рассказать. Она была высокая, толстая, краснощёкая женщина, разговаривала очень много и всё на „интимные темы”! Как она с мужем спит, как они любят и т.д. Но самое смешное было: когда лошадь останавливалась, чтоб „писать”... она расставляла широко свои ноги и „писала” с лошадкой одновременно (Она под тулупом и юбкой, несмотря на холод, штанов не носила!).

И такая „картина” повторялась бесчисленно раз...

Я должна была сдерживаться, чтоб громко не рассмеяться и думала: „Эту сцену я должна буду непременно описать Лоло!” – Лоло очень любил всегда слушать, когда я ему рассказывала что-то потешное о моих наблюдениях. Он мог тогда так забавляться и хохотать, что вытирал себе слезы от смеха...

Держа Габиньку на коленях, я ей сказала: „Знаешь, моя доченька, сегодня наш папочка думает определенно о нас... о своей девочке, у которой сегодня день рождения!...

– „Где находится мой папа? Находиться он там, куда мы едем!”

– „Этого я не знаю! Но возможно, что папа тоже скоро к нам приедет!” –

старалась я её ободрить, т.к. она говорила часто о нём и тосковала об отце.

– „Да, если б Лоло находился бы „там”, куда мы едем...” – подумала я с болью в сердце.

Во время этой длительной езды у меня было много времени, чтоб мечтать. ... Я вспоминала моих дорогих, всех тех, о которых я больше ничего не знала..., о Лоло, о моей бедной матери с переломом ноги..., об отце в тюрьме..., о родителях Лоло.... Мои думы становились всё грустнее и мрачнее... Габи

заснула в моих объятиях.

Так мы провели именины моей четырёхлетней дочки...

Мы добрались поздно вечером в колхоз Ренжата. Из письма Раи мне было известно, что дом, в котором она живёт, является четвертым по правой стороне дороги, откуда ехали. Я начала считать дома с правой стороны: „Первый... второй... третий... четвертый...”

Мы остановились у одноэтажного деревянного домика. Ввиду того, что я звонка не находила, я постучалась в окошко дома.

Через несколько минут вышла из калитки приветливо улыбающаяся молодая женщина и сразу спросила: „Вы Рени?! А эта маленькая девочка – Габи?? Я хозяйка Раи, меня звать Вера Ивановна Лихачёва!”

У меня от этих слов остановилось дыхание... „Клубок” застрял в горле... Я ничего ответить не могла... только молча протянула ей руки...

А она дальше улыбаясь сообщила:

–„А Ваша сестра Рая находится в больнице. Она родила дочку! Её имя будет Ирина! Это красивое имя, не находите Вы тоже? Ждала Вас Рая очень, а Вы всё не приезжали и тут начались роды, пришлось её увезти в роддом. Мать и дочь чувствуют себя хорошо. На днях придут домой!

Зайдите в комнату Раи! Устраивайтесь там. А я пока с сыном занесём Ваши вещи в дом!” – добавила она.

И вот я зашла в комнату Раи...

Она была маленькая, но уютная. Всюду лежали знакомые мне вещи... А на стене висела большая фотография Германа, мужа Раи...

Тут я вдруг почувствовала – что я наконец „дома”...

Я села на постель Раи, положила свою голову на её подушку и заплакала...

Но это были, на этот раз, слёзы счастья!!! ...

Эпилог

Из совхоза прибыло письмо от Лидии.

Я узнала о смерти маленькой Эви. Девочка умерла в ночь, до нашего отъезда из села Л... Эрну не узнать, она безутешна.

В клубном зале застеклили стёкла, исправили оконные рамы. Но всё равно все мёрзнут, т.к. отопления нет и все болеют. Фельдшерица освобождения по болезни не даёт, администрация запретила выдавать больничный лист. Они бояться сорвать годовой план и стали ещё строже и суровее относиться к эстонцам и остальным заключённым.

Одна из наших эстонок, Линда Эпольд, недавно отравилась снотворными таблетками. Её нервы не выдержали больше совхозную жизнь! (Я вспомнила эту тихую молодую женщину. Я её всегда жалела, т.к. ей особенно не повезло. За день до высылки, ей зубной врач отшлифовал почти все зубы, чтоб поставить фарфоровые коронки. Остальные зубы он удалил, чтоб делать протезу. Линда появилась в поезде с „обрубками” зубов. Кушать она не могла. Отшлифованные зубы ломались, причиняли воспаление и боли!). Когда она узнала о предстоящем суде, она впала в депрессию.

–„Она решила лучше покончить с собою, нежели попасть на долгие годы в тюрьму! Мы её три дня тому назад похоронили на маленьком кладбище, возле Рихарда.” – этим Лидия закончила своё письмо.

Она ещё попросила меня ей побыстрее написать ответное письмо, потому что после судебного приговора, который всех эстонцев в ближайшее время ожидает, наша связь прекратится.

От Арнольда Авиксо я получила удручающее письмо. Он сообщил мне ужасную новость – что Нору, его невесты, больше нет в живых... Она заболела дизентерией и скончалась скоропостижно, в больших муках.

Нора работала при ремонте свинарника с нашими парнями вместе. Один раз в обеденный перерыв, они ели селёдку с хлебом. А питьевой воды в ведре не было. Ввиду того, что колодец находился дальше речки, Нора побежала утолять жажду к речке и пила её грязную, мутную воду.

Она заболела кровавым поносом и её срочно отправили в больницу села Лебяжье. Арнольд, который тоже напился речной воды, заболел также и его увезли немного позже в больницу, где лежала Нора.

– „Я был счастлив, что попал в больницу! Таким образом я мог быть всё время возле Нору, я был её опорой в её тяжёлом состоянии... Я её держал в своих объятиях до её последнего дыхания... – Она умерла на моих руках... Потеря любимой девушки разбила мою жизнь...” – писал он. (Невольно я вспомнила слова Арнольда, когда он в момент нашего прощания, в полу шутку объявил: „А мы с Норой пойдём в тюрьму – и вместе оттуда выйдем...!!” – Бедный оптимист – Арнольд!! И бедная, милая Нора! ... Судьба была против Вас обоих!!...).

Арнольд продолжал писать: „Мы похоронили Нору возле маленькой Эви. Для меня это утешение, что они лежат вместе. Рени! Мне теперь всё равно, что со мною случится. Тебя больше здесь нет! Нора „ушла” от меня... Сёстры, Маргот и Марика, покинули нас... Мы больше не являемся той сплочённой „большой семьёй”, которой раньше были! Настроение у всех нас подавленное. Мне безумно жаль мою мать, т.к. она остаётся одинокой. Ведь после нашего судебного процесса Лидию и меня посадят в тюрьму, а затем наверно попадём в трудовой лагерь, Бог знает куда!? Я желаю всем сердцем, чтоб Ты по крайней мере была бы счастливой. Я рад за тебя, что ты избавилась от каторги!! Не забывай меня – я люблю тебя... Твой Арнольд.”

И на Рождество я получила письмо от Эрны.

Она сообщила следующее. Судебный процесс состоялся неделю тому назад. Всех наших эстонцев, кроме Антона, Эрны и матери Арнольда, приговорили к тюремному заключению. Их приговорили к срокам 10 лет + 5 лет ссылки. Но Арнольд был ещё суровее осужден, его срок был 15 лет и 5 лет ссылки. Ему причислили, кроме забастовки, множество „погрешностей” в придачу, как например, враждебные высказывания против войны, антисоветские разговоры, анекдоты и пр. Например, когда крыша свинарника была отремонтирована, Арнольд полез на крышу и оттуда крикнул в шутку: „Алло! Эй! Теперь я могу отсюда на весь Советский Союз „пописать”...”

Эту потешную шутку он рассказал нам вечером в зале. По-видимому слышал её и Антон, который всё правдиво доложил руководству совхоза. Этот возглас Арнольда был на суде известен, они его разбирали и со всей строгостью осудили.

Вообще были все разговоры, которые мы по вечерам вели (наши мнения, размышления), в судебных актах зафиксированы.

Эрна доложила, что после приговора всех заключённых сразу же взяли под стражу и отправили в тюрьму. До сих пор от них нет вестей!

– „Значит и я была бы приговорена к 15 годам тюрьмы и 5 годам ссылки!!” – подумала я, читая это известие.

Еще одну печальную новость я узнала из письма Эрны. Нашему ветеринарному врачу приписали вину в том, что он был в дружеских отношениях со ссыльными из Эстонии, с ними встречался по частным делам. Что он им всячески помогал и принимал участие в их судьбе.

К его несчастью заболели в совхозе и в ближайших колхозах старые, дряхлые лошади и околели. Эта неудачная полоса послужила поводом для руководства

совхоза, чтоб Аркадия уволить с работы. Его будут судить за халатность в работе и измену Родине!! “Я боюсь, что его засудят и его может ожидать большой срок тюремного заключения!” – писала Эрна.

Далее она прибавила: „Я встретила на днях Аркадия. Ты его не узнала бы, он так сильно похудел. Держит он себя с большим достоинством. Уверяет, что ни о чем не сожалеет, т.к. поступал по совести! Аркадий спрашивал про тебя, Рени, хотел знать как ты устроилась и хорошо ли тебе у сестры? Он просил тебе и Габи передать самый сердечный привет. Но ты ему не пиши, это может ему еще больше навредить! Мы, ссылные, как „чума” – все местные жители нас избегают!!

Я хожу по возможности часто на кладбище. Ухаживаю теперь за двумя могилами... могилой Эви... и могилой Норы... Цветочков в это время года нет. Весною я посажу цветочки на могилах!

Тебя, Рени, мне очень не хватает. Думаю много о тебе. Дай Бог тебе счастья, ты это заслужила. Целую Эрна”.

От Маргот и Марики пришло письмо. Они описали, как они попали к матери. Когда пароход доплыл до областного города Кирова, Марика осталась с вещами на пристани. А Маргот направилась в НКВД, к самому могущественному начальнику. Он принял её в своём кабинете. Она разъяснила ему подробно обо всех причинах их „побега” из совхоза. Она закончила свой рассказ словами: –„Наш „побег” был вызван только любовью и тоскою по нашей матери. Мы иначе поступить не могли! Теперь наша дальнейшая участь зависит от Вас: или посадите нас в тюрьму, или отпустите нас к маме? Может быть и у Вас есть мать? Может быть дети? Сжальтесь над нами, мы ведь не преступницы!! Мы там, в совхозе, будем честно трудиться – это я Вам обещаю!!...”

Начальник задумался, затем он ответил:

–„Если Вы обещаете больше никуда не удирать, я Вам разрешаю поехать к Вашей матери!”

Это обещание Маргот с удовольствием дала.

И таким образом дочки увидели свою мать...

Маргот оказалась права, когда она в день „побега” сказала:

–„Нельзя плыть по течению – надо „толкать” свою судьбу самим, иначе ничего не добьешься!...”

Маргот и Марика избежали тюрьмы. Я была рада за них и с удовлетворением подумала, что я имела маленькую долю причастности к их теперешней судьбе...!

Таллинн, 1971 год

Я жила после отбытия 14^{ти} лет ссылки, снова в Таллинне. Арнольда я встретила совершенно случайно, после 30 лет разлуки, на улице, в нашем родном городе Таллинне.

В один прекрасный день я торопилась в кино. Пересекая, погруженная в мысли, многолюдную площадь, меня внезапно догнал мужчина средних лет, который шёл с двумя детьми. Он обратился с радостной улыбкой ко мне и сказал:

„Здравствуй! Узнаёшь ли ты меня!?”

Я остановилась. Посмотрев удивленно на незнакомца и решив, что он меня с кем-то перепутал, я собралась уже продолжить свой путь... Как вдруг в его голосе и улыбке мне показалось что-то знакомое... И я поняла, что передо мною стоял Арнольд!

–„Рени! Я ведь тебя сразу же узнал... уже по твоей походке, которую не забыл, узнал! А ты не много изменилась – всё такая же красивая, как была!?”

–„Теперь и я тебя узнала, Арнольд!” – ответила я.

Он поцеловал и обнял меня прямо на улице. Сердце у меня замерло... Я себе никак представить не могла, что это тот Арнольд, которого я столько лет тому назад знала...

Я присмотрелась внимательнее в его лицо и нашла, что он сильно изменился. Виски его были седые, черты лица были острее, выражение глаз другое. Только улыбка осталась та же лукавая и на подбородке ямочка, которая мне всегда нравилась. Он был элегантно одет, держался прямо, был стройный как и раньше, и мне он казался еще выше, чем я его помнила...

Боже мой! Как обрадовались мы этой неожиданной встрече...

В кино я конечно не пошла.

Недалеко от площади находилось маленькое, уютное кафе. Мы зашли туда и уселись за столиком.

На мою просьбу Арнольд рассказал мне о своей жизни и о судьбе наших „друзей по несчастью”

Арно находился 15 лет в заключении. Он томился во многих режимных тюрьмах, где сидели политические заключенные; даже самой страшной „Владимирской тюрьме”, которую все пленные боялись. Потом его пересылали в разные трудовые лагеря, где работа была каторжная.

После отбытия 15^{ти} летнего срока заключения, он пробыл в ссылке, в Сибири 5 лет. Там он жил и трудился в очень тяжелых условиях. Мороз доходил зимою до 40-45°.

Наконец после 20 лет неволи, он освободился и получил разрешение вернуться на Родину, в Эстонию. Ему было тогда уже 47 лет!

В Таллинн он приехал 9 лет тому назад. Он женился на женщине, которая была на 17 лет моложе его.

–„Я женился. Мне хотелось иметь детей и наконец начать жить нормальной семейной жизнью. Вильма, моя жена, славный, порядочный человек. Дети у меня хорошие. Я своей теперешней жизнью доволен!” – объявил он мне.

Его детки мне очень понравились. Мальчику было около восьми лет. Он был похож на Арнольда в молодости, на того Арнольда из совхоза. Те же темные, кудрявые волосы, шуточные глазки и его очаровательная улыбка...

Дочке было четыре годика. Она была очень хорошенькая, блондиночка с синими глазами. Она не имела черты лица отца. Наверно была похожа на мать. Арнольд дал своей дочери имя покойной Норы... Передо мною была маленькая Нора... Я подумала, что у большой Норы были такие же светлые волосы и синие глаза!...

Арнольд будто угадал мои мысли, стал мне о Норе рассказывать и описал её трагичную смерть...

–„С Норой я наверно был бы счастлив. Мы подходили друг другу хорошо!” – добавил он грустно. Затем он вдруг спросил меня: „Скажи, Рени дорогая, как ты считаешь, может ли мужчина любить двух женщин одновременно, но по разному?? Я все годы задавал себе этот вопрос, потому что любил тебя и любил Нору...!”

Этот вопрос был мне так неожиданно поставлен, что мне пришлось задуматься раньше, чем ответить:

–„Я этому не верю! Если любовь настоящая, тогда любят только эту одну женщину – а не двоих одновременно! Я думаю, что вторая являлась иллюзией...!”

Больше Арнольд про свои чувства ко мне не говорил.

Узнала я также от Арнольда про судьбы нескольких „наших людей” из совхоза: Эрну собиралось начальство отправить вместе с матерью в другой совхоз. Обе женщины волновались очень, не зная куда они попадут? За два дня до отправки Эрна умерла. Она скончалась скорострительно от кровоизлияния в мозг. Смерть

её дочери Эви, тюремное заключение сыновей повлияли на её здоровье. Эрну похоронили на кладбище села Л..., возле маленькой Эви. В этом хоть была её судьба ещё милостива...

(Весной, когда она хотела посадить цветы на могилы Эви и Норы... она сама лежала там под землёй...!).

Мать Арнольда умерла несколько лет тому назад, но на Родине, в Таллинне, как она себе желала.

Её дочь, Лидия, пробыла 10 лет в тюрьмах и лагерях. В одном трудовом лагере с ней произошел несчастный случай. Она сильно упала перед трактором и тот наехал на неё. Обе ноги и позвоночник были повреждены и она осталась на всю жизнь инвалидом. Но, несмотря на то, что она была парализована, её отправили на 5 лет в ссылку. „Она может передвигаться на костылях или ехать в инвалидной коляске” – объяснил Арнольд. Её жених, которого она так любила, её конечно не дождался. Он женился, имеет двух замужних дочерей и стал уже дедушкой. Лидия не замужем. Она живёт со своей тётёй вместе, которая за ней ухаживает. Но она молодец, не унывает! Она читает, вышивает и вяжет много. Интересуется музыкой, которая заполняет её жизнь!

Алекс и Паул приехали после 10 лет заключения и 5 лет ссылки – в Эстонию. Они проживают в городе Раквере. В Сибири они женились на двух сибирячках. У Алекса есть дочь и сын. А у Паула четверо сыновей! Арнольд с братьями встречается. Старая дружба продолжается.

Сестра Норы вернулась после отбытия срока, с мужем и тремя детьми из Сибири. Она живёт в городе Тарту.

Цирковая акробатка получила в тюрьме нервный шок и свихнулась. Её поместили в психолечебницу. Она неизлечима.

Про остальных людей из нашей „большой семьи” Арнольд не знал. Слышал, что некоторые вернулись в Эстонию, а многие из них умерли в тюрьмах и трудовых лагерях.

Курьезную очень историю рассказал мне Арнольд про Антона. После судебного процесса над нашими людьми, Антон попал в немилость руководства совхоза. Может быть они боялись, что парень слишком много знает и проболтается...?? В общем, к нему стали из-за каждой мелочи придираться по работе и в поведении находили всякие неувязки. Под конец ему „состряпали” обвинение в том, что он потерял доверие у руководства совхоза ввиду того, что вёл „двойную игру” и действовал в интересах эстонцев.

Антон судили. Приговор гласил: за содействие эстонцам, которые устроили забастовку в совхозе, он заслужил 8 лет лишения свободы и 5 лет ссылки! Как-то раз, через много лет, Антон попал в тот же трудовой лагерь, где находился Арнольд.

В этом лагере Антон хотел себе облегчить жизнь и старался стать „глазом”. Он заигрывал и подлизывался к надзирателям и начальству, надеялся заслужить их доверие. Наверно его попытки увенчались успехом, т.к. он в скором времени получил самую завидную и привилегированную работу, о которой все заключенные мечтали получить – он стал на кухне „хлебрезом”. Это была сытная и легкая должность!!

Но заключенные наблюдали за хитрыми замашками Антона, они раскусили его коварные замыслы и „общим советом” решили от него „избавиться”.

(Между ними находилось множество убийц, которые были приговорены к пожизненному заключению. Им терять было нечего! Убить человека, который им „мешал”, был для них пустяк!).

В один прекрасный день они решили свой „смертный приговор” привести в

исполнение.

Они набросились на Антона, свалили его на пол и стали его ногами топтать по голове и телу... Заметив, что он всё ещё шевелиться, они били стержнем по голове... пока он не умер...

– „Так ему и надо было! Это была заслуженная кара для негодяя-изменника!“ – закончил Арнольд свой доклад об Антоне, нашем „глазе“...

C`est la vie...

Я уже упомянула, что находилась четырнадцать лет в ссылке. Только после смерти Сталина начали постепенно освобождать людей из заключения.

Я вернулась в 1955 году с моей семьей: мужем, дочкой, сыном обратно в Эстонию, г. Таллинн.

Леопольду и мне пришлось много тяжелого пережить. Но об этом я напишу во второй части книги.

Маргот и Марика вернулись также после 14 лет ссылки, со своей матерью, в г. Таллинн.

После стольких лет разлуки наша встреча была чрезвычайно радостной.

Сестрички рассказали, что и в их совхозе условия не были лучше, чем в нашем совхозе О... Работа была трудная, часто не по силам. Но морально им было легче, т.к. находились вместе с матерью.

Их отец (Свен Густавсон) умер в трудовом лагере. (Почти все пожилые люди из нашего поезда и из „мужского“ поезда умерли. Особенно умирали они в трудовых лагерях, не выдерживая лагерного режима и работы на большом морозе. Лоло говорил мне, что „они умирали как мухи“..., когда он после 5 лет разлуки ко мне приехал!).

Маргот вышла там же в совхозе замуж за ссыльного эстонца, который был намного старше её. Мне он был не симпатичен. Он был очень замкнут, малоразговорчив и придирался ко всему. Детей у них не было. Маргот была всё ещё очень красива и изящна. Она выглядела молодо. В браке счастлива она не была.

А Марика очень за эти годы изменилась. Она очень похудела и имела болезненный вид. От Маргот я узнала, что Марика лёгочная больная. Замуж она не вышла. Видимо она Паула очень любила и его не забывала. Теперь у неё есть друг с которым живёт вместе.

Я встречалась часто с моими „девочками“ (как я их всё ещё называла!).

Особенно Маргот была мне близка.

Мать сестричек была славная женщина, но очень больная. Она теряла равновесие и из дома почти не выходила. Потом она умерла во сне. Мы её все хоронили на кладбище.

С Арнольдом я была, до моего отъезда из Советского Союза в 1975 году, очень дружна. Он навещал меня дома и я ходила к нему и его жене в гости. Вильма выявляла полное понимание в сердечных отношениях между Арнольдом и мною... Она знала, что эта дружба чистая, что нас связывают общие воспоминания...

Сейчас, когда я пишу свою книгу воспоминаний, я часто думаю о моём далёком друге Арно, о его последних словах при прощании: „Рени! Не забудь написать книгу, когда ты будешь находиться в свободном мире! Обещай мне это!!“

Да, милый Арнольд, я сдержала своё обещание – и пишу книгу...!! Но ты об этом не знаешь! Я тебе об этом сообщить не могу!...

Несколько раз мы устраивали „вечера встреч и воспоминаний”...

Мы, те немногие, которые ещё остались из „нашей большой семьи”, собирались в квартире Арно, т.к. она была самая большая. Большинство из нас жили в одной комнате, даже с семьёй, как и я!! Таковы были жилищные условия в Советском Союзе!).

Собирались мы: Маргот, Марика, Алекс, Паул, Лидия, сестра Норы с мужем. Леопольд был также часто при этих встречах. А Маргот являлась всегда одна, иногда с заплаканными глазами... Её муж, который узнал о романе между Маргот и Алексом, был ревнив и устраивал ей сцены. Он запрещал ей встречаться на этих вечерах с Алексом и не разрешал ходить к Арнольду. Но Маргот была энергична, она поступала как ей хотелось и сидела всегда за столом около Алекса.

Обычно мы много болтали, смеялись и обменивались старыми воспоминаниями...

Но каждый из нас чувствовал, что мы уже не были теми, которыми являлись раньше...

У нас была уже „своя жизнь”... своя семья... другие интересы... другие переживания...

Такова уже жизнь – c'est la vie!!...

Радостное событие 10.09.1946 года.

Страшное известие.

Я получила, наконец, от Леопольда долгожданное письмо, написанное 5 сентября 1946 года.

Габи и я как раз завтракали, когда почтальонша принесла мою почту со словами: „Для Вас пришло письмо”.

Я сразу узнала почерк Лоло, сердце замерло, когда я его открывала. Лоло писал мне следующее:

–„Дорогие мои, ненаглядные!

Я очень рад и взволнован известием, что меня освобождают из заключения 13.09.1946 года и я могу приехать к вам, мои дорогие, навсегда после пяти лет строгого каторжного режима. Уеду я не один из лагеря, со мной уедет мой друг Лембит Рейнсалу, у которого в деревне Ренжата живёт жена Рээт с дочерью Линдой; 12 лет мы с ним очень дружны и так хорошо, что мы приедем вместе. Мы позаботимся о подводе, приедем на телеге с лошадьёю и кучером.

Когда я приеду, я не знаю, так что ждите нас к вечеру, не раньше.

Я безумно счастлив, счастлив, счастлив. Не вериться еще этому счастью, что я тебя, мою Рунниньку скоро увижу и мою золотую Габиньку поцелую.

„Жди меня и я вернусь, только очень жди!!!” Такова была моя песня все годы для тебя. Кончаю моё письмо, я слишком сейчас взволнован. Обнимаю и целую тебя на бумаге в последний раз – дальше будешь ты, моя Руннинька, у меня живая, моя, моя, моя!!!

Твой любящий тебя Лоло.”

10.09.1946.

Я прочла Габи вслух письмо Лоло и мы так обрадовались замечательной новости от нашего любимого папочки. Моя девочка так крепко обнимала и целовала меня, она была так счастлива, будто хотела весь свет обнять. Ей исполнилось уже 8 лет, она была уже большая девочка, уже школьница.

–„Мой папочка меня не узнает!” – говорила она мне.

–„Значит ещё три дня, и мы будем все вместе!” – подумала я.

Ни я, ни Габи не могли эти три ночи спать, мы так волновались.

13.09.1946 года с 14⁰⁰ часов дня до 20³⁵ мы ждали Леопольда. Ждали..., ждали..., ждали. И вот наступил этот момент, когда мы слышали стук в нашу

дверь и Леопольд стоял с сияющим лицом перед нами.
Нашу встречу невозможно описать. И это не нужно. Это чувство неопишимо от большой любви!!!
Но я заметила, что Лоло был печальный, задумчивый, что-то было у него на душе, о чём он не хотел сразу говорить.
Позже я узнала, что его мучает. Он мне рассказал о своём друге Лембите Рейнсалу, с ним произошло несчастье.
Рейнсалу вместе с Лоло вернулся из лагеря. Они оба приехали на одной подводе, сперва к жене и дочери Лембита, потом уже ко мне.
Когда они подъезжали к дому, где жила Рээт, они увидели дом номер 4, в окне был виден свет. И всё ближе и ближе был виден свет.
Оба друга были рады, что вот-вот Лембит встретится с женой и доченькой. Лембит соскочил с подводы и быстрее побежал к дому.
И вдруг Лембит остановился и схватился за сердце. Он уже не мог слова вымолвить. Он был бледен, как полотно, на лбу выступил пот.
Он умер на руках Лоло от сердечного удара под окном жены Рээт.
Вот такую трагедию пришлось пережить Лоло, прежде, чем он приехал к нам. Лоло слышал, как Лембит тихо повторял имя Рээт, звал свою доченьку: „Minu kullakene, minu linnukene, Lindakene, minu päike,” и горько плакал.
(По-эстонски это – „моё золотце, моя птичка, Линдочка, солнышко моё”).
Тяжело было Лоло оставлять умершего друга на руках несчастной Рээт и вернуться к своей семье, где его ждало счастье.
От слишком большого счастья можно тоже умереть.

Этот самый чудесный день в моей жизни. Когда мы, после ужина, укладывали Габи спать, она нежно обняла своего папочку и меня, положила обе свои ручки между нашими руками... так мы сидели втроём молча.
И вдруг мы услышали голосок Габи:
–„Папочка и мамочка, помолимся вместе Богу. Он сохранил нам нашего папочку...”
Это было так искренне, от всей души сказано. Мы прослезились, так душевна была наша девочка.
Леопольд спросил меня:
–„Рени, ты молишься Богу?”
–„Да, каждый вечер, мы вместе с Габи обращаемся с молитвой к Богу, мы знаем, что он есть. Он исполнил нашу большую просьбу, ты вернулся, он сохранил тебя. Я благодарна Богу”.
Леопольд крепко-крепко обнял меня и Габи. И так мы посидели молча втроём несколько минут. Я видела слёзы на лице Леопольда.
Когда наша девочка уже засыпала, она обняла своего папочку и сказала ему: „Я тебя, папочка, буду очень, очень любить. Ты мой папочка!!!”

Город Киров
Лебяжский район
совхоз Окуневский

Леопольд Клас-Гласс-(Лоло)
Рени (Реели) Клас-Гласс
Рая Мейертал – сестра Рени
Ирина – сестра Леопольда
Арнольд Авиксоо

Сегодня 1999 год, мне 88 лет. Я с марта 1977 г. живу в Берлине. В книге, которую Вы будете читать, рассказано о самых тяжёлых годах моей жизни.

Много было горя, много тяжёлых утрат близких, родных людей. Мой муж Леопольд умер в 1974 году в Таллинне.

Родители мужа и его брат Эдуард были жестоко убиты фашистами, а брат Альфред погиб во время войны.

Я с маленькой Габи была вывезена в Кировскую область, совхоз Окуневский и была в ссылке 14 лет. Из-за тяжёлой работы в совхозе, отсутствия медицинской помощи моя беременность закончилась трагически – я родила мёртвого ребёнка. Но жизнь продолжалась. Я работала, растила маленькую Габи, надеялась, что после окончания войны жизнь изменится к лучшему, мы вернёмся домой в родной Таллинн.

В совхозе были и хорошие, отзывчивые люди, такие как наш зоотехник, Аркадий Золотов, старавшийся, чем мог помогать нам; помогал мне и Арнольд Авиксоо и заботливая Эрна. Арно остался для меня большим, хорошим другом. Вскоре нашлись моя сестра Рая и брат Виктор.

Потом, после пяти лет тюрьмы, уже после окончания войны, приехал мой муж Лоло.

Мы вернулись в Таллинн. Жизнь постепенно начала налаживаться.

25 октября 1948 года в 23 ч. 11 мин. у меня родился сын.

На следующий день, поздравить меня с рождением сына пришла в гости Анна Клас.

Она спросила меня:

– „Рени, ты с Лоло выбрала имя сыну?“

– „Да,– ответила я – мы назовём его Эдуардом, в честь твоего мужа и отца Эри.“ Она крепко обняла меня, мы расцеловались и прослезились. Аня поблагодарила меня за „подарок“.

В дальнейших счастливых семейных годах у нас с мужем было много хороших, добрых друзей.

Мы дружили, и часто виделись с Георгом и Илоной Отс. Я до сих пор очень дружна с Илоной. Часто звоню ей из Берлина и мы подолгу разговариваем.

В нашем доме бывали и Юри и Астрид Ярвет, Арво и Нора Пярт, Нээме и Лилия Ярви, Анатолий и Фира Хансон, Кайдо Куузик и его мама, Анна Экстон и др.

Бывал у нас и Арнольд Авиксоо. С Арно мы трудились бок о бок в совхозе в те тяжёлые годы. Встречаемся мы и сейчас, когда я бываю в Таллинне. У нас много общих воспоминаний, нас согревает тёплая дружба.

Моё детство и юность прошли в Берлине. Молодой девушкой я мечтала стать актрисой. Я сдала экзамены и была принята в in die Reinhardt Kunst Schule, но мои родители были против, я отказалась от занятий, т.к. не хотела огорчать папу и маму и, сдав экзамены, я поступила в Reimann Kunst Schule.

В молодости, в Берлине, я была хорошо знакома с артистом Иваном Мозжухиным, который жил в соседнем с нами особняке.

У него в гостях я познакомилась и с певцом Фёдором Шаляпиным, кинорежиссерами Туржанским и Волковым.

С 1985 года по 1996 год я снималась в кино на Берлинских киностудиях. Роли были небольшие, но я радовалась каждой, потому что моя мечта осуществилась.

В последние годы умерли – мой муж, старшая сестра, племянница Марина, Анатолий Хансон.

3 ноября 1999 года я была на чудесном концерте Гётеборгского симфонического оркестра в Берлинской филармонии. Дирижировал Нээме Ярви. После концерта мы встретились, разговаривали, вспоминали о том, как я встречала его с семьей в Вене, когда они уезжали из Эстонии.

Был на концерте и композитор Арво Пярт, с которым у нас тоже воспоминания о прожитых годах. Сейчас он с семьей живёт в Берлине.

Я горжусь дружбой с этими большими музыкантами.

Горжусь большим музыкантом, большим оптимистом и тружеником – Эри Клас.

Книгу моих воспоминаний я посвящаю моим дорогим детям – Габи Бернштейн, её мужу Вольфу, Эдуарду Клас, сестре Рае Мейертал, племянникам Эри Клас и Георгу Хейндриксу и другу Арнольду Авиксоо.